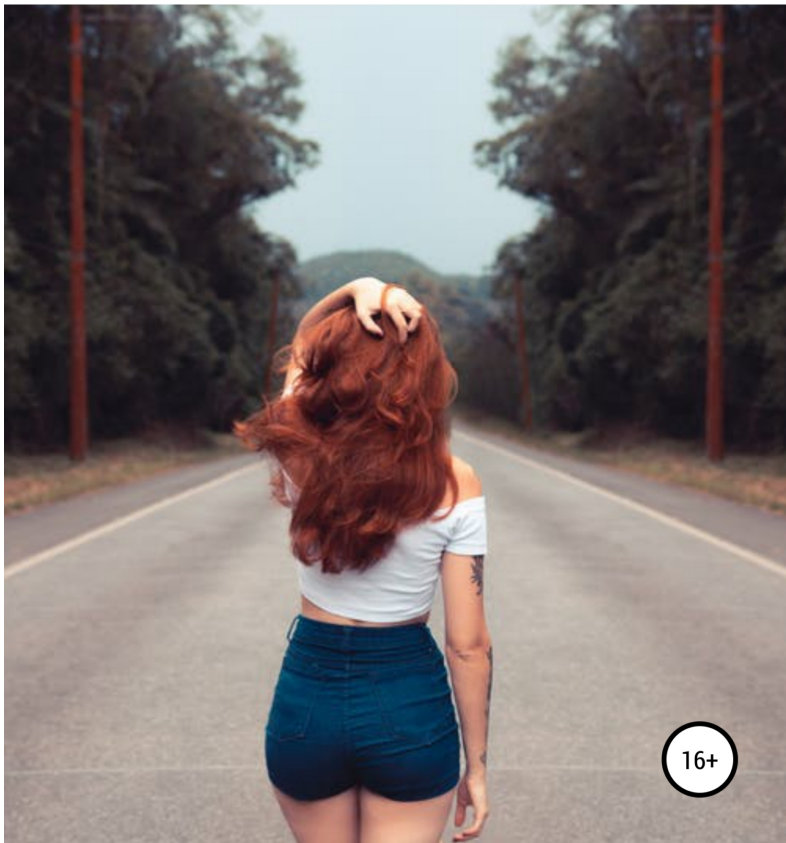

Наташа Михеева

Лисий остров

Наталья Игоревна Михеева

Лисий остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63520846

SelfPub; 2020

Аннотация

Твоё счастье в тебе самой. И стоит только приложить усилия – ты везде найдёшь свой Лисий остров. Даже если ты потеряешь всё – у тебя есть ты.

Содержание

Часть 1. Рита	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	38
Глава 5	41
Часть 2. Паук в углу	47
Глава 1	48
Глава 2	57
Глава 3	64
Глава 4	73
Глава 5	79
Глава 6	90
Часть 3. Кошки и собаки	98
Глава 1	98
Глава 2	108
Глава 3	118
Глава 4	129
Глава 5	132
Часть 4. Завтрак с шампанским	135
Глава 1	135
Глава 2	145
Глава 2	151

Глава 3	154
Глава 4	163
Глава 5	169
Глава 6	175
Часть 5. Наркотик	185
Глава 1	185
Глава 2	189
Глава 3	192
Часть 6. Лисий остров	199
Глава 1	199
Часть 7. Шкатулки памяти	204
Глава 1	204
Глава 2	214
Глава 3	219
Глава 4	222

Наталья Михеева

Лисий остров

Ты можешь что угодно демонстрировать снаружи, и оскароносно играть роли счастливого человека, но день на сцене жизни подойдёт к концу, и ты останешься без грима, костюма, и продуманной улыбки...

И только ты будешь знать – вернулся ли ты домой, или приплёлся прозябать под ненавистной крышей...

Любишь ты, и любим, или ни первого, ни второго...третье – тоскливое сожительство давно чужих эмоционально людей... или четвертое, пятое... десятое... но всё такое же безнадёжное, унылое, искусственно длящееся...

Тепло тебе в своей собственной жизни, или ты промёрз в ней до костей, перестав чувствовать то, что вроде бы как положено чувствовать живым... или ты и сам не знаешь, как тебе, потому что всё давно пущено на автопилотный самолётк...

И только тебе знать, каково тебе...

Кто ты на самом деле...

И растёт ли хоть один куст в твоей личной человеческой пустыне...

Хорошо, если растёт...

И хорошо, если ты каждый день находишь, чем его полить...

И ещё лучше, если тебе давным-давно не нравится хвастаться фантиками, и нет в том никакой нужды... равно как и в оскароносных

ролях...

*Ты перестал жить снаружи, и научился –
внутри...*

*Научился самому верному способу добывать
золотой песок счастья, отослав подальше всех
оценщиков и распорядителей твоей судьбы, и
расправив плечи от долгого терпения того, чего ты
терпеть не хочешь, и не должен...*

Только так начинаются лучшие истории...

*И только так ты живёшь, а не изображаешь
живого...*

Решайся...

Лиля Град

Часть 1. Рита

Глава 1

1

7.00. Будильник безжалостно вырвал меня из вязких объятий сна. Я распахнула глаза, и первая мысль влилась в моё сознание ледяным потоком. С этой мысли теперь начиналось каждое моё утро. Пора бы научиться с ней жить.

Я встала, собралась, выпила чашку чая и поехала на ра-

боту.

– Рита! Как же я рада тебя видеть! С возвращением! Выглядишь чудесно! – защебетала наша секретарша, увидев, что я вхожу в офис.

– Спасибо... В офисе, кроме нас, кто-нибудь есть?

– Пока нет. Как всегда, мы самые пунктуальные. Принести тебе кофе?

– Кофе? Да. Принеси, пожалуйста.

В отделе всё было по-старому. На столах – компьютеры и папки, на доске – планы продаж и списки клиентов.

Тут я поймала себя на мысли, что жутко хочу уйти отсюда, что мне почти физически сложно здесь дышать. И я лишний раз убедилась в том, что моё решение было правильным.

Дождавшись приезда директора, я зашла в его кабинет и попросила об увольнении. Он понял, что сопротивление бесполезно и после недолгих уговоров отпустил меня с миром.

Вот так вот, быстро и просто я попрощалась с руководящей должностью в крупнейшем рекламном агентстве Москвы. Придя в эту фирму 22-летней, я обладала соответствующим образованием, а также была «коммуникабельной, целеустремленной, амбициозной и имеющей активную жизненную позицию» симпатичной молоденькой девушкой с серыми глазами и стройной фигурой «песочные часы». Не жалея сил, времени и личного обаяния, я нарабатывала клиентскую базу, перевыполняла планы, получала хорошие деньги, безумно этим гордилась и стремилась заработать ещё.

В том же году моему отцу предложили хорошую должность в другом городе. Мои родители уехали, а осталась жить одна. Были мимолётные отношения с мужчинами, но серьёзных почему-то не получалось. Пока я не встретила Андрея.

Он был красив, уверен в себе, обаятелен и успешен. Он спокойно и методично добивался моего расположения, и, казалось, даже не допускал мысли о том, что я могу отказать. Он был очень интересным собеседником, галантным кавалером, а также давал мне приятное чувство стабильности, комфорта и защиты. И я растворилась. В нём и своих новых ощущениях.

2

Спустя три месяца после нашего знакомства я переехала в квартиру Андрея. Я наслаждалась нашим общим бытом, его влюблённым взглядом... И конечно же мечтала о свадьбе.

Предложение руки и сердца не заставило себя долго ждать, и вскоре Андрей стал моим мужем. Он развивал свой бизнес – сеть ювелирных магазинов. Я же усердно трудилась в агентстве, продавая рекламу, а также курируя новых менеджеров, и спустя небольшой промежуток времени получила должность руководителя отдела.

В свободное от работы время мы наслаждались друг другом и всеми прелестями праздной жизни: ходили в рестораны и на шумные вечеринки в компании друзей, на выставки

и премьеры кинофильмов, посещали элитные фитнес-клубы, летали отдыхать за границу... Я обладала весёлым нравом, была красивой, лёгкой, но в то же время неглупой, начитанной и материально независимой. Андрей восхищался мной и, казалось, очень дорожил нашим браком, а я отвечала ему взаимностью.

Иногда мы разговаривали о детях. Безусловно, мы оба хотели в будущем стать родителями. Но из-за пресловутого желания «сначала пожить для себя» откладывали рождение ребёнка на более поздний срок. Так прошло 5 лет.

Однажды, за две недели до моего 29-летия, сидя за ужином, Андрей сказал:

– Рит, я хочу ребёнка.

– Прямо сейчас? Подожди, я хоть доем.

– Рит, я не шучу. Мне уже 33 года. Я думаю, больше откладывать не стоит.

– А разве я говорила, что против? Я готова, правда готова. Но мы же, в конце концов, современные люди. Нужно сдать необходимые анализы, пройти обследование. И вообще, через две недели мой день рождения. Давай отметим его как следует, а потом возьмёмся за дело.

– Договорились. Кстати, как будем отмечать столь грандиозное событие?

– Если честно, пока не думала. Есть идеи?

– Может быть рванем за город? Забронируем домик, соберём ребят. Шашлычок, банька, снегоходы? Как тебе?

– Звучит заманчиво. Кого позовём? Самых близких или всех-всех-всех?

– Позовём всех. Ведь твой тридцатилетие будет куда более скромным. Кормящим мамам с новорождёнными детками обычно не до пышных праздников.

– Тридцатилетие... Больше не произноси этого слова!!! Я действительно не хочу отмечать эту дату! Так что давай в этот раз оторвемся по полной, а про тридцатилетие благополучно забудем...

– Как пожелаешь, моя старушка...

Андрей засмеялся и притянул меня к себе.

3

Великий Вуди Аллен однажды изрёк: «Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах». К сожалению, в верности этого изречения мне пришлось убедиться на собственном опыте.

Это был вечер пятницы, 19-ое декабря. Вечер перед днём моего рождения.

Выбранный нами загородный дом сдавался минимум на двое суток. Мы решили поехать туда заранее и заняться подготовкой к празднику. К тому же, вечер вдвоём у камина в компании бутылочки грузинского вина обещал быть волшебным и создать самое что ни на есть предпраздничное настроение.

Я ждала Андрея с работы, весёлая и слегка взбудораженная. К его появлению все вещи и продукты были укомплектованы, а я, полностью одетая, ходила из угла в угол, с нетерпением ожидая минуты отъезда.

– Рит, ты б себя видела! Мечешься, как тигр в клетке. Но боюсь, тебе придется подождать еще полчаса, я должен принять душ и перекусить.

– Даю тебе 30 минут и ни минуты больше! Кстати, ты забрал торт?

– Торт? Чёрт, нет... Совсем вылетело из головы.

– Ладно, я схожу за ним, пока ты собираешься. У меня полно энергии, и мне нужно куда-то её деть. Прогуляюсь пешком.

Я поцеловала мужа в губы, и быстрым шагом вышла за дверь.

Идти до кондитерской было буквально 10 минут. Я прошла пару кварталов и приблизилась к пешеходному переходу. Сделав шаг, и убедившись, что машины меня пропускают, я двинулась вперёд.

Всё произошло мгновенно. Из-за пропускающей меня ГАЗели вылетела легковушка. Визг тормозов. Глухой удар. Жуткая боль в нижней части тела. Боль длилась всего несколько секунд, но они показались мне вечностью. А потом наступила долгожданная темнота...

Я открыла глаза и увидела заплаканное лицо мамы.

– Привет, малыш. Как себя чувствуешь?

– Как будто меня переехал танк. И насколько я помню, от реальности я не далека...

– Да, на тебя наехала машина. Водитель скрылся с места ДТП. Номера никто не запомнил. В полиции завели уголовное дело, его ищут...

– Что со мной?

– Перелом костей таза. Врач сказал, что некоторое время тебе придётся лежать неподвижно. Но самое главное, что ты жива! Господи, как я испугалась за тебя...

– Я же смогу ходить? Я не останусь инвалидом?

– Конечно будешь! Нужно время, предстоит серьёзная реабилитация... Но прогноз самый благоприятный. Ты обязательно восстановишься.

– Слава Богу... А где Андрей?

– Он пробыл здесь всю ночь. Как только всё случилось, он сразу позвонил мне, и я вылетела первым же рейсом. К утру я его сменила. Он приедет чуть позже.

– Сегодня ведь 20-е, так? Где поздравления, торт?

– С днём рождения, солнышко! Ты шутишь. И это не может не радовать.

– Видимо, это последствия наркоза. Очень необычное со-

стояние... У меня ведь была операция, был наркоз?

– Да, Ритуль. Давай ты еще поспишь, а позже придёт врач, и всё тебе подробно расскажет. Я буду рядом. Мы договорились с врачами, и мне разрешили остаться на ночь.

– Спать? А что, веселья не будет?!

Я слабо улыбнулась. Мама погладила меня по голове.

– Спи, малыш. Я с тобой.

Я послушно закрыла глаза и через несколько секунд провалилась в глубокий сон.

Когда я проснулась в следующий раз, за окном уже было темно. Мама спала на соседней кровати, и я не стала её будить. Открылась дверь, и в палату вошла медсестра.

– Как вы себя чувствуете, Маргарита Сергеевна?

– Я бодра, как никогда. Почти готова пуститься в пляс.

– В пляс чуть позже. Сейчас будем ставить капельницу. Кстати, скоро зайдёт ваш лечащий врач. Он осмотрит вас и подробно расскажет о вашем состоянии. А пока поработайте ручкой, мне нужно найти вашу вену.

Где-то через полчаса пришёл врач – седовласый мужчина лет 50–55 с пышной бородой и серьёзным выражением лица.

– Добрый вечер, Маргарита. Меня зовут Алексей Владимирович, я ваш лечащий врач. Как самочувствие? – спросил доктор, аккуратно осматривая меня.

На этот раз шутить мне не хотелось, а озадаченный взгляд доктора вызвал смутную тревогу.

– Неплохо. По крайней мере я не чувствую боли.

– Мы применили новокаиновую блокаду, боль чувствоваться не должна.

После нескольких секунд молчания доктор продолжил.

– У вас двусторонний перелом таза с нарушением непрерывности тазового кольца. Вы потеряли много крови. Также были повреждены некоторые внутренние органы. Мы провели операцию и на данный момент угрозы для жизни нет.

– Спасибо...

– Мы положили вас на специальный щит, на котором вам придется пролежать от семи до девяти недель в зависимости от того, как пойдёт процесс выздоровления. Вам будет назначена физиотерапия и ЛФК. Если говорить о полном восстановлении, оно произойдёт приблизительно через четыре месяца. Так что придётся запастись терпением.

– Самое главное, что я жива и смогу ходить. Всё остальное – мелочи.

– Есть ещё кое-что, о чем я должен вам сообщить.

Я почувствовала, как в горле нарастает ком.

– Как я уже говорил в процессе перелома были повреждены внутренние органы. Сильно пострадала матка. Её пришлось удалить. Мне жаль.

– Как удалить?! Что это значит?! Я никогда не смогу иметь детей?!!!

– К сожалению, это так. Но мы боролись за вашу жизнь. Выбора не было.

– Вы сейчас шутите?! Пожалуйста, скажите, что вы шути-

те!!!

– Я понимаю, что сложно, но вы должны успокоиться. Я зайду завтра. – сказал доктор и вышел за дверь.

От моих рыданий проснулась мама. Она что-то говорила, пытаясь меня утешить. Но я уже ничего не слышала.

5

Два с лишним месяца я была прикована к постели.

Первые дни мама практически постоянно была рядом со мной. Но вскоре ей пришлось уехать – нужно было возвращаться на работу, тем более, что самочувствие моё с каждым днём становилось всё лучше. Я с усердием изображала человека, излучающего позитив, чтобы мама уехала домой с более или менее спокойным сердцем. После её отъезда я испытала некоторое облегчение и смогла без зазрения совести отдаться своим истинным чувствам. Я благодарила Бога и врачей за то, что обездвижена не навсегда, но мысль о моём абсолютном бесплодии буквально съедала меня...

Иногда ко мне приезжала подруга, и в эти дни мне становилось немного легче. Андрей навещал меня регулярно, но подолгу со мной не оставался. Мне даже начало казаться, что он приезжает исключительно из чувства долга, а не по собственному желанию. Я скинула это на своё извращенное депрессией сознание, но всё-таки сказала мужу, чтоб он не рвался ко мне, если не успевает или устал.

В начале марта я потихонечку начала вставать и ходить на костылях. Массаж, физиотерапия и лечебная физкультура интенсивно способствовали моему восстановлению. Вскоре я стала передвигаться самостоятельно и меня выписали домой. Ходила я медленно, прихрамывая на левую ногу, но врач обещал, что к концу реабилитации это пройдёт.

Я всей душой надеялась, что стены дома и присутствие рядом мужа принесут моей душе желаемое облегчение, но этого не произошло. Стены оказались лишь стенами, а Андрей, не успев привезти меня домой, тут же уехал на работу.

Размеренные и неторопливые дни моего дальнейшего восстановления проходили за лечебными процедурами, прогулками, чтением книг и просмотрами фильмов. Андрей появлялся дома редко, ссылаясь на загруженность работой и другие дела. Я честно проявляла внимание, готовила его любимые блюда, старалась быть ласковой, позитивной и не нагружать его своими грустными мыслями. Но отдачи так и не получила. Тогда я решила плыть по течению и сосредоточиться на здоровье.

Врач не обманул: хромота ушла довольно быстро. Моё физическое состояние улучшалось с каждым днём, а вот душевное оставляло желать лучшего. Ведь теперь каждое моё утро начиналось с мысли о том, что я никогда не смогу иметь детей.

Когда я вышла на улицу на очередную прогулку, мои глаза тут же залил яркий солнечный свет. Пройдя несколько метров, я села на лавочку. Был разгар апреля, и в воздухе витал его неповторимый запах, окунающий в пучину самых разных воспоминаний из детства и из юности. Я поймала себя на мысли, что давно не прислушивалась к этому запаху...

Погрузившись в размышления о последних годах своей жизни, я поняла, что подчинила её бешеному круговороту, сводящемуся к удовлетворению амбиций и получению удовольствия. Я вдруг в полной мере ощутила ПУСТОТУ своего существования. Пустота была всегда. Но когда ты знаешь, что у тебя есть возможность стать родителем, пусть и не скоро, эта пустота не пугает тебя, ты вообще не замечаешь никакой пустоты. А теперь вот я стояла к ней лицом.

Мои достижения, моя работа, мои дни – всё вдруг показалось мне бессмысленными фантиками. Что хорошего я принесла в этот мир? Кому я помогла? Я стала себе отвратительна. Я почувствовала себя бесполезным куском мяса, бестолково мотающим свой срок. Я никогда не смогу дать жизнь. Не смогу обнять своего родного ребёнка и испытать это истинное счастье... Слёзы теплой струйками покатались по моим щекам. И мне до жути захотелось всё изменить.

Глава 2

1

Войдя в квартиру, я с удивлением обнаружила, что Андрей дома.

– Привет! Не ожидала тебя здесь увидеть.

– Привет. То же самое могу сказать и про себя. У нас сегодня тимбилдинг на природе, коллектив расширяется, и его нужно спланировать, сама понимаешь... В общем я пришёл переодеться. А ты почему не на работе?

Муж выглядел растерянным и глупо улыбался. Таким я его видела впервые.

– Я уволилась.

– Почему? Что случилось?

– Я просто осознала, что хочу чего-то большего. Я не могу сказать ничего плохого о нашей компании, и тем более о людях, с которыми я долго работала бок о бок... Но вся суть моей работы всегда сводилась лишь к деньгам и азарту. А я не хочу тратить на них большую часть своей жизни. Нет, я не говорю, что деньги не нужны. И я не собираюсь садиться на твою шею. Но я хочу найти себя. Глупо звучит, когда тебе почти 30 лет, да?

Тут у Андрея зазвонил телефон.

– Да. Скоро буду. Выезжаю буквально через минуту. До встречи! Ритуль, мне пора. Делай так, как считаешь нужным, я в любом случае тебя поддержу.

– Спасибо. Во сколько тебя ждать?

– Я разве не предупредил? Мы едим за город, в конный клуб, и остаёмся там на ночь.

– Нет, ты не говорил.

Чувство обиды и одиночества накрыли меня с головой. Я хотела сдержаться, но слова сорвались с губ сами собой.

– Андрей, что за дела?! Я живу дома уже целый месяц, и практически всё это время нахожусь одна! В будни ты приходишь с работы ближе к ночи и сразу же ложишься спать, а в выходные у тебя то тимбилдинги, то выставки, то проблемы у друзей! Может стоит записаться в кружок авиамоделирования? А то ты уже начинаешь повторяться...

– Рит, что ты несешь? Какое авиамоделирование?

– Я чувствую, что ты от меня бегаешь. Твоё отношение изменилось, это очевидно. И мне хотелось бы знать причину.

– Какую причину?! Ты о чём вообще?!

– Ладно. Считаешь, что всё в порядке – значит так оно и есть. И вообще, я не собираюсь навязывать своё общество кому-либо. Желаю хорошо отдохнуть!

Я ушла в спальню, и через пару секунд услышала, как закрывается входная дверь.

Вечером я позвала к себе в гости подругу.

С Полиной мы дружили со школы, с самого первого класса. Ещё будучи ребёнком, невысокая, пухленькая, кудрявая Поля всегда отличалась особой благоразумностью и рассудительностью. Она никогда не прогуливала уроков, не лазила по крышам гаражей, а её дневник пестрил сплошными пятёрками. Впрочем, это совсем не мешало иметь ей непоколебимый авторитет среди одноклассников: Полина всегда была добродушной, весёлой, общительной, а также легко могла за себя постоять, если появлялась необходимость.

Наша же дружба началась с книг. Научившись читать самостоятельно, мы с упоением обсуждали приключения девочки Элли и её друзей в Изумрудном городе, смеялись над Незнайкой, сочувствовали оловянному солдатику и его прекрасной танцовщице... Однажды речь зашла о книге Гектора Мало «Без семьи» – грустной повести о приключениях мальчика Реми, который долгое время считал, что он сирота и скитался по чужим людям. Я стала сокрушаться над его тяжёлой судьбой, а восьмилетняя Поля с видом умудрённого опытом человека заявила: «Как же много в нашем мире зависит от денег...». Я многозначительно закивала, полностью соглашаясь с глубокими словами подруги.

В третьем классе мы влюбились. Вдвоём в одного маль-

чика. Его звали Миша, и он отличался ото всех прочих тем, что был самым настоящим маленьким джентльменом. У джентльмена были светлые кудри и большие карие глаза, а еще очень доброе сердце. Он доставал котят с деревьев, носил девочками рюкзаки, и всегда давал свою лучшую ручку, если кто-нибудь забывал свою и просил у него запасную. До девятого класса Мише было явно не до нас. А мы тем временем твёрдо решили: Миша будет с тем, кого выберет сам. И каков бы ни был его выбор, он не должен повлиять на нашу дружбу.

В девятом классе наш школьный психолог, дабы помочь нам осознать радость дружбы и бескорыстия, затеяла с нами игру под названием «Мой тайный друг». Мы записали имена и фамилии каждого из нас на отдельном листе и свернули их так, чтобы нельзя было прочитать. Психолог сложила записки в открытую коробку, прошлась по классу, и каждый ученик вытянул по свертку с именем.

Учитель объяснил нам, что в течение следующей недели мы должны, не выдавая себя, проявлять как можно больше внимания к «тайным друзьям», чтобы те почувствовали себя нужными и любимыми. Можно было писать записки с комплиментами и стихами, дарить небольшие подарки и угощать сладостями. В конце недели мы должны были ответить, получилось ли у нас разгадать «тайного друга» и поделиться впечатлениями.

На следующий день я обнаружила на своей парте заклад-

ку с изображением Леонардо Ди Каприо и жевательную конфету «Дядя Стёпа».

– Поль, кто это может быть, как ты считаешь? Понимаешь, он угадал всё. И про то, что я люблю читать, и про Лео, даже с конфетой угадал... – шептала я на перемене не особо воодушевлённой Полине, которой подсунули в пенал мятый вкладыш от жвачки «Турбо».

– Счастливая ты, Рит... Мне кажется, это либо Синицын, либо Антонов. Либо Миша... Впрочем, я могу ошибаться.

В течение недели я находила у себя на парте и в рюкзаке и другие сюрпризы, которые заставляли моё сердце биться чаще: ярко-зелёный значок с именем «Маргарита», синий брелок в форме сердечка с плескающимися в нём блёстками и письмо в настоящем конверте, на котором было всего 6 слов: «Твои глаза – самые красивые на свете...».

В субботу игра заканчивалась, планировалось обсуждение и классная дискотека. На обсуждении выяснилось, что моим тайным другом был... Миша.

Я была вне себя от счастья, а Полина, если и была расстроена, то совсем не подавала виду.

– Если объявят белый танец, я его приглашу... – решительно заявила Поля, когда мы вышли в коридор, чтобы отдышаться после активных телодвижений по музыку «Руки Вверх».

– Пригласи. Я вряд ли решусь...

Погуляв минуты три по коридору, мы снова вернулись в

класс. Из колонок лился чувственный голос Сергея Жукова, исполняющий одну из самых душераздирающих композиций того времени:

«Ты подойди поближе... Присядь со мною рядом... Я не могу тебя так долго жда-а-ать...»

Тут я почувствовала, что кто-то, стоящий за моей спиной, осторожно взял меня за руку. Это был Миша.

– Потанцуем?

От растерянности, я не смогла вымолвить ни слова. Просто молча обняла его за плечи, и мы медленно закружились в такт музыки.

– Рит, ты давно мне нравишься... Скажи, ты будешь моей девушкой?

На секунду я оцепенела.

– Буду...

В этот вечер меня первый раз проводил до дома мальчик. Полина ушла раньше, чего к своему стыду, я совершенно не заметила. На следующий день, Полина, как обычно, зашла за мной, чтобы вместе пойти в школу.

– Рит, я не буду врать. Мне жутко обидно. Прорыдала всю ночь, мама даже валерьянку мне давала... Но был уговор. И между нами всё остаётся, как прежде.

Мы обнялись и расплакались.

Наши с Мишей отношения длились три месяца. А 23 мая, перед каникулами, он сообщил мне, что они с родителями переезжают жить в Казахстан...

Это было первое лето, которое совсем меня не радовало. К счастью, моя мудрая Полина была рядом.

3

Уютно устроившись в мягких плетёных креслах, мы с Полиной сидели у меня на балконе, пили кофе и смотрели на освещенный предзакатным солнцем двор.

– Поль... Расскажи мне, как это – быть мамой. Про то, что ты почувствовала, когда у тебя появился Ваня...

– Рит, ты мазохистка, скажи честно?

– Нет. Просто хочу послушать... Расскажи. Во всех красках расскажи. Не боюсь меня уязвить.

– Ну как пожелаешь... Первые два часа я тупо смотрела на него, пока он спал. И не могла насмотреться... А когда он первый раз взял грудь, я словно ощутила себя целой, и поняла, что вот оно – то самое счастье, о котором столько говорят. Я кормила его, держала на ручках, вдыхала его запах, и была абсолютно счастлива. Я растворилась в нём, и окружающий мир словно перестал для меня существовать. Никогда бы не подумала, что можно ТАК любить...

Следующие несколько минут прошли в молчании. Полина, судя по всему, пребывала в своих воспоминаниях, а я пыталась сдержать подступившие к глазам слёзы...

– Давай лучше о тебе. Ты всё-таки уволилась сегодня? – наконец-то спросила подруга.

– Уволилась.

– Какие планы на будущее?

– Пока не знаю, Поль. Буду стараться наполнять свою жизнь смыслом.

– Слушай, а может тебе творчеством заняться? Ты же художественную школу окончила! И в университете всякие стенгазеты оформляла! А на парах ты чем занималась? Насколько я помню, в твоих тетрадях рисунков было гораздо больше, чем конспектов...

– Я думала об этом. Я правда люблю рисовать. Любила. Раньше. Давно я этим не занималась...

– Ну значит начинай любить заново. А об остальном позаботится старая мудрая тётя Поля.

– О чём ты позаботишься, позволь полюбопытствовать?

– О твоей карьере. Карьере художника-иллюстратора в детском издательстве.

– В каком издательстве? Кто ж меня возьмёт-то туда?

– Помнишь Артёма – друга моего Дениса? Его брат – Роман – владелец частного издательства детской литературы. Недавно приходил к нам домой. Очень приятный мужчина, кстати. За ужином поделился, что никак не может найти действительно талантливого иллюстратора.

– Здорово, конечно. Но что-то я не уверена, что он посмотрит в мои прекрасные глаза и возьмет меня на работу, совершенно не обратив внимания на то, что иллюстрировать я НЕ УМЕЮ... Ты вообще в курсе, что на иллюстратора

нужно учиться?

– А кто тебе мешает пойти на курсы? Их в Москве сейчас, как у дурака – фантиков!

– Ну вообще, ты права...

– Тебе сейчас самое главное, чтобы было куда стремиться.

Вот тебе плодотворная почва для развития – учись, твори! И копи портфолио. Наберешь приличное количество работ – пойдём к Роману. Посмотрим, может что и выйдет из этой затеи... По крайней мере сейчас у тебя будет цель. Между прочим, очень достойная. И вообще, я в тебя верю.

– Спасибо, Поль... Это действительно хорошая идея. Завтра же начну. Деньги на первое время у меня есть, думаю, несколько месяцев смогу прожить, не заморачиваясь.

– Вообще, насколько я помню, ты замужем... Причём за довольно-таки обеспеченным человеком.

– Я никогда не спрашивала у Андрея денег, ты же знаешь. Подарки, поездки – это одно. А на свои личные нужды я всегда зарабатывала сама. Да и отношения у нас сейчас... довольно прохладные. Дома он почти не бывает. То одно, то другое. Сегодня опять уехал на два дня.

– Куда?

– Говорит, что на тимблдинг.

– Судя по твоему тону, ты ему не веришь...

– Не знаю, Поль. Не могу сказать с уверенностью, что он врёт, но одно совершенно точно: он от меня бежит, и я не могу понять почему...

– Вам надо просто откровенно поговорить. Может правда заработался человек. В конце концов, то, что произошло – и для него тоже стресс. И вполне возможно, что он переживает его именно так – уходит в работу. Конечно, в идеале, он должен тебя поддерживать, отвлекать, уделять больше внимания. Но идеально не бывает, ты же знаешь...

– Да, ты права... Позвоню ему попозже. А то мы нехорошо как-то расстались.

4

Проводив подругу, я достала телефон и набрала номер Андрея. «Абонент не отвечает или временно не доступен. Попробуйте позвонить позднее» – сообщил приятный женский голос не самую приятную новость. Недолго думая, я позвонила его бухгалтеру, решив, что на телефоне мужа всего лишь села батарейка.

– Татьяна Валерьевна, добрый вечер! Андрей не рядом? Никак не могу до него дозвониться...

– Риточка! Здравствуй, дочка! Андрея рядом нет. Да и откуда ему взяться? Я давно дома, спать уже собираюсь.

– Как дома? А почему вы не на тимбилдинге?

– Где?

– Мне Андрей сказал, что вы всем коллективом уехали в конный клуб...

– Нет, Риточка, я ни о каком конном клубе и знать не

знаю...

– Понятно... Извините за беспокойство...

– Вы, наверное, не поняли друг друга. Всё прояснится, не переживай, дочка...

– Да, видимо, не поняли... Спасибо, Татьяна Валерьевна!

Спокойной ночи!

Я положила трубку. Сердце бешено колотилось в груди.

Я звонила Андрею всю ночь и всё утро. Телефон всё так же не отвечал.

5

Около полудня я проснулась от того, что кто-то открывал входную дверь ключом. Быстро встав с кровати, я выбежала в прихожую.

– Как прошло сплачивание коллектива? Удачно? – спросила я предательски сорвавшимся голосом.

– Всё нормально. Что с тобой? Ты вся дрожишь...

– Я звонила твоему бухгалтеру. Тимбилдинга не было.

Андрей молча разделся, прошёл в комнату, сел в кресло и закрыл лицо руками.

– Хорошо, что ты всё узнала... Я боялся начать этот разговор.

– Что ты хочешь этим сказать? У тебя кто-то есть?

– Есть.

Моё сердце упало. Все дальнейшие свои слова я слышала,

как будто со стороны.

– Ясно! Ну тебя можно понять, что уж греха таить! Из колечка удалили бриллиантик, и оно потеряло цену! Хоть время бы выждал приличия ради!

– Рит, всё не так...

– А как?! Как?! Поделись со мной по старой дружбе!!! – я перешла на крик.

– Не кричи. Сейчас я всё тебе расскажу... В декабре я взял новую сотрудницу. Красивую и очень самоуверенную. Прости за подробности... Всё произошло на корпоративной вечеринке в честь 10-летия компании. Весь вечер она заигрывала со мной. После праздника мы поехали по домам на одном такси, так как нам было по пути. А потом я банально зашёл на кофе... Понимаешь... Тебя долго не было, и я оказался очень лёгкой добычей...

– Не понимаю...

Меня била мелкая дрожь.

– Прости меня...

– Одним разом всё не закончилось? Всё продолжается? Так?!!!

– Так. Но на самом деле всё ещё сложнее... Выслушай меня, пожалуйста. После той ночи, мне было жутко стыдно. Я решил, что больше не должен совершать подобных ошибок, заплатил ей за три месяца вперёд и попросил уволиться по собственному желанию. Она ушла, не поднимая лишнего шума, чему я был несказанно рад. А через три недели она

сообщила мне, что забеременела...

Я засмеялась истеричным смехом. А потом заплакала...

– Прости. Я не хотел, чтоб так вышло...

– Ты предатель! Ты грёбаный предатель!!! Я хочу собрать вещи! Сделай одолжение – уйди!

– В таком состоянии я тебя не оставлю...

– Я ценю твоё благородство, но моё состояние – больше не твоя забота! Ты УЖЕ меня оставил! Переживай о своей любовнице и будущем ребёнке, если конечно он действительно твой...

– Мой. Совсем недавно мы провели ДНК-экспертизу. До второго семестра делать тестирование было опасно. Результат пришёл вчера. Поэтому я и уехал...

– А до этого? Ты нёс мне всю эту чушь про работу, чтоб встречаться с ней?!

– Да... Мы договорились, что пока не пришли результаты экспертизы, мы будем просто общаться. И только когда анализ подтвердит моё отцовство, я подам на развод.

– Ну что ж. Я готова тебе его дать. Разве могу я мешать молодой семье?

– Рит, я всё понимаю... Понимаю, что тебе и так пришлось тяжело, а я, вместо того, чтоб быть рядом и поддерживать, добиваю тебя... Я знаю, что по отношению к тебе поступаю, как конченная скотина... Прости...

– В какой момент закончилась твоя любовь? А, Андрюш?

– Рит... Я принял решение. Остальное уже не имеет зна-

чения...

И тут я поймала его взгляд. Выражение его глаз, хоть и имело лёгкий оттенок сожаления, но по большому счёту оставалось абсолютно холодным. Словно передо мной стоял совершенно чужой человек.

– Я поняла. И не имею ни малейшего желания с тобой спорить. Будь другом – уйди, пожалуйста. К вечеру меня здесь не будет. Не бойся, руки на себя не наложу.

– Хорошо. Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь.

Андрей ушёл. А я упала на кровать и громко разрыдалась.

6

Немного успокоившись, я позвонила Полине и попросила приехать. Мы кое-как собрали вещи и отправились в пустующую квартиру моих родителей. Там до глубокой ночи Поля пыталась успокоить меня, убеждая, что раз Андрей уходит – значит туда ему и дорога, а для меня – это всего лишь затянувшаяся чёрная полоса, и её просто нужно пережить. Что я красивая, умная, по большому счёту здоровая молодая женщина и у меня миллиард возможностей стать счастливой. А я пила вино, безуспешно пытаясь заглушить свою боль. Часам к трём я наконец уснула, и Полина уехала домой.

Открыв глаза буквально через пару-тройку часов, я уже не смогла их сомкнуть. На этот раз мысль о бесплодии меня не посетила. Ей на смену пришла иная: мой муж уходит

к другой женщине, которая ко всему прочему ждёт от него ребенка.

Еще в ранней юности я заметила одну вещь: когда со мной случается несчастье, тяжелее всего по утрам. В возрасте четырнадцати лет я потеряла свою любимую собаку – на неё наехал грузовик. В этот вечер я выплакала море слёз, но утро оказалось намного болезненней... За ночь ты как будто забываешь о произошедшем, пребывая в мире своих иллюзий. Наутро же осознание случившегося с силой бьёт тебя по голове.

Так же было, и когда уехал Миша: вечером была злость, обида, а утром боль нещадно сжала меня в тиски, не давая сделать вдох.

И когда однажды ночью родителям позвонила бабушка с известием о смерти деда... Никогда не забуду то утро, когда страшно открыть глаза и увидеть мир, в котором больше нет твоего родного человека...

И тогда, в больнице, после того, как я узнала о том, что никогда не смогу стать мамой – то же невыносимое утро...

И сегодня...

Я навела порядок в квартире, разложила вещи, и поняв, что находиться сейчас одной – это пытка, опять позвонила подруге.

– Привет...

– Привет. Ну ты как?

– Плохо...

– Не поверишь, но это нормально. Я уже выехала из дома, скоро буду у тебя.

– Я думала, ты сегодня с семьей... Денис с Ваней ещё не возмущаются, что мать вместо того, чтоб варить борщи и читать про «Буратино», третий день нянчится со своей подружкой-неудачницей?

– Да нет, всё в порядке. Отправила их на дачу вместе с бабушкой, открывать сезон грядок. – Давай там не кисни, я скоро буду!

От новости, что Полина приедет, на душе потеплело. Несмотря на то, что друзей-приятелей у меня было не мало, делить произошедшее с кем-то ещё желания не было. Может быть потому, что я не хотела заново рассказывать, а значит и заново переживать, произошедшее... Или потому, что в действительности Поля была единственной, кому я по-настоящему доверяла...

В этот день подруга решила, что завить мне волосы и заставить надеть туфли на высоких каблуках – ее святая обязанность. И оказалась права: через некоторое время из печального ослика Иа я превратилась в шикарную женщину. Правда от бессонной ночи и пережитого стресса у шикарной женщины слегка подергивалось левое веко, что, впрочем, было почти не заметно...

На улице стояла солнечная, по-летнему теплая погода, в связи с чем было принято решение поехать в парк. Там, кушая сладкую вату, катаясь на аттракционах, я начала немно-

го забываться. Потом мы пили шампанское на белой веранде кафе, много смеялись, вспоминая забавные случаи из жизни. Светило солнце, вокруг носились дети. Яркая и беспечная картина, в которую я, со своими кудрями и смехом, вписывалась более чем гармонично. Только вот бравада моя была карточным домиком – дунь на него, и он рухнет. Ткни меня пальцем – и я расплачусь.

А вечером, возвратившись в пустую квартиру с ее давящей тишиной, я упала лицом в подушку и почувствовала себя до боли несчастной и одинокой. Казалось, я лежу на дне глубокого колодца, измученная и всеми покинутая... Но кто знает, может быть и правда, чтоб поплыть наверх, нужно оттолкнуться ото дна?

Глава 3

Развод прошёл тихо. Возможно, потому что мой муж ждал ребёнка от другой женщины и назад дороги не было, наша семья разрушилась быстро, окончательно, без лишних терзаний и сомнений.

Выйдя из зала суда, мы сухо попрощались и разошлись по разным сторонам жизни. Было странно, пусто, больно... Но я понимала: цепляться за прошлое – бессмысленно, остаётся одно – смотреть вперёд. И это спасало.

На следующий день после развода я записалась в школу иллюстрации и живописи. Училась жадно, с удовольствием, как губка, впитывая все, что давалось педагогами. А в дни, свободные от занятий, вставала с рассветом, садилась в машину и ехала далеко за город. Там я рисовала пейзажи, рисовала цветы, восхищаясь их нежной красотой... И даже маленький паучок, сидящий в своей паутине, покрытой каплями росы теперь совсем не отталкивал меня, а виделся прекрасным. Я наслаждалась процессом, не меньше, чем результатом, и чувствовала, как целительная сила искусства потихоньку лечит мою душу. Вдали от городского шума и суеты, под нежными лучами утреннего солнца, вдыхая чистый, свежий воздух, я стояла перед мольбертом с палитрой красок в руках и ощущала такую гармонию, которой, казалось, не испытывала никогда.

Вечерами я перечитывала сказки Андерсена – старую толстую книжку моего детства в волшебном и местами жутком переводе Анны и Петра Ганзен. Картинок в книге не было, поэтому я без труда смогла дать волю фантазии и вскоре сделала несколько набросков своих первых иллюстраций. С головой окунувшись в творческий процесс, я с замиранием сердца следила, как оживают мои герои. А когда задуманное получалось воплотить в жизнь на все сто процентов, когда у картинки появлялось настроение, а у героев – душа, восторгу моему не было предела.

Но все же, не думаю, что если бы я не испытала всего того, что произошло со мной за последнее время, мои картины получились бы такими, как сейчас.

Маленькая девочка, босиком шагающая по заснеженной улице, пытаюсь продать хотя бы одну пачку спичек, была до того одинокой, несчастной и трогательно верящей в чудеса, что хотелось прижать ее к груди и защитить от всех бед...

А Русалочка? Сколько боли было в её глазах от того, что принц женится на своей прекрасной невесте, а ей «одну ночь осталось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо»...

Кай же смотрел на меня холодным и невозмутимым взглядом. Передать этот взгляд было не сложно. Ведь воспоминание о последней встречи с мужем было всё ещё свежо...

Наделяя героев эмоциями, я не только давала им жизнь. Мне казалось, что я снимаю с себя весь груз своих пережи-

ваний, навеки заключая их в свои рисунки. Это приносило мне огромное облегчение и наполняло какой-то светлой, созидательной силой. Моё сердце успокаивалось, а душевная пустота начала постепенно заполняться. И я почувствовала совершенно чётко: я на правильном пути. Рисование вернуло мне меня.

Глава 4

Аккуратно отламывая небольшие кусочки от докторской булки, я бросала их в воду, пытаясь накормить, судя по всему абсолютно сытых лебедей, лениво плавающих по водной глади городского пруда.

– Ну что, подруга, давай показывай плоды своей работы. Мне до жути любопытно. – нетерпеливо вымолвила Полина.

Я достала планшет и, открыв папку «Портфолио», передала его Поле.

– Это акварель. Я рисую красками, потом сканирую и дорабатываю в Photoshop. Пришлось потратиться на профессиональный сканер, но он того стоил. Ну как тебе?

– Я, конечно, не профессионал, не могу оценить твою технику и так далее... Но как простого обывателя ты меня впечатлила. «Девочка со спичками» – очень сильная работа, на мой взгляд...

– Да, я сама её люблю... Ты дальше посмотри. Там ещё Маршак есть. И Михалков. Иллюстрации к их стихам довольно позитивные.

Полина внимательно просмотрела другие папки.

– Слушай, мне очень нравится... Даже не верится, что это ты нарисовала. Шучу. Ты молодец.

– Как думаешь, твой Роман Владимирович будет того же мнения?

– Понятия не имею.

Полина открыла сумку, достала визитку и сунула её мне в руки.

– Вот его контакты. Отправь свои работы ему на электронную почту. А я позвоню, предупрежу.

– Спасибо тебе, Поль... Ведь это ты меня направила... Ты даже не представляешь, как я счастлива, что начала рисовать. Кажется, я нашла себя. А ещё просто заболела этой идеей – иллюстрировать детские книги. Ты помнишь себя ребёнком? Помнишь, как рассматривала картинки в детских книгах? Для детей иллюстрации также важны, как и содержание. Что за книжка такая без картинок?

– Да... Помню, была у меня в детстве книга – «Синяя борода». Мало того, что история сама по себе жуткая, так ещё и иллюстрации – мрачные и до того выразительные, что книга эта тянула меня магнитом... Я всегда листала её полная трепета и жгучего интереса. А потом, спустя какое-то время, мы с родителями приехали в гости к родственникам, и там у моей двоюродной сестры, я нашла эту же книжку, проиллюстрированную другим художником. Моему разочарованию не было предела... Тщедушный старикашка с реденькой синей бородкой был мало того не страшен, так ещё и комичен. А та самая комната, в которой хранились тела убитых жён выглядела какой угодно, но не пугающей... Так что, спешу с тобой согласиться: восприятие ребёнком книги во многом зависит от иллюстратора.

– Вот. И я о том же. Если вдруг мне повезёт, и я получу возможность работать в издательстве, я смогу дарить детям впечатления и, как следствие, воспоминания. А это ведь бесценно, правда?

Вечером, придя домой, я отправила свои работы на почту, и, полная светлых надежд, уснула крепким, спокойным сном.

Глава 5

1

На собеседование я приехала на полчаса раньше. Боялась опоздать и слегка перестаралась. Секретарша любезно предложила мне присесть на диван.

Прямо передо мной висело большое зеркало, в котором я увидела свое отражение.

«Одни глаза» – прозвучал в голове мамин голос. Именно так она и сказала бы, увидев меня сейчас.

Но, сказать откровенно, факт моего похудения, совсем меня не расстраивал. Ведь даже теряя или набирая вес, моё тело всегда сохраняло хорошие пропорции «грудь-талия-бёдра», оставаясь женственным. Спасибо генам бабушки по папиной линии.

На мне было голубое платье-рубашка, расстегнутые верхние пуговицы которого красиво открывали изящные ключицы. Ставшую ещё тоньше талию красиво подчёркивает узенький кожаный пояс. Красная помада, копна медных волос, струящихся по плечам...

Углубившись в свои душевные искания, я два месяца не распускала волос и не надевала платьев, не говоря уже о макияже, и совсем позабыла, насколько это приятно. Я улыб-

нулась своему отражению в зеркале, не обращая внимания на удивленный взгляд секретаря.

2

– Здравствуйте, Маргарита Сергеевна, проходите! Будем знакомы. Я Роман. – сказал директор издательства и жестом пригласил меня сесть.

– Здравствуйте. Очень приятно, Роман. Тогда уж и Вы зовите меня просто Рита, и, если можно, на «ты». Мне так намного привычнее. – несколько смутившись ответила я.

– Как скажешь, Рит.

Тут у Романа зазвонил телефон.

– Прошу прощения, Рит.

– Ничего страшного... – с улыбкой ответила я, втайне обрадовавшись, что у меня появилось немного времени обратиться с мыслями и оглядеться.

Светлый кабинет владельца детского издательства был выполнен в сдержанном классическом стиле. На одной стене висела Карта Мира. На другой – большая фотография: Роман, держащий на руках маленькую белокурую девчушку. На вид малышке было около годика. «Счастливым отец...» – пронеслось в моей голове, и я перевела взгляд на Романа, увлечённо разговаривающего по телефону.

На вид ему было около тридцати пяти. Большие карие глаза. Густые брови. Короткие темные волосы. Лёгкая щетина

на мужественном подбородке. Прямой нос с небольшой горбинкой. Широкие плечи. Вместо куда более уместного пиджака и рубашки – серая толстовка с капюшоном.

Тем временем Роман закончил разговор и разрушил мою задумчивость взглядом в упор. Лёгкая улыбка тронула его губы, и в уголках глаз заиграли морщинки. Его глаза улыбались и в то же время, как мне показалось, в них читалась усталость.

– Ну всё. Можем начинать. Значит ты, Рит, хочешь иллюстрировать детские книги? – спросил Роман, внимательно просматривая моё резюме.

– Очень хочу.

– Рисуешь от руки, также знаешь основные графические редакторы, имеешь навыки выполнения ретуши и цветокоррекции... Опыта работы нет, соответствующего образования тоже.

– Да. Я закончила только художественную школу. Но я рисовала всегда, сколько себя помню. Хотя в последние годы, скажу честно, забросила это дело и начала заново лишь пару месяцев назад. Записалась на курсы, многому научилась, многое вспомнила. Кстати, всё моё портфолио было создано именно в этот промежуток времени.

– То есть последние два месяца ты только тем и занималась, что училась и рисовала? Учитывая количество предоставленных работ...

– Да.

– Я понял. Не буду спрашивать, что произошло в твоей жизни – это не моё дело. Твоё образование меня тоже почти не волнует. Мне важно, что ты умеешь. И в твою пользу у меня есть два аргумента. Первое: у тебя есть свой неповторимый стиль, и то, как ты выполнила тестовое задание, – очередное тому подтверждение. И второе: твои работы вызывают у меня эмоции. Ты улавливаешь важные детали, необходимые для того, чтобы иллюстрация «жила», а это дорогого стоит. Безусловно, тебе есть, чему учиться, но это вполне поправимо.

– То есть, я принята?!

– Совершенно верно. Я надеюсь, что несмотря на отсутствие опыта в данной сфере, ты понимаешь, что иллюстратор всегда скован сроками? И абсолютно неважно, есть у тебя вдохновение или нет, ты обязана сдать работу вовремя.

– Конечно, понимаю...

– Вот и отлично. Я же со своей стороны обязуюсь без задержек и по достоинству оплачивать твой труд. Ты будешь работать в штате, а не удалённо. Также у тебя будет твой непосредственный руководитель, который будет тебя направлять и обучать новым навыкам. Тебе это подходит?

– Да, конечно...

– В таком случае, вот договор. В нём есть вся информация о зарплате, графике и сроках. Если тебя всё устроит – добро пожаловать в нашу команду!

– Поль, меня приняли, при-ня-ли! – защebetала я и чмокнула в щеку подругу, активно уплетающую роллы за столиком летнего кафе.

– А ты уверена, что все дело в твоих гениальных иллюстрациях? Что-то мне подсказывает, что твоё платье сыграло не малую роль... Ладно, шучу. Мои поздравления! И отлично выглядишь! Приятно видеть тебя такой! – весело сказала Полина.

– Ничего не говори... Самой приятно... – ответила я.

– Ну рассказывай, как все прошло? Как тебе Роман Владимирович?

– Всё прошло гладко. И Роман оказался очень приятным мужчиной. У него в кабинете висит фото, на котором он держит на руках девочку. Это его дочь?

– Да, это Соня...

– Видимо, Соня – мамина копия...

– Рит... – голос Полины вдруг стал серьезным. – Я должна сообщить тебе одну вещь. Только пообещай, что никогда и никому не скажешь, что узнала это от меня...

– Так. Не пугай меня. Мои истерзанные нервишки этого не любят...

– Я и не пугаю. Просто будет, если ты заранее узнаешь обо всём, нежели попадёшь в глупое положение...

– Поль, говори уже давай...

– Ладно. – Поля сделал глубокий вдох. – Роман – вдовец.

Его жена умерла два года назад.

Часть 2. Паук в углу

*нелюбимые рыщут по свету и воют волками,
они входят в чужие сады, топчут их сапогами.
и пути их извилисты, сквозь пролегли ущелья.
нелюбимых мучает кашель, мигрень, похмелье.
нелюбимых глаза набухают, как осенью гроздьи,
их не ждут: в каждом доме они, как незваные
гости.*

*и дороги их так каменисты, что проще – по
ветру.*

нелюбимым тоскливо.

но спрашивал кто об этом?

и идут они, овцы паршивые, вороны белые.

нежеланные.

опустевшие.

закоснелые.

*слышишь, ночью завывло за окнами? – то не
ветер, —*

нелюбимые бродят.

их много таких на свете.

** * **

*я сижу до утра, до зари растираю щёки,
что ж ты, милый, меня обрекаешь на путь
далёкий?*

*мне опять своих догонять слабыми ногами,
кашель прятать в шарф и сады топтать
сапогами...*

missis George

Глава 1

1

Рома был общительным, обаятельным и, в общем-то, добрым парнем. Любил детей и животных, жалел стариков. Но вот с девичьей душой (не предумышленно, конечно) зачастую поступал не самым благородным образом. Поступал так, как поступает ребёнок с конфетами в новогоднем подарке: развернул – откусил – отправился дальше на поиски другой, возможно, более вкусной сладости. Конечно, разрывая отношения, он испытывал определённое чувство вины. Но спустя короткий промежуток времени оно легко подавлялось более приятными чувствами – ощущением свободы и предвкушением новых (чаще уже намеченных) побед.

А четвёртом курсе института Рома заметил Олю – юную, нежную и хрупкую, как подснежник. Оля заметила Рому ещё раньше, но, не смотря на свою юность и хрупкость быстро смекнула: сразу показывать свои чувства нельзя.

Как и планировалось, первое время все позывы привыкшего к быстрому результату Романа оставались без ответа. Надо сказать, что для двадцатилетней девчонки Оля действовала с мастерством заправской обольстительницы – ни на что не соглашалась, но и не отказывала резко, подавая

крохотную надежду то лёгкой улыбкой, то тёплым взглядом, то случайно брошенной фразой. А через полгода ухаживающий Оля “сдалась”.

Рома, истомленный долгим ожиданием, не чаял в своей принцессе души. И, недолго думая, через два месяца отношений сделал ей предложение.

Сыграли свадьбу. Жить стали у родителей жениха.

Рома продолжал учиться, а также и выполнял функции разнорабочего в частном издательстве отца.

Отец его не баловал – денег не подкидывал, и молодые жили ровно на то, что зарабатывалось честным трудом. Начав с грузчика, Рома постепенно вник в суть издательского дела, и через пару лет занял должность главного редактора, самостоятельно заслужив и данное место, и авторитет в коллективе. А еще через год отец с матерью ушли на покой – переехали за город, с легкой совестью оставив издательство на попечение Романа, а также предоставив молодой паре возможность жить отдельно.

Но, к сожалению, их семейная жизнь не ладилась. И если первые месяцы совместной жизни Рома “праздновал” победу и щедро баловал жену вниманием и любовью, то с течением времени и эффект запретного плода, и хрупкая юность сошли не нет. Осталась просто Оля – домашняя, верная, полностью растворившаяся в своём муже. У неё больше не было ни планов, ни стратегий – осталась только любовь, крепнувшая с каждым днём.

А Рома начал маяться. Он честно старался быть хорошим, но каждый вечер, видя щенячий взгляд своей жены, больше не находил в себе ни нежности, ни умиления.

Темы для разговоров закончились. Рома стал много времени уделять работе, друзьям, своим новым увлечениям – мотоциклу, рыбалке, скалолазанию. Единственным же увлечением Оли (не считая работы бухгалтером, кулинарии и женского чтива) был Рома. И это душило его.

2

– Тём... Я тварью становлюсь. Или может я всегда был тварью...? – Роман допил свою кружку пива и жестом попросил официанта повторить.

– Да прекрати. В конце концов, ты ничего плохого ей не сделал. – ответил ему двоюродный брат и, с шумом затянувшись кальяном, выпустил изо рта густое облако ароматного пара.

– Я к ней остыл. Я тебе больше скажу, её любовь меня тяготит... Я дома, бывает, не ночую. А она все терпит! Ну хоть раз бы упрекнула! Мне даже придраться не к чему! И это ещё больше гнетёт меня...

– Ром, а может вам расстаться? Хотя бы на время... А там либо ты начнёшь её ценить, либо окончательно убедишься, что вам не по пути. Лицом к лицу лица не увидать... Или как там? Кто это сказал? Ты же у нас молодой издатель, должен

знать.

– Есенин.

– Точно. Хочешь честно? Ты не знал, на ком женишься. Она стала твоим трофеем, потому что (уж не знаю, намеренно или нет) полгода тебя динамила. А КАКАЯ она ты и знать не знал. А как можно любить того, кого не знаешь?

– Возможно ты и прав...

– Она не плохая, нет. Любящая, красивая, заботливая, хозяйственная... Но какая-то... как бы поточнее выразиться... Только без обид, ладно? Зашоренная что ли... Знаешь, может быть, у лошадей есть шоры – такой элемент сбруи, который ограничивает им обзор по бокам? Вот и у неё такая же история. Есть ты, ваш дом, а остальной мир ей не интересен. Да дело даже не в этом. Кого-то это вполне устроило бы. Но ТЫ с ней несчастлив. Вот и все.

– Несчастлив. А что если дело не в ней? Что если я в принципе не способен на любовь, постоянство...

– Рома! Если по малолетству тебе от избытка женского внимания сносило крышу, это ещё ни о чем не говорит. В любом случае, мой тебе совет – побудь один и разберись в себе.

– Ты все правильно говоришь. Но я, как только представлю, что объявляю о нашем расставании, у меня внутри все сжимается от жалости. Ты сам сказал, она зашорена. Это чистая правда. Я для неё – всё. А мы в ответе за тех, кого...

– Ром. Надо собраться и сказать. Только не пойми меня

неправильно – я тебя ни к чему не склоняю. Это твоя жизнь, и только тебе решать, как ты её проживёшь.

Роман вернулся домой около полуночи. Осторожно открыл дверь. Было тихо, Оля явно спала. Рома не пошёл в спальню – лег на диван. Он принял решение. Оно окончательно и бесповоротно. Хватит мучить её и себя. Оля никогда не признается в том, что страдает, но он то прекрасно видит, как она выходит из ванной с красными от слез глазами. Не каждая женщина, да что там, не каждый мужчина способен на такую железную выдержку. В её жизни обязательно появится тот, кто ее оценит. И от этой мысли ему абсолютно не больно. Он желает ей счастья, как сестре. А с сёстрами не спят. Завтра он всё ей скажет. Уже завтра их жизни изменятся.

Рома открыл глаза и посмотрел на часы – 08:07. Было тихо, и он понял, что Оли дома нет. С кухни доносились манящие запахи. Оля, как всегда, о нем позаботилась. Несмотря на позднее возвращение, несмотря на то, что он лёг на диване, несмотря ни на что... Но он не изменит своего решения, он обязан расставить все точки над “й”.

На кухонном столе стоял чайник свежезаваренного чая с мятой и лимоном, блюдо с кружевными блинчиками и вазочка с грушевым вареньем – все как он любит. На холодильнике висела записка: “Доброе утро, любимый! Я уехала на работу. Ты будешь удивлён, но я хочу пригласить тебя сегодня вечером в ТУ САМУЮ пиццерию. Буду ждать тебя там

в 17.00. Не опаздывай! Целую. Оля.”

«Та самая» пиццерия находилось через дорогу от экономического университета, и с давних пор была оккупирована студентами. Оля сидела за тем же столиком, что и семь лет назад, в день, когда сгорающий от страсти Роман сделал ей предложение.

Напротив Оли стоял деревянный поддон с пиццей. Все, как тогда. Не считая того, что в этой пицце среди креветок и томатов не было кольца.

Оля была хороша и умела это подчеркнуть. Свои светлые вьющиеся волосы она забрала наверх, на лицо нанесла аккуратный макияж. Точеная фигурка, синее платье с глубоким вырезом, нитка жемчуга на изящной шее... Красивая, утонченная – настоящая леди. Нелюбимая и нежеланная.

– Привет! – Роман поцеловал жену в щеку и сел рядом. – Давно мы здесь не были...

– Я хотела, чтоб мы немного притронулось к тому времени, когда все было по-другому...

– Да, хорошее было время...

– Жаль, сейчас все изменилось. Но мы ведь сами куём своё счастье. Мы могли бы все изменить... – Олин голос дрогнул. Она явно нервничала.

– Абсолютно согласен с тобой. Ты запланировала вечер воспоминаний? Или хотела поговорить о чем-то конкретном?

– И то, и другое. Но мне действительно есть, что тебе ска-

зять.

– Мне тоже. Кто начнёт?

– Начинай ты. – сказала Оля. Вот он. Момент истины. Роман чувствовал себя стоящим на краю обрыва, с которого ему предстояло нырнуть в воду. И он решил не тянуть.

– Это разговор должен был состояться раньше. Но я никак не мог набраться смелости. Возможно, это будет моей ошибкой. Но иначе я уже не могу...

– Ром, не пугай меня, пожалуйста...

– Оль, я хочу развода.

Оля почувствовала головокружение. Живот неприятно скрутило.

– Почему? – еле слышно спросила она.

– Я уверен, ты и сама все видишь. Мы живём, как соседи. Я честно пытался откапать в себе чувства. Но у меня их нет. Изначально я был влюблён – и с этим не поспоришь. Но это чувство исчезло, и очень давно. Прости меня, пожалуйста...

– Но ведь влюблённость и не может длиться вечно. Она трансформируется... – слезы душили Олю, и девушка не пыталась их скрыть. Хотя в глубине души она давно была готова к этому разговору.

– Оль, я не знаю, как должно быть. Я знаю лишь то, что не чувствую себя счастливым с тобой.

– Замолчи! Я не хочу этого слышать! – она по-детски закрыла уши руками и зажмурилась.

– Оль, тебе придётся меня услышать... Как бы больно это

не было. Поверь, мне тоже тяжело...

– Ааааааааа!!!! – закричала Оля, и на её крик обернулись все посетители и сотрудники заведения. – Я ненавижу тебя!!! Не-нави-жу!!! Я все терпела, давала тебе твою гребаную свободу, на все закрывала глаза! А похоже нужно было ежедневно выклёвывать тебе мозги! А ещё изменять направо и налево! Вот тогда бы ты почувствовал истинное счастье!

Оля сдёрнула со стола скатерть. Посуда упала и разбилась вдребезги. Подбежали официант и охранник.

– Я прошу прощения... Выставьте, пожалуйста, счёт мы все оплатим. Оля, одевайся, мы уходим!

– Что?! Мы?! Ты о чем?! Никаких “мы” больше нет! Есть ты, а есть я и мой ребёнок! Та-даааам! Сюрприз!!! – Оля истерично засмеялась. – Вот теперь ты понимаешь, как я себя чувствую? Мой муж меня не любит! А я даже не могу послать его ко всем чертям и напиться с горя!

– Ты что, беременна? Ты уверена? – тихо спросил Роман.

– Тебе нужны доказательства? Нет проблем! – Оля вытащила из сумки листок формата А4.

– Ты знаешь, я ведь надеялась, что ты обрадуешься, что моя беременность станет тем самым пресловутым цементом, который склеит нашу полуразвалившуюся семью... Дура!

С этими словами Оля сунула этот листок ему Роману в руки и, хлопнув дверью, вышла из кафе.

Роман развернул сложенную вдвое бумажку. Его глаза бегло пробежали кучу непонятных терминов, и останови-

лись на заключении врача: “Эхопризнаки маточной беременности, срок – 9 недель и 2 дня”.

Глава 2

1

Оля сидела у открытого окна, в одной сорочке, разбитая, лохматая, с опухшими от слез глазами. Она и не знала, что ее глаза способны выделить такое количество жидкости... Неужели все, что он сказал, правда? Неужели он действительно не любит?

Выходя из кафе, она надеялась, что он её остановит. Скажет, что наговорил глупостей, что счастлив, что у них скоро родится малыш, попросит прощения, обнимет... Но он не остановил, не сказал, не обнял. Придя домой, она ждала, что вот-вот в двери повернётся ключ. Но ключ не поворачивался, даже телефон не звонил... Как он может так поступать с ней? К горлу вновь подступил комок, но она подавила его. Она не должна плакать. Ради ребёнка.

Оля легла на диван и уставилась в потолок. Надо постараться уснуть. Возможно новый день что-то изменит. Однако сон не шёл. Тогда Оля встала с дивана и трясущимися руками набрала номер мужа. Абонент был не доступен. Оля швырнула телефон о стену, пошла на кухню и достала снотворное. Она использовала это лекарство ещё до беременности, но теперь оно было под запретом врача. Подумав

несколько секунд, Оля открыла флакон, накапала себе в воду тридцать капель и залпом осушила стакан.

Около часа ночи она проснулась от тянущей боли в животе. С трудом поднявшись, пошла в туалет. И увидела на белье алые пятна крови.

2

Оля лежала на кушетке и с замиранием сердца следила за тем, как врач наносит на датчик аппарата УЗИ гель-проводник. Вздрогнула, почувствовав неприятный холодок внизу живота. Но это ощущение было ничем по сравнению с леденящим ужасом, наполнявшем её душу. Врач водила датчиком по Олиному живому и не спешила давать комментарии.

– Что там? Не молчите, пожалуйста! Я потеряла его, да?

– Женщина, вы бы успокоились. Сердце бьется. Вот, послушайте. – Врач прибавила громкость, и Оля услышала быстрые ритмичные удары.

– О Господи, спасибо, спасибо... – Оля выдохнула, улыбнулась и почувствовала, как по её щеке покатилась тёплая струйка.

– Плод жив, но есть угроза выкидыша. Судя по анализам, у вас низкий уровень прогестерона – гормона, отвечающего за нормальное течение беременности. Мы назначим вам необходимое лечение. Все будет хорошо, не переживайте. Позвоните родным, пусть привезут вам личные вещи.

Оля кивнула. Хотя и понятия не имела, кому ей звонить. Муж не брал трубку. Родителей у неё не было – Оля выросла в детском доме (мать написала отказ сразу после родов). Была пара женщин, с которыми Оля общалась на работе, но они не были настолько близкими, чтобы обращаться к ним с подобной просьбой. Оставалась только свекровь. Ей она и позвонит, но только утром – не будет беспокоить среди ночи.

Пожилая, полноватая медсестра проводила Олю в палату и указала на кровать у окна. Дала свечу, таблетки, сделала укол и ушла.

Оля огляделась. В палате было пять кроватей, занятыми из которых оказались только две, не считая Олиной. Напротив, лёжа на боку, шумно сопела беременная с довольно приличным животиком. А на кровати слева крепкая круглолицая женщина с толстой косой. Женщина не спала.

– Привет... – тихо сказала Оля.

– Привет...

– Меня Оля зовут.

– Я Люба. Ты в положении?

– Да. Но есть угроза. А ты?

– А я после аборта.

– Я... Сочувствую.

– Да, мне можно посочувствовать. Я месяц назад похоронила мужа. А аборту сочувствовать не стоит – это мой выбор, мой грех...

Оля растерялась.

– Все будет хорошо... – единственное, что пришло ей в голову.

– Тебе, наверное, интересно почему я так поступила?

– Нет, я не любопытна. Но если тебе хочется – поделись.

– Мы жили небогато. Но очень друг друга любили... Витя – муж – работал шофёром в столовой, где я была поваром. – продолжала Люба. – Там мы, собственно, и познакомились. Мне было тридцать, ему – тридцать шесть. Он хороший был, добрый, заботливый. Домой меня подвозил, на последние деньги в кино водил... Обо мне никогда никто так не заботился, понимаешь?

Оля понимала. Для неё, девятнадцатилетней, выросшей в детском доме, внимание и забота красавца Ромы было слаще мёда...

– Мы поженились довольно быстро, но свадьбу не играли, просто расписались. Но я и без того была самая счастливая. Дети получились не сразу, но, если честно, я особенно не переживала. Нам было и вдвоём хорошо. Витя совсем не пил, работал. Каждый вечер мне эклеры к чаю приносил – знал, как я их люблю...

За окном начало светать, и Оля смогла лучше разглядеть Любино лицо. Оно выглядело очень уставшим, а в уголках светло-карих глаз виднелись морщины.

– Потом родились мальчишки. Сначала Алёша, потом Гриша... Когда Гришей забеременела, всё переживала, как Витя отреагирует... Денег и так было в обрез... А он, пред-

ставляешь, обрадовался... Сказал, поднимем. И я родила. Витя на вторую работу пошёл. Тяжело ему приходилось, но обещание он своё сдержал: ни я, ни мальчишки ни в чём не нуждались – и мясо было в доме, и фрукты. И одевались мы, пусть на рынке, зато всё было новое, ни за кем не донашивали. Всё на море мечтали поехать, откладывали потихонечку... Только вот всё отложенное не на море пришлось потратить, а на похороны...

От нахлынувших воспоминаний её лицо исказила гримаса боли. Оля думала, что Люба расплачется, то та сдержалась.

– У Вити отказало сердце. Ему было всего сорок два года... Похороны прошли, как в тумане. И вот – я одна, с двумя маленькими детьми. Одному – два, другому – год. Хорошо ещё, мама вызвалась помочь – переехала к нам из деревни, с детьми сидит. А я на работу вышла, неофициально... Чтoб декретные сохранить. И тут на днях узнала, что беременна... У меня выбора не было, понимаешь...?

– Ты не должна оправдываться...

– Тут как ни оправдывайся – не оправдаешься... Но у меня не было сил его оставить. Просто не было сил... Одно хорошо – здесь, в больнице, я хоть выплакалась. А то с детьми, работой, всей этой суетой даже мужа оплакать времени не было – так и ходила с этим комом... Вот и вся моя история.

– Я соболезную тебе... Хотя понимаю, что вряд ли тебе легче от этих слов.

– Здесь поможет только время... Я надеюсь, что поможет.

А с тобой что? На тебе тоже лица нет... Из-за угрозы переживаешь?

– И из-за неё тоже. А ещё несколько часов назад мой муж сообщил мне, что не любит меня и хочет развода. Как раз перед тем, как я собиралась обрадовать его своей беременностью. С тех пор он не появлялся. А его телефон не отвечает.

– Ты сказала ему, что в положении?

– Да. Я была уверена, что он будет рад. Он любит детей, возится с ними от души... Он всегда говорил, что хочет ребёнка... – при этих словах Олины глаза засветились нежностью. – Хотя, если быть честной, это было лишь в самом начале. А все последние годы он был ко мне довольно холоден и подобных разговоров не заводил... – Оля обняла себя за ноги и положила подбородок на колени. – Я списывала все на быт. Страсть ведь не может жить вечно... А может быть просто боялась услышать правду. Поэтому делала вид будто ничего не происходит. Он приходил под утро – я, не задавая лишних вопросов, готовила ему завтрак. Он уезжал на выходные с друзьями – я ждала, считая часы. Я всегда боялась стать истеричкой женой, от которой будут отмахиваться, как от назойливой мухи. А в итоге стала пауком в углу, которого просто не замечают...

– Знаешь что, Оль? – спросила Люба. И Оля увидела в глазах этой показавшейся ей простоватой женщины вековую мудрость.

– Что?

– Ты жива. А значит у тебя есть миллионы шансов стать счастливой.

– Да, я знаю... Прости, что говорю о своих проблемах, они не сравнятся с тем горем, которое свалилось на тебя...

– Я всё переживу. Его больше нет... Но я-то жива... А значит шанс есть и у меня. – Люба отвернулась на другой бок и замолчала.

Глава 3

1

Рома расплатился с официантом, тихо извинился и вышел из кафе. Голова раскалывалась. Будущее, которое лишь час назад виделось ему ярким и чётким, вновь обрело туманные, размытые контуры. Рома надел шлем, сел на мотоцикл и завёл мотор. Как хорошо, что он решил поехать именно на мотоцикле... Сосредоточиваясь на езде, Роман словно погружался в транс, легко избавляясь от усталости, гнева и даже чувства вины. Его голова словно очищалась от всего – нужного и ненужного, фокусируясь лишь на дороге. Выехав на шоссе, услышав свист ветра и поймав ощущение полёта, он почувствовал, что головная боль начала отступать.

Он ездил по городу уже около часа, когда начался дождь. Ехать дальше было просто-напросто опасно. Увидев светящуюся надпись: “Мотель. Бар”, Роман припарковал мотоцикл на стоянке возле заведения и зашёл внутрь.

На первом этаже располагалась стойка администратора и небольшой бар. За одним из столов сидели двое мужчин. Место было далеко не шикарным, но довольно чистым и уютным. Рома оплатил номер, взял коньяку и сел за один из столиков. Чувство вины накатило с новой силой. Он бросил беремен-

ную жену... Он должен быть с ней, должен забрать все свои слова обратно, ей явно вредно переживать. Рома прекрасно осознавал весь масштаб происходящего. Но почему-то не мог найти в себе силы вернуться домой, где однозначно пришлось бы лгать.

Его мысли были прерваны вошедшими в бар девушками. Они поздоровались с администратором и, по совместительству, барменом и сели за столик в углу. Одна – брюнетка – выглядела не лучшим образом и была одета крайне вызывающе. Вторая девушка выглядела иначе: точёное лицо, минимум макияжа, блестящие русые волосы до плеч... Джинсы и наглухо застегнутая белая рубашка выглядели довольно скромно, однако, не скрывали потрясающей фигуры и кошачьей грации их обладательницы. Красивая девушка... Но до девушек ли ему? Роман заказал ещё коньяку и в их сторону больше не смотрел, полностью погрузившись в свои мысли.

Где-то через полчаса брюнетка покинула бар. А её спутница подсела к Роману за столик.

– Привет, мотоциклист! – с улыбкой сказала она.

– Слушай, я не в настроении общаться. Прости, пожалуйста... – слегка раздраженно ответил Рома.

– Ну вообще-то, я поздоровалась. А когда с тобой здороваются, принято здороваться в ответ. А иначе – невежливо. – девушка продолжала улыбаться и уходила явно не собиравшись.

– А кто тебе сказал, что я вежлив? Мы, по-моему, не на

светском рауте, а всего лишь в забегаловке. На твоём месте я бы был поаккуратней и не подходил с подобной критикой к незнакомым людям. Отреагировать могут по-разному.

– Спасибо за заботу... Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь. Но ты мне не показался человеком, способным обидеть девушку...

– Ты крайне проницательна. И я надеюсь, это качество поможет тебе понять простую вещь: я хочу побыть один.

– Но моя проницательность подсказывает мне совсем другое – у тебя нехорошо на душе и тебе нужно выговориться. Что толку пить в одиночестве?

– Слушай, а ты кто такая, благодетельница?

– Я журналист. Брала интервью.

– А, так твоя спутница, должно быть, медийная личность?

Каюсь, не признал. – съехидничал Роман.

– Как-то узко ты мыслишь. Я начинаю разочаровываться.

– Ну вообще-то я и не пытался тебя очаровать. И это была шутка, могла бы и посмеяться.

– Я смеюсь только в том случае, если мне смешно. Может быть уже пора представиться друг другу? Я Вика. – девушка протянула Роману изящную кисть с безупречным французским маникюром, которую тот легко пожал.

– Роман. Так ты брала интервью у девушки по вызову? Я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Жизнь многогранна, у неё есть как светлые стороны, так и тёмные. Они не могут друг без друга,

иначе бы их просто не было. А я просто отражаю действительность нашей жизни. И пытаюсь это сделать как можно реалистичней. Для этого я и работаю.

Вика была очаровательна. Она говорила спокойно, размеренно, с легкой улыбкой на красивых губах. И если поначалу её присутствие действовало на Романа раздражающе, но спустя несколько минут он и сам не заметил, как стал успокаиваться и получать от её компании удовольствие.

– Почему ты подседа ко мне? – спросил он.

– Ты понравился мне внешне, был один и имел очень рас-терянной вид. Чем не повод подойти?

– Я женат. И похоже, скоро стану отцом.

– Мои поздравления. – Вика улыбнулась, подняла свой бокал вина и сделала глоток. – А что в таком случае ты делаешь здесь, позволь поинтересоваться? И почему выглядишь таким несчастным?

– Это очень сложный вопрос. Давай лучше о проституции. – с улыбкой сказал Роман.

– Не хочешь – не говори. Но возможно, я смогла бы помочь тебе советом. И вообще, мы видимся первый и последний раз, так что побочного эффекта в виде сплетен среди друзей и знакомых ты не получишь. А ещё я смогу быть объективной. Так что решайся. – Вика обезоруживающе улыбнулась.

– А ты умеешь уговаривать...

– Ну, в моей работе без этого никак.

– Да что тут рассказывать... Я женат четыре года. Решение жениться принял импульсивно, буквально спустя два месяца отношений. Но вскоре понял, что не люблю. Она очень хорошая, правда. Но меня ничего в ней не влечёт. Я понимаю, что влюблённость проходит и так далее... Но в наших отношениях и уцепиться не за что! Мы не смеёмся вместе, я не хочу её обнимать, целовать... Дико звучит, но у нас близость была раз в месяц, не чаще. Причем, (не знаю, поверишь ли ты), но я ни разу ей не изменял...

– Верю, раз говоришь...

– В общем, вчера я окончательно решил уйти. А она сообщила, что беременна.

– Ты уверен, что это не блеф?

– Уверен. Это было несколько часов назад, в кафе. После моих слов, она бросила в меня заключение врача. И уехала.

– И что ты сейчас чувствуешь?

– Я чувствую себя зверем, который сам загнал себя в западню. Но в то же время я ненавижу себя за это. Это не по-мужски, так мыслить. А ещё мне жутко её жаль... Даже представить боюсь, что сейчас ощущает...

– Мда... Ну у тебя всего два варианта – либо возвращаться и пытаться выстроить семью, либо уходить и становиться воскресным папой. Везде есть свои плюсы и минусы. Второй вариант тяжелее. Но честнее. И хватит уже терзаться. Это абсолютно бесполезное занятие. От этого никому не легче.

– Я знаю. Америку ты не открыла. Но мне реально легче

от твоего присутствия. Или это коньяк? – Рома усмехнулся и покосился на опустевший графин.

– Конечно, коньяк. И ты мне абсолютно не симпатичен. Это просто вино. – Вика осторожно коснулась его руки. – Как бы ужасно это не звучало, постарайся ни о чем не думать. Завтра ты примешь решение и сделаешь то, что должен. А сегодня сделай то, что хочешь...

Вика сидела очень близко. Слишком близко. Он чувствовал запах её духов, слушал её голос. Он испытывал по отношению к ней ни благодарности, ни жалости – чистое влечение, перед которым он, безусловно, мог бы устоять... Но впервые за четыре года брака абсолютно осознанно решил этого не делать.

2

Рому разбудил звонок мобильного телефона. Это был не его телефон. С трудом продрав глаза, он взял мобильный с прикроватной тумбочки и, нажав кнопку отключения звука, с облегчением избавился от раздражающего звука. События вчерашнего дня, постепенно всплывшие в его голове, в совокупности с тяжёлым похмельем делали его состояние просто невыносимым. Рома встал под прохладный душ. Ему нужно что-то решить, нахождение в подвешенном состоянии не может длиться вечно. Выйдя из душа, он увидел, что Вика проснулась.

– Доброе утро, мотоциклист... – сказала она, сонно потягиваясь.

– Доброе. Как самочувствие?

– Бывало и получше... Ты как?

– Аналогично.

Рома почувствовал себя неловко. Надо уходить...

Он быстро оделся и достал из кармана куртки телефон, который оказался полностью разряженным.

– Черт... Аккумулятор сел... Сколько времени? Скажи, пожалуйста.

– Без десяти одиннадцать. Держи. – Вика порылась в сумочке и бросила ему в руки провод. – Хорошо, что сейчас все ходят с одинаковыми телефонами, правда? И что умничка Вика всегда берёт с собой зарядник. Никогда не знаешь, как закончится вечер... Жизнь – совершенно непредсказуемая штука. Пойду схожу за кофе. Какой предпочитаешь?

– Мне американо. Пожалуйста...

– Ваш заказ принят. – улыбнулась Вика и скрылась в коридоре.

Когда телефон наконец-то включился на Рому градом посыпались смс-сообщения с оповещением о неприятных звонках. Около десяти раз звонила мама, немногим меньше – с работы, два неотвеченных от брата и один – от Оли. Она звонила в 23.10. В это время он уже был прилично пьян и неприлично увлечён другой женщиной.

Тут телефон завибрировал – звонила мама. Должно быть

она уже в курсе...

– Привет, мам. – спокойно ответил Рома.

– Скажи, у тебя вообще есть совесть? – в мамином голосе звучали металлические нотки.

– Не знаю, сам иногда задаюсь этим вопросом...

– Где ты? Что у тебя было с телефоном? Я всю ночь не спала, уже всякого себе надумала...

– Я в отеле. Телефон сел. Прости, я не хотел, чтоб ты переживала.

– Теперь об Оле. Не знаю, что творится в твоей голове, поэтому осуждать тебя не буду. Просто доведу до твоего сведения: твоя жена в больнице, у неё угроза выкидыша. Надеюсь, ты в курсе, что беременным категорически запрещено нервничать? А Оля не просто нервничает, у неё тяжёлый стресс. Делай выводы и принимай решение сам. И если вчера пил – не садись, ради Бога, за свой мотоцикл... Пока.

Рома снял телефон с зарядки, накинул куртку, взял вещи и вышел из номера. В коридоре он наткнулся на Вику. В её руках был поднос с двумя кружками кофе и круассанами.

– Добро пожаловать в Париж! – шутливо сказали Вика. Но увидев в его руках вещи, резко перестала улыбаться. – Ты уезжаешь?

– Да, мне нужно ехать. Спасибо тебе за все... Глупо звучит, конечно...

– Да все в порядке. Ты честно обо всем предупредил. Ты сделал выбор?

– Да... Жена в больнице, я должен быть рядом...

– Ну тогда, пожалуй, обойдёмся без обмена номерами. –

Вика старалась держаться бодро, но то, что она расстроена было видно невооружённым глазом.

– Прости, пожалуйста...

– Нет, тебе не за что извиняться. В твоей жизни и без меня хватает чувства вины. А мне было хорошо. Будь счастлив, Рома. Ты отличный парень. Ладно, круассаны стынут...

– Пока, Вик. Всего хорошего...

Рома спустился к администратору, оплатил стоянку мотоцикла на сутки вперёд и быстрым шагом направился в сторону метро.

Глава 4

1

Оля стояла на кухне и протирала полки. Уборка по дому всегда её успокаивала. А успокаиваться ей было просто необходимо, ведь, когда она нервничала, её восьмимесячный живот становился твёрдым, как камень.

Оля снимала с полки банки с крупой, как вдруг одна из банок выскользнула из её рук и с грохотом разбилась о выложенный плиткой пол.

– Чёрт!!! Что за чёрт!!! – Оля села на пол и громко зарыдала.

С того дня, как Олю положили в больницу на сохранение, прошло почти полгода. Тогда, выслушав печальную историю своей соседки по палате, Оля вдруг неожиданно для себя обрела спокойствие: её любимый – ЖИВ, и это главное. Если он хочет уйти – она не станет его держать, она желает ему только счастья. А решит остаться – её любви наверняка должно хватить на них двоих... И когда Роман прямиком из мотеля примчался к ней в больницу, она существенно облегчила ему задачу, ни дав сказать ни слова. Она обняла его и, прослонившись губами к его уху, нежно прошептала: “Не объясняй ничего. Я просто очень тебя люблю. И буду рада

начать сначала... Если, конечно, ты хочешь...”

И они начали. Рома – полный решимости стать хорошим мужем и отцом, а Оля – полная всеобъемлющей, почти библейской любви.

Но ее созидательного настроения хватило ненадолго, и уже через пару недель после выписки из больницы Оля снова почувствовала насколько это тяжело – знать, что тебя не любят. Она снова плакала, когда никто не видел, злилась то на мужа, то на себя... Теперь она чувствовала себя не просто пауком в углу, а огромной паучихой, опутавшей своей паутиной несчастного комара. Но как бы ей не было от этого противно, отпустить свою “жертву” и поступить так, как диктует любовь в своём наивысшем проявлении, у неё просто не было сил...

Оля мучила себя, но, видя, как старается её муж, оставляла это незамеченным.

А Рома, действительно, старался. Он часто гулял с женой в парке, баловал её подарками и с трепетом ходил на все плановые УЗИ. И несмотря на то, что его отношение к жене как к женщине осталось неизменным, он с большим нетерпением ждал появления на свет своего ребёнка. А узнав, что это будет девочка, был искренне счастлив.

В тот день, когда Олю и Сою выписали из роддома, он осторожно взял в руки маленький, тёплый розовый кулёчек и понял: вот она, его первая, истинная ЛЮБОВЬ.

Сонечка получилась точной копией своей мамы – со светлыми завитушками волос, большущими голубыми глазами и милым курносым носиком. Рома не чаял в дочери души. А Оля – та просто растворилась в своём ребёнке. Ведь не смотря на усталость и недосып она наконец-то нашла то, что искала всегда. Это хрупкое, плачущее по ночам создание нуждалось в ней как никто, заставляя Олю чувствовать себя не просто нужной, а незаменимой.

Но где-то ближе к году Соня начала предпочитать маме папу. Нет, безусловно, девочка любила и маму, но к ней она относилась как к данности, без особой нежности и трепета. К отцу же отношение было совсем другим. Днём, ожидая его с работы, Соня то подходила к входной двери, то требовала у мамы папину фотографию и гладила её своими маленькими, пухленькими пальчиками, умилительно говоря при этом: “Паааапа...” А стоило отцу переступить порог, она запрыгивала к нему на руки и больше не отлипала от него до самого сна. Впрочем, это было совсем не удивительно: Рома был не из тех отцов, чьё воспитание заключалось лишь в периодических поглаживаниях по головке и поцелуях на ночь. Он носился по дому в качестве “лошадки”, прятался по шкафам, лепил из пластилина “смешариков” и каждую ночь укладывал свою малышку спать, напевая неизменный “Wild

of change”...

Конечно, Оля радовалась их любви. К тому же, Соня была вылитая мама, и получалось, что Рома любит ее маленькую копию – это наполняло её сердце особым, сладким чувством.

Однако, тот факт, что Оля перестала быть главным и незаменимым человеком в жизни дочери в глубине души её расстраивал...

Не получив в детстве ни капли тепла, всю свою жизнь она хотела лишь одного – чтобы её любили. Недостаток любви, действительно, был самой большой её бедой. Но только не со стороны мужа, дочери или еще кого-либо: Оля не любила себя сама.

3

Сонин смех громко звенел в каждом уголке квартиры, легко просачиваясь сквозь открытые форточки в залитый солнцем двор. Была суббота, и если бы Соня умела различать дни недели, то знала бы совершенно точно: суббота и воскресенье – её самые любимые дни. Ведь в этот день, проснувшись утром, она видела не только маму, но и папу. А если папа дома – это всегда праздник. Если папа печёт на завтрак блины – это не просто блины, это цветочки, сердечки, жирафы и слоны. Если папа кормит с ложечки – это не просто кормление, это машины, заезжающие в гаражи и поезда, спешащие сквозь тоннель. И если мама после завтрака принималась за

неизменную уборку, усадив Соню за мультики, то папа открывал перед ней большую книжку с детскими стишками и читал вслух, настолько забавно изображая голоса животных, что Соня начинала смеяться в голос. Вскоре чтение перетекло с беготню, подкидывания и прочее веселье. Так было и в этот солнечный, весенний день. Рома включил любимые Сонины песенки и катал её по дому на детской машинке, а она благодарила его своим залиvistым смехом.

Оля убралась на кухне, после чего прилегла на кровать отдохнуть. В последнее время она и впрямь начала быстро уставать. А ещё эта головная боль... “Если не пройдёт – выпью таблетку” – подумала Оля и сомкнула глаза в надежде на сон. Но музыка и Сонин смех так и не дали ей уснуть, а головная боль лишь усилилась.

– Можно потише? – выкрикнула Оля.

Но всё осталось без изменений.

– Пожалуйста, потише, у меня болит голова!!! – сделала она ещё одну попытку.

Но музыка продолжала играть, а смех и не думал прекращаться. Тогда Оля поднялась с кровати и вихрем вылетела в гостиную, где веселились её муж и дочь.

– Я что, многого прошу?! Я прошу чуть-чуть тишины! Почему вы делаете вид, что не слышите меня?!!! – обычно сдержанная Оля кричала что было мочи. Её волосы растрепались, а лицо было мертвенно бледным.

– Так мы и правда не слышали... Оль, с тобой все хорошо?

Как ты себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил Рома.

– Голова разболелась... Прости, я что-то сорвалась... Сонечка, и ты прости, мама не хотела кричать... – сказала Оля и погладила по голове притихшую и слегка испуганную дочь.

– Так. Сонь, как насчёт того, чтоб пойти на улицу и померять лужи? Где наши резиновые сапожки?

– Рома поднял дочь на руки и та, как ни в чем не бывало начала улыбаться.

– Лузы! Лузы! Папа, дём! – защebetала девочка, покалывая пальчиком на окошко.

– Оль, мы пошли, а ты давай отдыхай. Выглядишь неважно. Если честно, ты меня даже напугала... Если что звони – телефон у меня с собой.

Когда дверь захлопнулась, вместе с долгожданной тишиной на Олю навалился жуткая тоска. Почему она не прыгает с ними по лужам? Почему не умеет радоваться жизни? Её близкие живы, здоровы, они рядом с ней, а она пребывает в вечном унынии... Ноет, пьёт таблетки... Не лучше ли выйти на свежий воздух?

Оля поднялась с кровати, как вдруг в её глазах потемнело, и она почувствовала, как сознание покидает её.

Глава 5

1

Оля бежала по улице чуть ли не бегом. Они вылетели раньше и ничего ей не сказали! Они уже дома!

– Мама! Мама! – Соня радостно подбежала к ней и обняла Олю за шею, не дав ей раздеться.

Оля ласково прижала дочь к себе, вдохнула ни с чем не сравнимый, родной аромат мягких детских волос, и... недавно отступившая волна дикой тоски обрушилась на Олю с новой силой.

– Мама, смотри, смотри! – Соня взяла маму за руку и за собой. – Акуски!

Войдя в гостиную, Оля увидела кучу ракушек, маленьких камешков и разноцветных стеклышек, обточенный морской волной, лежащих на дне большого таза, наполненного водой.

– А мы тут по морю ностальгируем... Привет! – Рома легонько чмокнул Олю в щеку. – Как твоё здоровье? Очень жаль, конечно, что ты не поехала с нами...

Объятья дочери, пусть и дружеский, но поцелуй мужа – все это наполнило Олино сердце щемящей болью, и принятое ей решение, которое буквально полчаса назад она считала единственно верным, теперь казалось ей чуть было не

совершенной ужасной ошибкой. Оля за считанные секунды вновь погрузилась в пучину паники и бессилия.

– Знал бы ты, как мне жаль... Чертова гипертония. И откуда она взялась? Ну да ладно! Я в душ на десять минут, хорошо? – сказала Оля сдавленным голосом.

– Иди, конечно...

Оля разделась и встала под тёплые струи воды. Ей хотелось снова сжаться в комок и рыдать. Но она не должна раскисать, она просто не может позволить себе тратить на это своё драгоценнейшее время. Нужно действовать согласно плану. Альтернатива всего одна, и она намного страшнее. У неё впереди целый день. И он должен стать самым счастливым. Оля вылезла из душа, вытерлась, завернулась в тёплый махровый халат, глубоко вздохнула, улыбнулась и вышла из ванной.

– Ну что, пойдёмте ужинать? Я принесла пиццу. Вы кушали? Я голодная, как волк. – бодро сказала Оля. – И давайте уже расскажите мне в подробностях, как вы отдохнули. Хоть послушаю.

2

На часах было уже 4.00, а сон все не шёл. Оля снова и снова прокручивала в прошлый понедельник – день, с которого начался её кошмар. Зелёные стены кабинета врача, его большие очки, его голос, произносящий самые страшные слова

в её жизни...

– Ольга Владимировна, вы пришли одна?

– Да.

– Боюсь мне придётся сообщить вам плохую новость.

– Говорите...

– Это онкология. Анапластическая астроцитома, злокачественная опухоль. К сожалению, хирургическое вмешательство здесь не поможет, так как опухоль начала прорастать в ткани мозга. Мне жаль...

Оля почувствовала головокружение. Руки тряслись, к горлу подступала тошнота.

– Жаль? Что это значит? Какое лечение назначается в этом случае?

– Избавить от опухоли мы вас не сможем. Но, возможно, получится уменьшить её медикаментозно. Что, вероятно, продлит вашу жизнь...

– Продлит? То есть это неизлечимо? О каких сроках идёт речь?

– Если ничего не делать, конец настанет в пределах полугода. Лечение сможет подарить вам ещё полгода, но, по моему опыту, это максимум... Хотя случаи, конечно, бывают разные... Не бывает одинаково протекающих онкологий, как и не бывает одинаковых отпечатков пальцев. Рак непредсказуем.

– О Господи... – Олю билa мелкая дрожь. – Есть вероятность ошибки?

– Могу сказать с точностью 99,9 % – нет... Вы можете переделать МРТ, пересдать анализы, можете пойти к другому врачу... Это ваше право. Но результат будет аналогичным – я в этом уверен.

– И что??? Что мне теперь делать?!!

– Ну, пути всего два. Первый – начать колоть химию. Как я уже сказал, это, возможно, продлит ваше существование. Но вы должны понимать: данный метод агрессивен. Не каждый здоровый человек способен вынести подобное, что уж говорить о больном. Вы уж простите за прямоту, но если бы был шанс на полное излечение – это одно дело. В вашем случае, лично я считаю, это неоправданно. Из симптомов у вас была только головная боль и однократная потеря сознания?

– Да...

– Значит, живите дальше. Это второй путь. Просто живите, столько, сколько отмерит вам Бог. А мы окажем вам соответствующее паллиативное лечение, оно существенно облегчит ваше состояние и позволит находиться дома, в кругу семьи.

– То есть вы отправляете меня умирать?!!!!! – Оля уже не сдерживала слез, её голос срывался.

– Нет, ни в коем случае. Вы можете лечь в больницу, и мы будем вас лечить. Я лишь высказываю своё мнение. Возможно, я слишком прямолинеен. В нашей стране подобную информацию принято скрывать, приукрашивать... Правду сообщают лишь родным. Но я предпочёл быть честным с ва-

ми. Возможно, у вас есть какие-то важные незавершённые дела... В конце концов, у вас есть дочь. Не лучше ли, пока вы относительно хорошо себя чувствуете, провести это время с ней, а не с больничным туалетом в приступе рвоты? Ещё раз простите мне мою прямому...

– Да... Да... Спасибо... Я поняла... – Оля вдруг почувствовала, что задыхается в этом кабинете, что ей срочно необходимо выйти. – Я все поняла... Я, пожалуй, пойду...

– Возьмите список лекарств. Принимая их, вы будете чувствовать себя намного лучше. Также я выписал вам другое обезболивающее, на случай, если ваше перестанет помогать... Может быть позвонить кому-то из родственников, чтоб вас забрали? Опасно ехать домой в таком состоянии...

– Опасно????? Доктор, да вы шутник! Теперь понятие опасности для меня не существует! Ещё раз спасибо! Пойду наслаждаться остатками жизни! Всего хорошего! – Оля нервно хихикнула и вышла за дверь.

Больничный коридор плыл перед глазами. Люди вокруг сновали туда-сюда, было довольно шумно, но Оле все звуки казались приглушёнными, словно она находилась под водой. Мысли путались, чётко она осознавала лишь одно – ей скорее нужно уйти отсюда.

Как в тумане, Оля добралась до дома. Быстро скинула пальто, мельком посмотрела на себя в зеркало. Лицо было бледное, осунувшееся, даже слегка перекошенное... Хорошо, что Рома с Соней уехали. Они не должны видеть её та-

кой... Вдруг Оля почувствовала, что жутко хочет спать. Дошла до спальни, не раздеваясь, рухнула на кровать и провалилась в сон. Глубокий, чёрный и пустой, как сама смерть.

3

Это должен был быть их первый отпуск втроем. Они запланировали поездку в Таиланд, на острова, еще полгода назад, и Оля считала дни до отъезда, в тайне мечтая, что свежие эмоции и романтика моря способны пробудить в муже давно угасшие чувства. Но мечта так и осталась мечтой: после потери сознания Оле ошибочно поставили диагноз «гипертония» и запретили лететь. Рома и Соня улетели вдвоем, а Оля продолжила обследование, о результатах которого решила никому не сообщать...

Оля сдалась не сразу, и вопреки совету доктора обратилась в другую клинику. И хотя шанс был один на миллион, она должна была попробовать. Но, к несчастью, диагноз подтвердился. Другой врач был менее откровенен и отказываться от лечения не предлагал, но суть его слов сводилась к тому же: мы вас не вылечим – лишь продлим существование.

Ночные посиделки в интернете в поисках информации окончательно затушили тлеющие в ее душе огоньки надежды – практически все источники только подтверждали слова врачей: с ее диагнозом больше года не живут... А, мелькающие то тут, то там предложения купить чудо-средства из

кожуры граната и грейпфрутовых косточек не вызывали ничего, кроме злости...

И Оля приняла решение. Она не будет мучиться. И не будет мучить своих близких. Вместо этого она сделает то, что по причине, неизвестной даже ей самой, так редко себе позволяла – она насладится этой жизнью, насладится сполна. Пусть это будут считанные дни, но она их проживет, а не просуществует...

Эта мысль принесла ей своеобразное облегчение. Оля закрыла ноутбук, вытерла слезы, откупорила бутылку шампанского и полным бокалом запила очередную таблетку обезболивающего. Потом она открыла записную книжку и начала листать.

Почему в ее жизни так мало близких людей? Да, хорошо, она сирота, но у нее могли быть друзья, подруги... Зачем она сама загнала себя в этот замкнутый круг безответной любви к мужу? Почему она ни с кем не общалась, никуда не ходила, ничем не увлекалась? А ведь она так любит танцевать... И ей вдруг снова стало жаль себя и свою зря потраченную жизнь...

Тут Олин взгляд остановился на одном из контактов – "Люба Больница". И Оля поймала себя на мысли, что, возможно, Люба – единственный человек, с которым ей хотелось бы разделить этот вечер. Но вспомнит ли она ее? И, если вспомнит, то захочет ли встретиться? У Любы дети, работа... Хотя, к чему эти сомнения? У нее ведь совсем нет

времени на столь пустое занятие! И Оля нажала на кнопку "Вызов".

– Алло... – ответил смутно знакомый голос.

– Люб, привет. Прости, что беспокою. Ты меня помнишь?

– Конечно, помню. Вроде б еще не слишком старая, на память не жалуясь! – Люба засмеялась, так просто, так по-доброму, что у Оли потеплело на душе. – Как дела, Олечка? Как дочка?

– Дочка хорошо. Уже болтает вовсю... Как ты?

– А я работаю, как лошадь... Днем варю борщи в столовой, вечером разношу салаты в кафе – устроилась официанткой на полставки. Оклад небольшой, но чаевые неплохие. Устаю, конечно, но за мальчишки мои сыты, одеты и обуты. А ещё у меня появилась мечта – побывать на море. Даст Бог – летом поедem в Анапу...

– Обязательно поедете, Люб... А на сегодняшний вечер у тебя планы есть? Я хотела предложить тебе встретиться – поболтать, развеяться...

– Вот это да... Ну давай, мама живет с нами, дети под присмотром. В конце концов, я это заслужила!

– Я знаю отличное место, там можно и покушать вкусно, и потанцевать... Давай я заеду за тобой на такси? Где ты живешь?

– Так, Оль, подожди... Ты ведь понимаешь, что на рестораны у меня денег нет? В ваших ресторанах ведь всю зарплату оставить можно... А мне еще семью кормить...

– Люб, за деньги не переживай...

– Уж не собираешься ли ты за меня платить? Еще чего не хватало!

– Нет, ты не поняла, ресторан принадлежит моим хорошим знакомым, которым я совсем недавно оказала услугу. Так что для нас все будет бесплатно...

– А, ну раз так... Когда еще на меня свалится такое счастье? Записывай адрес!

Конечно, никаких знакомых у Оли не было. Она заранее объяснила ситуацию официанту, и тот с легкостью ей подыграл, получив в знак благодарности хорошие чаевые.

И оно того стоило.

Они пили вино, ели вкусную еду, курили кальян, вели душевные беседы... Оля не стала рассказывать Любе о своем диагнозе: ей хотелось веселиться, а о каком веселье может идти речь, когда тебе сообщают о своей скорой смерти? Но часть правды она все же рассказала.

Сказала, что наконец-то полюбила себя. Что хочет жить, дружить, путешествовать и дышать полной грудью. Что хочет пойти на занятия сальсой. Сказала, что они с мужем достойны большего, и именно поэтому она решила его отпустить.

В эту ночь они танцевали до упада, пели песни и смеялись от души.

Ближе к трем часам женщины вызвали такси и вышли на

воздух. И тут Олю накрыла боль в голове... С такой силой, что та не смогла стоять и присела на корточки. Боль сдавила голову тисками, не давая вдохнуть.

– Что с тобой? Тебе плохо? – обеспокоенно спросила Люба и присела рядом.

– Да... Достань, пожалуйста, из сумки таблетки и бутылку с водой...

Люба достала таблетки и обомлела.

– Морфин?! Вот, возьми... И скажи мне, ради Бога, что с тобой?

– У меня рак мозга... – глухо ответила Оля, выпила таблетку и уткнулась лицом в ладони.

4

– Оль, привет! Ну ты как? Как дела? Как самочувствие? – голос мужа, звучащий на том конце провода за тысячи километров от нее, окончательно вырвал Олю из лап тяжелого сна.

– Привет! Я неплохо. Пью таблетки. Как вы? Как Сонечка? Как же я соскучилась...

– Соня хорошо. Целыми днями балакается в море и капается в песке. Тоже скучает по тебе. Постоянно просит показать в телефоне твои фото...

– А я на ее даже не смотрю. Боюсь расплакаться... – ответила Оля и вытерла мокрую щеку тыльной стороной кисти.

– Эй, ты чего? Ты плачешь?

– Да, немного... Не обращай внимания...

– Давай там выше нос! Мы прилетаем уже послезавтра!

Я, честно говоря, уже немного подустал... Все-таки отдых с двухлетним ребенком сложно назвать отдыхом в полном смысле этого слова...

– Я вас жду... Очень-очень...

– Кстати, забыл тебе сказать, ты не против, если на эти выходные мы отвезем Соню к моим родителям за город? Они тоже сильно соскучились по ней. Мы прилетаем в четверг, а отвезу я ее в пятницу вечером, так что у вас в запасе будет целый день...

– Целый день... – словно эхо повторила Оля.

– Ну да... Что-то не так? У тебя были другие планы?

– Да нет, все нормально пусть берут...

– Ну вот и отлично. В конце концов, у вас еще уйма времени впереди, до конца твоего декретного отпуска почти целый год.

– Да... Да. – Оля старалась говорить ровным голосом.

– Ну давай! Скоро будем! Не грусти!

Глава 6

1

– Давай, Сонь... Еще две ложечки! За бабу! – приговаривала Оля, собирая в ложку остатки овсяной каши. – И за деду! Вот умница!

Оля докормила дочку, вытерла ей ротик и бросила тарелку в раковину. Сегодня она не будет заниматься уборкой. Сегодня их день – ее и Сонин, и места для уборки в нем нет.

Оля старалась не думать о времени, о том, как мало его осталось. Она просто хотела разделить этот день со своей дочуркой, насладится этим бесценным даром. В конце концов, никто не знает, какой день станет для него последним, и далеко не каждому дано провести его в счастье и гармонии, позабыв о суете и сосредоточившись на самом главном. А у неё есть шанс...

Погода стояла чудесная. Солнце светило ярко и нежно, как бывает только поздней весной и ранней осенью.

– Ну что, подружка? Куда мы с тобой отправимся?

– Гуять... В пак! – ответила Сонечка и поделилась с Олей кусочком своего банана.

Оля очень хотела пойти с дочерью в парк или дельфинарий, но ей было страшно... С каждым днем ее состояние

становилось все хуже и хуже, приступы головной боли учащались, и она просто-напросто боялась, что ей станет плохо вдали от дома.

– В парк? Ты знаешь, у меня есть идея поинтереснее... Пошли-ка лучше на пикник! Возьмем с собой теплое одеяло и много-много вкуснятины! А теперь, скажи мне, папа ведь ни разу не давал тебе мороженого?

Соня отрицательно покачала головой.

– Ну вот и отлично! Значит сегодня будем пробовать! Только тссс... – Оля заговорщицки поднесла палец к губам. – Папе – ни слова! Это будет наш секрет...

– Тссс... – прошептала Соня и тоже приложила палец к губам.

– Ну иди сюда, моя обезьянка... – Оля взяла дочку на руки и под звонких хохот закружила по дому.

2

Оля сидела на ярко-фиолетовом одеяле, расстеленном на лужайке во дворе дома. Она вдыхала запах свежескошенной травы, смотрела на голубое небо в белых облаках и на Соню, с аппетитом поедающая пломбир в вафельном стаканчике.

– Кусно...

– Еще как вкусно... Кушай на здоровье, родная... – Оля поцеловала дочь в белокурую макушку.

И пусть она не отведет свою малышку в садик, не завяжет

ко дню знаний белый бант, не заметит в её в глазах искорки взрослой любви... Зато в их жизни был первый зубик, первые шаги, первое слово... А теперь еще и первое мороженное. И Оля вспомнила, как округлились Сонины глазки, когда она попробовала холодное лакомство на вкус. Оля достала из сумки фотоаппарат и сфотографировала перепачкавшуюся дочь. "На память..." – пронеслось в её голове.

Оле так много хотелось ей сказать, хотелось объяснить дочке, что мама уйдёт, но её душа будет рядом... Но она боялась неправильно подобрать слова, боялась напугать девочку, боялась расплакаться сама...

Оля легла на одеяло и посмотрела на небо. Что там будет там, куда она попадёт? И попадёт ли она куда-то или просто растворится в небытие?

– Сонь, иди сюда, смотри! – Оля притянула дочку к себе и уложила рядом. – Видишь, облачко? Воооон там... – Оля указала пальцем на большое облако над их головами. Похоже на котёнка, правда? Вот ушки, вот хвост!

– Киииса... – сказала Сонечка и протянула ручки вверх.

– Хочешь, я расскажу тебе ещё один секрет?

– Да... – Соня повернулась к маме и приготовилась слушать.

– Я тоже скоро стану облачком. Куда бы ты не отправилась – я буду плыть за тобой. Я никогда тебя не оставлю. Запомни это, ладно?

– Ага... Тебе будет весело?

– Да, мне будет хорошо... Ты только помни – я всегда с тобой... Я очень тебя люблю...

Оля не хотела плакать. Но слезы предательски подступили к глазам. И их уже было не остановить.

– Не пач, мама, не пач... – говорила Сонечка, вытирая маленькими пальчиками стекающие по Олиным щекам слёзы.

– Не буду, доченька... Пойдем домой? У нас с тобой там столько интересного! – Оля крепко обняла дочку, вытерла слезы и начала собираться.

3

Прощание было тяжелым. Соня будто чувствовала неладное, и, наверное, в первый раз не желая уезжать от мамы с отцом, начала капризничать.

– Сонечка, ну что ты... Бабушка так по тебе скучает... – ласково уговаривала её Оля.

– Нет! Только с мамой, с мамой... – плакала Сонечка, разрывая Олино сердце на куски.

– Слушай! Совсем забыл тебе сказать... – Рома наигранно округлил глаза, будто удивляясь. – Дед посадил в саду тюльпаны... Красные, жёлтые и даже розовые...

– Тюльпаны? – заинтересовавшись, Соня на секунду перестала плакать.

– Да! Самые настоящие... – Рома решил воспользоваться положением, незаметно махнул Оле на прощание рукой и

быстро вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Олю поглотила давящая тишина квартиры. Всё произошло так быстро, она даже понять ничего не успела... Слез не было, руки и ноги стали ватными. Оля тяжело опустилась на диван.

– Вот и всё... – пронеслось в её голове.

Осознание этого факта наполняло её сердце жутким холодом. Но вместе с ним пришло и облегчение: Оля боялась этого прощания – боялась проявить слабость, разрыдаться и признаться во всем... А сейчас всё было позади. И она не будет травить себе душу, вспоминая прикосновения тёплых Сониных ладошек... Она должна действовать согласно плану.

4

Было уже за полночь. Оля сидела на диване и пила вино. Горел светильник. Из открытого окна доносился приглушённый лай собак.

Оля думала о своей уже почти прожитой жизни. Она жалела о том, что вовремя не отпустила мужа. Ведь тогда и у неё, и у него появился бы шанс на настоящие, взаимные чувства... Она жалела о том, что не нашла себя и всю жизнь занималась тем, что было ей не так уж и интересно... Кто знает, может быть из неё бы получилась талантливая танцовщица или известный модельер? Она жалела о том, что пре-

дала и забыла свои детские мечты – она так и не полетала на воздушном шаре, не поплавала с дельфином, не завела большую собаку... Но даже не это терзало её больше всего. Самое страшное заключалось в том, что она никогда не умела наслаждаться жизнью. Не получала удовольствия от простых вещей – запаха весны, вкуса кофе, от того, что слушает красивую музыку, ходит босиком по траве... Вместо этого она купалась в своих обидах...

В голове появилась мысль – а может быть пожить ещё чуть-чуть? Исправить свои ошибки и насладится жизнью сполна? Но Оля быстро откинула её. Она ни за что не поведётся на эту с виду заманчивую перспективу. Да, она старалась наслаждаться каждым моментом в эти последние дни. Но наслаждение это было с металлическим вкусом ожидания смерти. Это во-первых. А во-вторых, скорее рано, чем поздно она сорвётся, расскажет, расплачется, обмякнет... И в итоге потеряет решимость и будет угасать медленно и страшно... Нет. Она ни за что не повернет назад...

Оля долго думала о том, как ей уйти. Она прекрасно осознавала, что безболезненных и красивых способов убить себя просто нет, поэтому иллюзий не строила. Также она понимала, что ни за что на свете не сделает этого дома – она просто не в праве поступить так с местом, где живут её любимые люди.

Оля допила последние капли вина, достала листок бумаги и написала:

"Доченька! Прости, что так рано оставляю тебя, но у меня просто нет другого выхода, поверь... Прощу тебя, цени каждый миг своей жизни и побольше мечтай... Я очень тебя люблю..."

Ниже:

"Любимый... Прости меня за всё, пожалуйста... За то, что держала тебя... И за то, что я сделаю... Я знаю, это будет страшно, но ты обязательно всё забудешь... И обязательно станешь счастливым".

Далее:

"В моей смерти прошу никого не винить".

Поставив подпись, Оля сложила записку вдвое, оставила на журнальном столе. Взяла с полки одну из книг, прочитанную ею ещё в юности. Это был роман Джека Лондона "Мартин Иден". Оля открыла страничку, заложённую закладкой и в сотый раз прочитала уже практически наизусть заученные строки:

"Все глубже и глубже погружался он, чувствуя, как немеют его руки и ноги. Он понимал, что находится на большой глубине. Давление на барабанные перепонки становилось нестерпимым, и голова, казалось, разрывалась на части. Невероятным усилием воли он заставил себя погрузиться еще глубже, пока, наконец, весь воздух не вырвался вдруг из его легких. Пузырьки воздуха скользнули у него по щекам и по глазам и быстро помчались кверху. Тогда начались муки удушья. Но своим угасающим сознанием он понял, что эти

муки еще не смерть. Смерть не причиняет боли. Это была еще жизнь, последнее содрогание, последние муки жизни. Это был последний удар, который наносила ему жизнь.

Его руки и ноги начали двигаться судорожно и слабо. Поздно! Он перехитрил волю к жизни! Он был уже слишком глубоко. Ему уже не выплыть на поверхность. Казалось, он спокойно и мерно плывет по безбрежному морю видений. Радужное сияние окутало его, и он словно растворился в нем. А это что? Словно маяк! Но он горел в его мозгу – яркий, белый свет. Он сверкал все ярче и ярче. Страшный гул прокатился где-то, и Мартину показалось, что он летит стремглав с крутой гигантской лестницы вниз, в темную бездну. Это он ясно понял! Он летит в темную бездну, – и в тот самый миг, когда он понял это, сознание навсегда покинуло его."

Оля захлопнула книгу. Минуту посидела, собираясь с мыслями. Потом оделась и вышла из квартиры в холодную, мокрую темноту.

Часть 3. Кошки и собаки

Глава 1

1

Вика лениво потянулась в своей постели из скользящего и не совсем удобного, но жутко дорого чёрного шёлка и посмотрела на часы.

10.38. Пора вставать. В 13.00 её ждёт планёрка в издательстве, в 16.00 – педикюр, а на 21.00 у них с подружками забронирован чилаут в "Bella pasta", где она наконец-то сможет забыть о куриной грудке с гречкой и окунуться в сказочный мир феттуччини и шампанского.

Идеальный пятничный план.

Вика накинула кружевной халатик и, напевая себе под нос, отправилась на кухню.

Её утро всегда начиналось с воды с кусочком лимона. И только потом дорогая кофемашина выдавала ей чашечку эспрессо, а тостер – хрустящий тост из цельнозернового хлеба.

Вика была красивой. Чувственные черты лица, ухоженные русые волосы до плеч, хорошая кожа, стройные ноги,

плоский живот, полная грудь... Но мало кто, кроме близких, знал, что её внешность – отнюдь не подарок природы, а результат кропотливого труда и щедро вложенных денег.

Вика часто, словно мантру, повторяла одну и ту же фразу: "Я себя сделала сама".

Да, она гордилась собой. Гордилась тем, что усовершенствовала своё тело. Тем, что хорошенько проработала своё «я» и теперь у людей не было ни малейшего шанса ею манипулировать. Тем, что в свои двадцать три года была материально независима и имела возможность жить в комфорте, качественно питаться и дорого одеваться.

Но, конечно же, у всего есть своя предыстория. И река, по которой плыла Вика, также имела свой исток.

2

В школе Вика была обычной, ничем не примечательной девочкой. Эдаким середнячком. Училась на «четыре-три», на школьных спектаклях не блистала, какими-либо талантами не отличалась. Среднего ростика, с подростковыми прыщиками на лице и склонностью к полноте. Как и добрая половина её одноклассниц, Вика была тайно и не взаимно влюблена в самого обаятельного мальчика в школе, что собственно никак не повлияло на её личность, а просто стало вполне стандартным этапом взросления девочки, коим является неразделённая любовь.

А вот отношения, завязавшиеся в институте, сыграли в её жизни немалую роль.

Никита понравился Вике не сразу. Русоволосый, худощавый, неразговорчивый, он не был душой их институтской компании. Вика видела – они из одного теста, и этот факт её отталкивал.

Однако Никита обладал другим, не менее ценным, чем личное обаяние, качеством – он был упрям и терпелив. Нет, он не задаривал Вику цветами, и даже не писал любовных СМС-сообщений. Он просто всегда был рядом, давая понять: "Ты мне нравишься, и если захочешь – мы будем вместе".

В какой-то момент Вика устала ждать своего принца и ей захотелось простого человеческого тепла. Чтоб до дома провозжали, обнимали, целовали. Чтоб было с кем отметить 14 февраля и 8 марта. И она сделала шаг навстречу.

Поначалу все было прекрасно. Никита заботился о Вике, а Вика с каждым днём видела его всё более и более привлекательным. Она стала ценить его рациональность, его надёжность, его целеустремлённость. Ценить то, что в свои двадцать лет он работал не где-нибудь, а продавцом в престижном автосалоне.

Чувствуя эту гордость, Никита расцветал на глазах. К полугоду их отношений в нём уже было не узнать того самого худощавого паренька в растянутом свитере. Теперь это был видный молодой человек с короткой стрижкой и широкими

плечами. Он стал следить за собой, модно одеваться и даже приобрёл в кредит своё первое авто. Как следствие, ко всем положительным изменениям прибавилось и женское внимание: в институте, на работе, в спортзале...

Вика ревновала. Подобно заправскому детективу, она штудировала его страничку в социальной сети, упорно ища у него в «друзьях» новые «подозрительные» лица. И, конечно же, находила...

Она хорошо запомнила тот день, когда увидела в Никитиных контактах ЕЁ. Длинные тёмные волосы, шикарное декольте, вызывающий взгляд... Не в силах дотерпеть до личной встречи, она дрожащей рукой набрала его номер.

– Алло... – сонно ответил Никита.

– Привет. Спишь? – спросила Вика.

– Сплю. Что-то случилось?

– Кто такая «Мисс Крис»?

– Ты сейчас шутишь?! Ты звонишь мне в три часа ночи, чтоб задать этот вопрос?!

– Ответь, пожалуйста...

– Я дико извиняюсь, но мне интересно, почему этот вопрос не мог подождать до завтра? – съязвил Никита. – Мне, в отличие от тебя, утром на работу!

– Не уходи от ответа...

– Хорошо. Это моя клиентка. Такой ответ тебя устраивает? – Никита явно злился.

– А что твоя клиентка делает у тебя в "друзьях"?

– Она «постучалась» ко мне, я её принял. В чём проблема?

– Проблема в том, что мне не совсем понятно, ПОЧЕМУ она к тебе "постучалась"...

– Понятия не имею.

– А я, кажется, знаю. Хочешь, подскажу тебе?

– Подскажи.

– Ты флиртовал с ней. Ты дал ей повод. Вот она и добавилась! Всё просто.

– Вик, что за бред? Даже слушать тебя не хочу! Всё! Пока!

– Не смей бросать трубку!!! Не смей, слышишь?! – крикнула Вика, но ответом ей была только тишина.

Вика набрала его номер снова, потом ещё раз... – безрезультатно.

Потом Вика плакала. Плакала и злилась. На себя, на него, на очередную "Мисс Крис". Она понимала, что ведёт себя глупо, жалко, низко... Но ничего не могла с собой поделать.

На следующий день они помирились. Как и всегда, по инициативе Вики. Остыв, она всегда начинала испытывать жуткое чувство вины. И, конечно же, до ужаса боялась его потерять...

Но круговорот продолжался. Конфликты повторялись. С каждой ссорой Вика становилась всё плаксивее, а Никита – жёстче.

– Ты хочешь знать, кто это? Это девушка. Её зовут Лена. Мы познакомились с ней в спортзале. Да, мне приятно с ней

общаться, потому что она, в отличие от тебя, не выносит мне мозг! Ещё вопросы будут?! – говорил он.

У Вики вопросов не было. Остались только слёзы и беспомощность. Впрочем, эту яму она вырыла себе сама.

Нельзя сказать, что Викины обвинения были беспочвенны. Обычно женщины чувствуют неверность. И уже потом, словно сахарную вату на палочку, накручивают на неё свои больные фантазии, видя угрозу в самых безобидных вещах.

Конечно, Никита флиртовал. Да и не только – были и измены.

По-своему Вика была права. Неверной была лишь форма подачи, делающая из Вики сторожевого пса. И если Никиту эта форма раздражала, то на Вику она действовала просто разрушительно: от её самоуважения и уверенности в себе остались лишь руины, посыпанные пеплом самобичевания и жёсткой зависимости.

3

Однажды, после очередной ссоры, Вика в надежде на поддержку позвонила своей студенческой подруге Тане.

– Я не могу, я больше так не могу... – рыдала она в трубку. – Ему абсолютно плевать на то, что я чувствую! Ему уже вообще на меня плевать...

– Вик, мне кажется, ты заиклилась...

– Да, я заиклилась. Я знаю, что надо заканчивать, надо

уходить, что эти отношения давно никому не в радость... Но у меня нет на это сил!!! Понимаешь? Нет сил!

– Тебе надо отвлечься. Может быть сходим куда-нибудь? Выпьем, расслабимся? – предложила Таня.

– Нет, я не хочу... Приезжай лучше ко мне...

– Да я приеду, без проблем. Но толку от этого не будет. Ты так же будешь рыдать, только уже не в подушку, а в моё плечо. А закончится всё тем, что ты напьёшься, начнешь ему названивать и сделаешь только хуже.

– Ты права, так и будет... – грустно ответила Вика.

– Давай сходим в клуб и попробуем отвлечься. Ты говоришь, он флиртует со всеми подряд?

– Да... Теперь он этого даже не отрицает...

– Ну так и ты пофлиртуй! Хуже от этого точно не станет!

– Ну хорошо... В клуб – так в клуб.

Вечером они с Таней устроили себе маленький девичник с мартини, музыкой, причёсками, макияжем и примеркой различных нарядов. Вика удивлялась сама себе, но ей действительно не хотелось ни плакать, ни докучать своими звонками. Теперь она была рада, что решила выбраться.

Вика посмотрела на себя в зеркало и, оставшись довольна увиденным, подумала: "Жаль, что ты меня не видишь... Ну ничего, в клубе наверняка будет фотограф.»

Ближе к десяти девушки закончили сборы и подогретые бутылкой мартини и предвкушением весёлой ночи отправились в клуб.

Как и каждую субботу, клуб был переполнен. Кто-то сидел около барной стойки, кто-то слегка пританцовывал с коктейлем в руках, кто-то отрывался на танцполе. Музыка долбила так сильно, что Вика с трудом понимала, что говорит ей подруга.

"Нет, ночные клубы – это явно не моё..." – пронеслось в её голове. Вике было неуютно.

Таня же, напротив, чувствовала себя, как рыба в воде.

– Ну что, может бахнем по "шоту"? – пытаюсь перекричать музыку, спросила она.

– Что?! – не расслышав, переспросила Вика.

Подруга указала на батарею разноцветных рюмок.

– Нет, я лучше шампанское!

– Ну как хочешь! А я, пожалуй, опрокину рюмашку – и на танцпол. Не теряй меня! – выпив залпом содержимое стопки, Таня чмокнула Вику в щёку и растворилась в толпе.

Вика кивнула, взяла себе бокал шампанского, который оказался жутко дорогим, и села у бара.

Её бодрый настрой вновь сменила тоска. Допив шампанское, она уже начала было обдумывать, как сообщить подруге о том, что собирается уйти, но вдруг, увидела их... И опешила.

Её Никита, такой красивый, такой счастливый стоял у ба-

ра в паре метров от неё. А напротив него, на барном стуле сидела девушка...

Девушка была очень привлекательной, стройной, длинно-волосой, ухоженной... На ней были короткие чёрные шорты на подтяжках и белая блузка, верхние пуговицы которой красиво приоткрывали упругую, загорелую грудь.

Никита наклонился к ней и прошептал что-то на ухо. Девушка засмеялась, притянула его к себе и поцеловала...

Из того, что было дальше, Вика запомнила лишь фрагменты.

Летящие ко всем чертям бокалы, его рубашка, порванная на груди, чьи-то руки, пытающиеся её оттащить...

Всё смешалось в какой-то кошмарный ком, состоящий из лиц, звуков, тактильных ощущений и острого чувства душевной боли...

Вика пришла себя лишь в холле клуба.

– Успокойся, я тебе сказал!!! – рявкнул на неё охранник, толчком усадив на лавку. – Сейчас расплатишься за бой посуды, и чтоб я тебя здесь больше не видел!

Вика прислонила голову к стене, судорожно хватая воздух ртом. За пеленой слёз она увидела Таню, стоящую неподалёку и разговаривающую с администратором. Через минуту та подошла к ней.

– Пойдём... Всё хорошо. – ласково сказала она, взяв Вику за локоть. – Я расплатилась.

– Я... отдам... – прохрипела Вика.

– Отдашь, отдашь... – ответила Таня. – Знаешь, что? Правильно и сделала, что наваляла ему. Пошли, нас ждёт такси.

Глава 2

1

Вика курила на балконе, опухшими от слёз глазами уставившись на серый ноябрьский двор. С момента сцены в клубе прошло две недели. Четырнадцать адских дней. Никита не звонил, не пытался объяснить. И это молчание говорило за него лучше всяких слов...

Вика мало ела, и даже закурила, хотя до этого не переносила сигареты на дух. Но монотонное выпускание дыма действительно успокаивало, а также придавало её страданию особый, кинематографичный шарм.

Услышав, что в замке поворачивается ключ, Вика быстро потушила сигарету и сделала большой глоток остывшего кофе. Маме незачем знать о её новой привычке.

В дверь комнаты постучали.

– Викуш, к тебе можно? – её мама всегда была очень тактична. А ещё мягка и немного наивна...

– Да, конечно, заходи...

– Как ты? Ездила сегодня в университет?

– Ездила. Сегодня были просто лекции, ничего особенного... – спокойно соврала Вика.

– Как твоё настроение? – вопрос был задан аккуратно, из-

далека.

– Уже лучше... Не переживай за меня.

В первые дни Вике было сложно скрывать своё состояние и она, не вдаваясь в подробности, сообщила маме о том, что они с Никитой расстались. Мама, будучи крайне деликатной, лишних вопросов задавать не стала, но в последующем по-своему старалась оказать дочери свою поддержку.

– Я купила тебе молодёжных журналов. Подумала, возможно, тебе будет интересно скоротать за ними вечер... – мама робко положила на Викин стол стопку прессы.

– Ты скупил весь киоск? – улыбнулась Вика.

– Не весь. Только те издания, что созданы специально для молодых девушек...

– Мам, спасибо тебе большое за заботу. Но сейчас молодые девушки всю необходимую им информацию находят в интернете...

На мамином лице застыла глупая улыбка. Она выглядела настолько растерянной, что Вике вдруг стало стыдно...

– Хотя, вообще-то я с удовольствием их читаю, спасибо... – она легонько чмокнула маму в щёку.

Мама заметно расслабилась.

– Ты кушала? Что тебе приготовить?

– Кушала. В столовой. Ела пиццу. Так что пока я не голодна. – отвечая на подобные вопросы, Вика всегда предпочитала маленькую ложь.

– Тогда я приготовлю котлеты. Вы любите их с папой. А

к ним что сделать? Пюре?

– Да. Пюре и котлеты. Отлично. – ответила Вика, думая под каким бы предлогом ей лечь пораньше спать.

2

В восемь часов Вика, сославшись на усталость, легла в кровать. Конечно, спать она не хотела. Но так она была свободна от тревожного маминого взгляда и от необходимости делать вид, что всё хорошо.

Вика лежала, свернувшись калачиком, и слушала размеренный стук часов.

"Он с ней..." – эта мысль пульсировала в её голове, больно отдавая в грудь.

Она вспоминала точёную фигуру той девушки, её красивое лицо, уверенный взгляд... Представляла, как она смеётся Никите в плечо, как он обнимает её за тонкую талию... Ревность и боль утраты, словно кислота, разъедали её душу... Но не только это терзало Вику.

В глубине души она понимала, что во многом виновата сама. Она навязывала себя и поэтому перестала быть желанной...

Вместо того, чтобы перекрывать кислород, ей нужно было заняться собой, своей внешностью, своим развитием. Она вцепилась в своего мужчину, как пиявка... Она требовала от него того, чего не требуют – нежности, верности, внима-

ния... Она убивала его желание на корню – своей назойливостью и своими упреками.

Она всё сделала неправильно. Кому понравится такая, как она, когда вокруг полно других – красивых, смеющихся, свободных?

Вика плакала уже больше часа, и вскоре поняла, что просто не может остановиться. Закрыв глаза, она начала медленно вдыхать и выдыхать воздух. Это помогло. По крайней мере непрерывный поток её слёз закончился...

Нет, больше нельзя себя так изводить... Ей нужно чем-то отвлечься.

Вика включила светильник и села в кровати. Желудок недовольно урчал.

Она должна съесть что-нибудь, хотя бы через силу...

Прихватив один из подаренных мамой журналов, она отправилась на кухню. Налила себе чай, сделала бутерброд и стала небрежно пролистывать страницы глянцевого издания.

Реклама, реклама, реклама...

Мастер-класс по нанесению макияжа "смоуки-айс".

Подборка упражнений на пресс в домашних условиях.

Киноафиша.

Психология взаимоотношений: "Женщины-кошки и женщины собаки: основные отличия."

Хм, интересно...

Вика откусила кусок бутерброда и принялась за чтение.

"Собака думает: "Хозяин заботится обо мне,

кормит, поит... Значит, он – мой бог". Кошка думает: "Хозяин заботится обо мне, кормит, поит... Значит, его бог – я!". Это высказывание знакомо многим. А ведь и правда! Давайте вспомним, как эти домашние любимцы встречают своих владельцев. Собака, стоит её хозяину вернуться домой, не скрывая радости, летит у нему навстречу, лижет руки и преданно виляет хвостом. Кошка же встречает своего хозяина намного более грациозно: подойдёт, ласково коснется в знак приветствия и плавно дефилирует обратно на диван.

Также и у женщины.

Одна, подобно собаке, только и ждёт, кому бы отдаться, причём без остатка.

Другая (и таких меньшинство) – целостна и независима, словно кошка.

Давайте рассмотрим основные отличия между женщиной-кошкой и женщиной-собакой.

1) Самооценка

У женщины-кошки высокая самооценка. Она королева по жизни.

А вот у женщины-собаки самооценка страдает. Она редко бывает довольна собой, отношением к себе окружающих и жизнью в целом.

2) Влюбчивость.

Кошка влюбляется либо крайне редко, либо вообще не влюбляется.

Собака, напротив, влюбчива до безобразия. Про таких обычно говорят: "Он всего лишь сказал, что у неё красивые глаза, а она уже мысленно вышла за него замуж и выбрала имена их общим детям".

3) Ревность.

Женщина-кошка почти не ревнует. Для этого у неё слишком высокая самооценка. Она не боится соперниц – у королевы их нет. А если мужчина всё же уходит, она либо не страдает вообще, либо недолго и неглубоко. Страдать она не любит. Она любит, когда ей хорошо.

Женщина-собака, как вы уже поняли, невероятно ревнива. Она маниакально боится потерять своего мужчину, а во всех более или менее привлекательных женщинах видит потенциальную угрозу.

4) Личная свобода

Женщина-кошка – самодостаточна и свобододолюбива. Это не означает, что она изменяет направо и налево. Но посягательств на своё личное пространство она не терпит.

А вот внутренний мир женщины-собаки обычно скучен: её интересы в основном сходятся на партнере. Поэтому свобода ей не нужна. Вместо того, чтоб развиваться и наслаждаться жизнью во всех её проявлениях, она мёртвой хваткой вгрызается в своего мужчину, часто душа его своей навязчивой преданностью.

5) Самопожертвование.

Женщина-кошка (как уже говорилось выше) плохого отношения терпеть не будут. И поэтому о жертвах с

её стороны не может быть и речи.

Женщина-собака же, напротив, готова терпеть и алкоголизм своего «возлюбленного», и оскорбления, и даже побои. Если она и уходит, то по истечению нескольких дней (а иногда часов) всё равно возвращается. Её решение разорвать отношения редко бывает истинным. Обычно это действие является показательным, направленным на то, чтоб партнёр раскаялся, попросил прощения, приласкал и позвал обратно.

б) Самоконтроль.

Женщина-кошка – живой человек. И, конечно, порой она может испытывать и обиду, и отчаяние. Но, в отличие от собаки, кошечка держит свои эмоции в узде, в любой ситуации сохраняя невозмутимость и достоинство.

Женщине-собаке держать себя в руках достаточно сложно. Её эмоции написаны у неё на лице. Она часто срывается – то на крик, то на слёзы. Из-за того, что её эмоции не поддаются никакому контролю, женщина-собака часто делает глупости, о которых в последствии жалеет. Только есть ли смысл в этих сожалениях, если в будущем подобные ситуации будут повторяться снова и снова?

7) Загадка

Кошка всегда хранит интригу, никогда не открываясь своему мужчине полностью, тем самым притягивая его еще больше.

А женщина-собака спустя «энное» количество

времени становится для своего мужчины прочитанной книгой...

Ну что, милые дамы? Узнали себя?

*Если узнали и результат Вам не понравился –
знайте: всё можно исправить!*

*Достаточно лишь приложить усилия и поработать
над собой.*

Желаем Вам удачи!!!

Вика застыла с журналом в руках. Она чувствовала себя так, словно сделала что-то постыдное, и её раскрыли. Или прошлась голая по коридору университета в разгар учебного дня.

Ну как такое может быть? Здесь все про неё...

Вика пару минут рассматривала цветочки на стене напротив. А потом вдруг поняла, что ужасно хочет есть...

3

– Привет, мам! Кофе будешь? – весело прощепетала Вика, ставя турку на огонь.

– Буду, дочь. Спасибо. Я смотрю, тебе уже лучше? – спросила мама.

– Да... Мне лучше. Я вот что подумала: я у себя одна. Надо себя беречь. И любить. – ответила дочь, разливая по кружкам ароматный напиток.

– Это правильные слова, Викуш... – с нескрываемым об-

легчением сказала мама, не подозревая, что за, казалось бы, простым высказыванием дочери кроется гораздо более грандиозный план.

4

Незамысловатая статья о «собаках» и «кошках» после первого же прочтения стала Викиной «Библией» – в ней она искала и советы, и ответы, и вдохновение. А статья гласила: *у «кошки» должна быть высокая самооценка.*

Вика была счастливой обладательницей выразительных карих глаз и пухлых чувственных губ. Но в то же время её нос был похож на картошку, по бокам джинсов не эстетично свисали жировые складки, а на коже лица, словно на Луне, зияли кратеры от заживших юношеских прыщей... Вика знала: мир видел много далёких от совершенства женщин, считающих себя королевами и внушающих это другим. Но это была не её история. Ей, чтобы чувствовать себя лучшей, нужно таковой быть. И Вика решила меняться.

Для начала она решила заняться фигурой. Благо, университетский тренажёрный зал был доступен по цене и в целом не так уж и плох. Да и мама, тихо радуясь тому, что дочь, вместо алкоголя и наркотиков, ударилась в ЗОЖ, поддержала её начинания и с энтузиазмом принялась за готовку овощных запеканок и паровых котлет.

Результат не заставил себя долго ждать, и вскоре её два-

дцатилетнее, благодарное тело действительно преобразилось. Вика была довольна. Но останавливаться не собиралась.

Однако, как выяснилось позднее, дальнейшая «прокачка» стоит денег. И причём не маленьких. Один только косметолог озвучил сумму, которую Вике не удалось бы скопить и за год... И она, вопреки сетующим причитаниям матери, перевелась на заочное и стала искать работу.

Подходящая вакансия подвернулась довольно быстро. Волею судьбы накануне вечером Вика увидела в интернете объявление, которое просто не могло остаться без её внимания...

"Тебе от 18 до 25, ты стройна и ухожена, быстро находишь общий язык с людьми и хочешь много зарабатывать, не выходя из дома? В таком случае работа web-моделью – это именно то, что тебе нужно! Не теряйся и регистрируйся!"

И Вика не растерялась.

Глава 3

1

День начался неплохо. Вика выпалась. Съездила в издательство на планёрку, где её в очередной раз похвалили и поставили в пример. Заплатили, правда, мало, но это было совсем не важно. Вика работала внештатным журналистом исключительно для мамы. Источник её денег был совсем другим...

Потом она сидела в роскошном педикюрном кабинете элитного салона красоты, попивая эспрессо. На самом деле Вика любила американо, но эспрессо был куда безопасней для её точёной фигуры, в которую было вложено столько труда. Мастер усердно трудилась над красотой её пяточек, а единственной задачей Вики был выбор подходящего цвета гель-лака.

Закончив процедуру, Вика подошла к стойке администратора, чтобы расплатиться, и увидела Таню. Они не виделись почти три года, с тех самых пор, как Таня перевелась на заочное.

– Вот это встреча... – сказала Вика.

Таня удивленно подняла глаза и через секунду расплылась в улыбке.

– О мой Бог... Неужели это ты? С ума сойти... – Таня вышла из-за стойки, тепло обняла свою бывшую однокурсницу и слегка отстранилась, рассматривая её. – Какая ты стала... красавица! Никуда не торопишься? Может посидим, поболтаем? Тут за углом есть отличная кондитерская.

– С удовольствием, Танюш. – машинально ответила Вика.

– Девочки, я на полчаса... – бросила Таня коллегам по стойке, и, накинув пальто, взяла Вику под руку и вышла из салона.

2

– Вот такие дела... Как-то не сложилось у меня с журналистикой. – Таня налила себе из стеклянного чайничка молочный улун и с аппетитом принялась за тирамису. – А в салоне мне комфортно, и коллектив хороший, и платят достойно. В общем, пока меня всё устраивает. На самом деле, мало кто из наших пошёл работать по профессии. В основном все по сферам услуг разбрелись. Никита – твой бывший – всё также машинами торгует, кстати... Если тебе интересно.

– Не, не интересно. – совершенно искренне ответила Вика.

– Я так и думала. В общем, Вик ты одна из немногих, кто, судя по всему, отучился не зря. Но ведь это не основной твой заработок, насколько я понимаю? Просто ты... очень «дорого» выглядишь. Или это кавалер? – Таня заговорщески улыб-

нулась.

– Нет, «ковалера» у меня нет. – Вика тоже налила себе чай и бросила в него кусочек лимона. – Но журналистика не приносит много денег, ты права. Я работаю web-моделью. – сказал Вика и ту же секунду об этом пожалела.

– Web-моделью? – подняла брови Таня. – Я слышала об этом... Ты общаешься с мужчинами через web-камеру? Я правильно понимаю?

– Правильно. – Вика аккуратно отхлебнула их кружки.

– Вот это да. И в чём же суть твоей работы? – интонация Таниного голоса продолжала оставаться непринуждённой, но Вика всё равно уловила в ней лёгкие нотки осуждения.

– В том, что я общаюсь с мужчинами через web-камеру за деньги. Ты всё правильно сказала. Знаешь, оказывается, в наше время даже общение имеет цену... Оплачивается каждая минута.

– А темы для общения...?

– Всевозможные. Часто приходится предлагать их самой, если, допустим, мужчина стеснителен. А таких немало, я тебе скажу... – Вика обворожительно улыбнулась.

– И какие темы ты предлагаешь?

– Разные. В зависимости от того, с кем общаюсь. От книжных новинок до его отношений с женой.

– А не бывает такого, что эти твои собеседники выходят за рамки? Очень глубоко сомневаюсь, что мужчины гото-

вы оплачивать каждую минуту разговора о книжных новинках... – Таня иронично усмехнулась.

– Если клиент переходит мои рамки – я его блокирую. – Вика понимала, к чему клонит её университетская подруга, но продолжала сохранять невозмутимую улыбку.

– А если попадётся псих? Начнёт тебя разыскивать, угрожать...

– Психов я блокирую. А разыскивать – вроде бы никто не разыскивал пока...

– Ну хорошо... А какие плюсы? Кроме денег, естественно. Ты получаешь удовлетворение от этого занятия? – не унималась подруга.

– Конечно получаю. Во-первых, я стала лучше разбираться в людях. Во-вторых, эта работа держит меня в тонусе. Для того, что работать web-моделью, я всегда должна быть в отличной форме, как физической, так и интеллектуальной. Я занимаюсь фитнесом, хожу к косметологу. Я много читаю, постоянно совершенствую свой английский. А общение с носителями языка, коими являются некоторые из моих клиентов, этому способствует. Во-третьих, я свободна. Я сама планирую своё время. Захочу, проработаю полдня без перерыва, захочу – вообще не выйду в чат. Я сама себе хозяйка. Тебе всё ещё мало? – Вика уверенно повторила слова, тысячу раз сказанные ею самой себе, и снова расплылась в улыбке.

– Вообще, звучит убедительно. Не буду больше тебя доставать. Самое главное, что ты счастлива. – сказала Таня.

– Я счастлива, Танюш. – ответила Вика.

2

Вика села в такси, где с облегчением, словно неудобные туфли, наконец-то скинула с лица улыбающуюся маску. Теперь её лицо выражало именно то, что она испытывала – досаду. Зачем она вообще решила поделиться с бывшей однокурсницей подробностями того, чем она сейчас занимается? Что на неё нашло?

Они не виделись почти три года. И, конечно же, разительные Викины перемены не могли не броситься Тане в глаза. Логично, что она стала задавать вопросы... Наверное, нужно было что-то соврать. Так было бы намного проще...

Ладно. В конце концов ничего особо страшного не случилось. Пусть думает себе, что хочет. А Вика будет жить так, как хочет она.

Расплатившись с таксистом, Вика вылезла из машины и вошла в подъезд серой, неприглядной «хрущёвки». Когда-то здесь жила её бабушка. А теперь вот она.

Вика вставила ключ в красивую, железную дверь, резко контрастирующую с окружающим её подъездом, и вошла внутрь. В квартире пахло духами, кофе и свежесделанным ремонтом. Вика перекроила здесь всё, превратив старую типовую советскую «однушку» в роскошную квартиру-студию. От бабушкиного убранства остался лишь краси-

вый, добротный, дореволюционный комод, служивший и памятью, и «винтажным» предметом интерьера одновременно.

Новый дом. Новое тело. Новая душа.

Её маленький носик, хоть и выглядел штампованно, но свою хозяйку теперь совершенно устраивал. Новая грудь доставляла ей не меньшее удовольствие, как, собственно, и всё её отражение в зеркале. Теперь она королева. Теперь ей не за чем ревновать, контролировать, обижаться и устраивать истерики. Теперь она женщина-кошка, больше всего на свете любящая, когда ей комфортно. Теперь она женщина-загадка, и мужчины это чувствуют. Она видит, что они это чувствуют.

Вика набрала себе горячую ванну, включила джакузи, и с наслаждением погрузилась в расслабляющее тепло.

Но в этот раз наслаждение было не полным. Маленький серый червячок сомнения начал ковырять её душу.

Иногда она, вкушая прелести своей новой жизни, его не чувствовала. Но это никогда не мешало ему дожидаться нужного момента и вставлять своё слово.

– То, чем ты занимаешься – мерзко. Ты не многим лучше проститутки. Остановись, пока не поздно. – зудел червячок.

– Прекрати. Почему психологов не называют проститутками? Я помогаю мужчинам справиться с проблемами посредством общения. Исключительно.

– Ха-ха-ха. Где ты видела психолога, оголяющего грудь перед своими пациентами? Много на себя берёшь, крошка... – злобно смеялся червячок.

– Да, я оголяю грудь. Но не всегда. Иногда получается ограничиться словами. А это не просто, скажу я тебе, подобрать ключик к каждому. Намного сложнее, чем раздвинуть ноги. Так что с падшими женщинами меня не сравнивай...

– Ну тогда позвони маме и расскажи ей наконец-то правду! Пусть она порадуетя за свою дочь, так искусно подбирающую ключики к ранимым душам неудовлетворённых мужиков... – не унимался оппонент.

Вика представила свою маму, гордо показывающую своим подружкам Викины статьи в газете. Наивная. Она и вправду думает, что журналисты много зарабатывают. Но как же она радуется её успехам... Нет, она ни за что не расскажет маме правду.

Она не поймёт. Она из другого поколения, её понимание жизни заострено, как фрагмент мамонта...

– Родители часто не понимают своих детей. Но это же не значит, что дети не правы? – упрямо парировала Вика.

– Можешь сколько рассказывать мне про конфликт поколений, Тургенев ты недоделанный! Но это не изменит ровным счётом ничего. Потому что я знаю правду. А я – это ты! Ха-ха-ха! – заливался червячок.

– Ты – не я. Ты жалкий кусок того, чем я была раньше! И скоро от тебя останутся только рожки да ножки! – Вика усилием воли подавила своего «приятеля», вылезла из ванной и принялась собираться в ресторан.

В популярном столичном ресторане «Bella pasta», как и всегда в пятничный вечер, не было свободных мест. За одним из столиков, концентрируя на себе мужские взгляды, сидела Вика и две её подруги – web-модели Яна и Алина.

– Ну что, кальян берём? – томно сказала Яна.

– Нет, от него голова болит... – нахмурила изящные брови Алина.

– Ох, ну и зануда же ты... – ответила ей подруга.

Девушки были похожи друг на друга, словно сёстры, хотя таковыми не являлись. У обеих были гладкие, длинные тёмные волосы, карие глаза, миловидные лица с курносими носами и стройные тела с вызывающе красивыми формами.

– А я, пожалуй, поддержу тебя, Янчик! – сказала Вика, внимательно рассматривая кальянное меню.

– Вишня с мятой пойдёт?

– Ты просто читаешь мои мысли... – улыбнулась Яна. – на молоке?

– На молоке. Молодой человек, позовите, пожалуйста, кальящика! – обратилась Вика к официанту. – и, будьте добры, ещё бутылочку "Dom Perignon"...

Учтиво улыбнувшись, официант кивнул и удалился.

– Ого... – присвистнула Алина. – Это уже наша четвёртая бутылка, ты в курсе?

– В курсе. Я, конечно, гуманитарий, но до четырёх считать умею... – усмехнулась Вика.

– Да я просто к тому, что в тебя обычно больше двух бокалов не влить. А тут разошлась... Да ещё и под кальян. Не похоже это на тебя, ЗОЖница ты наша...

– У меня сегодня cheat meal. И вообще, я устала... Хочу расслабиться...

– Имеешь полное право! – заметила Яна.

– У тебя всё в порядке? Какая-то ты сегодня... рассеянная что ли... И грустная. Или мне кажется? – поинтересовалась Алина.

– Всё хорошо. Просто напала хандра... Но шампанское с ней отлично справляется... – улыбнулась Вика и подняла запотевший бокал. – За нас.

– За нас! – хором ответили подруги и сделали по глотку игристого вина.

– Вик, тебе просто нужно влюбиться...

– Влюбиться? Это еще зачем?

– Как зачем? Ты вечно такая собранная, рассудительная... Неужели тебе не хочется впустить в свою жизнь немного безумства? – сверкая захмелевшими глазами, спросила Яна.

– Нет. Не хочется. – Вика сделала ещё один глоток. – Я не одинока. Периодически в моей жизни появляются мужчины, с которыми мне хорошо. Вы сами прекрасно об этом знаете. Но влюбляться я не намерена. К чему мне это? Чтоб потом страдать?

– Чтоб испытать эмоции! Чтоб потерять голову и забыть обо всём на свете... – воодушевилась Яна.

– Нет, Янчик, спасибо. Влюблённость – это иллюзия, порождающая лишнюю привязанность. Я выросла из этих штаншек. Мне они ни к чему.

– Это с какой стороны посмотреть... Ты же – вот сейчас – пьёшь шампанское, зная, что наутро будет похмелье? А почему пьёшь? Потому что СЕЙЧАС тебе хорошо. А это тоже важно. И, возможно, это «хорошо» стоит того, чтобы за него заплатить... – философски заметила Яна.

– Именно поэтому я пью только дорогое шампанское. И хорошо знаю свою меру. – Вика улыбнулась одной из своих фирменных улыбок, которая означала, что тема закрыта. – Ну хватит обо мне. О Варе что-нибудь известно?

– Ничего нового... Продолжает работать в своём борделе... Жалко её, конечно... – сказала Алина.

– Не нужно её жалеть. Она сама сделала свой выбор. – ответила Вика.

– Да, ты права, конечно. Но в любом случае, это всё очень грустно...

– К чему эта сердобольность? Думала бы лучше о себе... Мы и сами одной ногой стоим в этом болоте. – мрачно заметила Яна.

– Не сравнивай. Мы не проститутки! – всполошилась Алина.

– Нет, не проститутки. Но их близкие родственницы. – за-

смеялась Яна. – Вик, а с чего это вдруг ты стала интересоваться Вариной судьбой? Насколько я помню, ты всегда считала её глупой и никчёмной.

– Я до сих пор так считаю. – спокойно ответила Вика. – Она нужна мне по делу.

– По какому делу? – удивилась Алина.

– В газете дали задание взять интервью у одной из представительниц древнейшей профессии. Такая вот ирония. – улыбнулась Вика.

– Да. Забавно. – усмехнулась Яна. – Думаю, Варя должна согласится. Сейчас скину тебе её номер.

– Спасибо. Надеюсь, она не откажет. – ответила Вика. – А вот наш кальянщик! Будьте добры, приготовьте нам вишнево-мятный кальян на молоке!

Глава 4

1

Интервью прошло плодотворно. Варя, подогретая бокалом «виски-кола» была довольно разговорчива и щедра на подробности. Вика, в общем-то, была ей благодарна, но в очередной раз отметила про себя её ограниченность, «корявость» речи и не самый лучший внешний вид...

Вскоре Варя сказала, что ей нужно бежать, и упорхнула по одной только ей ведомым делам. Вика же, почувствовав голод, заказала салат и уже было собралась начать писать статью, но тут её взгляд упал на молодого человека, сидящего за соседним столиком.

По-мужски красивое лицо. Широкие плечи. Взгляд устремлён в одну точку. На столе – графин с коньяком, лимон и мотоциклетный шлем.

Это было совершенно не в её правилах, но Вика почувствовала жуткое желание к нему подойти. В конце концов, чем она рискует? Вряд ли он кого-то ждёт. Это видно по выражению его лица. А если он один, то вероятность того, что он откажет ей в знакомстве ничтожно мала. И совершенно не важно, свободен он или женат... Она слишком хорошо знает мужчин. Они полигамны и бессовестны, все до одного.

Он ни за что не устоит перед ней – безупречной, как Bentley Continental...

Тем не менее, Вика чувствовала робость и волнение. Очень приятное волнение.

Она собралась с духом, сделала глоток вина и подседа к нему за столик.

2

Спустя шестнадцать часов Вика лежала на смятой отельной кровати, явно ощущая давно забытое пощипывание в переносице – подступающие слёзы.

Чёрт. Откуда они?

Ладно, можно простить себе эту мимолетную слабость. Сейчас она поедет домой, примет ванну, закажет себе китайской еды, включит фильм и посмотрит на эту ситуацию уже с совершенно другой высоты. Она хорошо провела время. Она захотела этого сама. Захотела – получила. К чему эти лишние эмоции?

Тем не менее, выходя из отеля, Вика остановилась у барной стойки и обратилась с вопросом к знакомому ей управляющему:

– Молодой человек, могу я попросить вас о помощи?

– Всё, что пожелаете... – с улыбкой ответил вытирающий бокалы администратор.

– Перед тем, как заселить вашего гостя в номер, вы ведь

запрашиваете его личные данные?

– Безусловно... Всякое, конечно, бывает, но в целом мы стараемся поступать именно так.

– В таком случае, надеюсь, вы не откажете мне в услуге... – мягким, но не терпящим возражений, голосом сказала Вика, положив на стойку пятитысячную купюру. – Мне нужны фамилия, имя и отчество мужчины, полчаса назад выехавшего из двенадцатого номера.

Глава 5

1

Полный мужчина лет пятидесяти масляным взглядом смотрел на Вику с экрана монитора. Какой же он глупый, грубый и самодовольный... Просто отвратительный. И зачем она впустила его в приват?

– Покажи мне, как ты бреешься... – сказал толстяк, и его красное, круглое, как блин, лицо растянулось в самодовольной улыбке.

– Что? – переспросила Вика.

– Я хочу посмотреть, как ты бреешься. Ты же ведь бреешься? Отнеси ноутбук в ванную и покажи мне. Ведь приват для того и существует, чтобы исполнять прихоти клиентов. Я ведь деньги тебе плачу... Уже, кстати, почти три минуты прошло. А ты ещё не в ванной...

– Я не бреюсь. Я делаю эпиляцию воском. – как можно более мягко ответила Вика. Старательно подавляя нарастающее раздражение.

– Да какая к чёрту разница, чем ты удаляешь свои гребанные волосы! Ты что, правда меня не понимаешь?! – начал кипятиться толстяк. – Ты же актриса! Сделай вид!

– Не могу. У меня нет бритвы. – ответила Вика.

Конечно, бритва была. Конечно, Вика могла удовлетворить эту просьбу, тем более что это желание было далеко не самым странным из тех, что ей пришлось выполнять. Однако, то ли толстяк был слишком ей неприятен, то ли она просто устала и была не в духе, но Вика твёрдо решила, что не станет ему подыгрывать. Не станет и всё. И будь, что будет.

– Значит возьми нож.

– Я не буду брать нож. – ледяным тоном сказала Вика, почувствовав, как от принятого решения по её сознанию балзамом разлилось спокойствие.

– Ты охренела?! Я деньги тебе плачу, шалава! – заорал толстяк, и Вике показалось, что он сейчас взорвётся от злости. – А, я, кажется, понял. Ты специально время тянешь... Хитрая сучка!

– Да нет. Я сама тебе готова заплатить, чтоб посмотреть, как ты ножом срезаешь жир со своего омерзительного тела. – громко засмеялась Вика.

– Что ты сказал, дрянь?! А ну повтори! – зарычал мужик.

– Ты всё слышал, урод. Ты тупой, толстый и мерзкий. До такой степени, что тебе даже такая падшая женщина, как я, никогда и ничего не покажет. – Вика с невероятным запалом выливала на толстяка всю злость, которая скопилась в ней за три года работы.

– Я тебя найду!!! Слышишь, сучка?! Сейчас я тебя сфотографирую! – сглупил толстяк, достал телефон и стал толстыми пальцами набирать пароль.

– Спасибо, что предупредил. – снова засмеялась Вика и быстро закрыла камеру рукой. – Какой же ты тупой! Пока, жирдяй!

Вика прервала чат, с остервенением швырнула толстяка в «чёрный список», после чего подумала несколько секунд и уверенной рукой деактивировала свой профиль.

Потом открыла социальную сеть и набрала в строке поиска фамилию, имя и отчество, больше суток дробью звучащие в её голове.

Часть 4. Завтрак с шампанским

Глава 1

1

Со дня моего собеседования прошло два месяца. Два месяца я работала иллюстратором детских книг и каждый день своей работы осознавала совершенно ясно: мне несказанно повезло.

Во-первых, везением уже был тот факт, что я получила это место: в творческой сфере всегда была жуткая конкуренция, а мои счастливые звезды чудесным образом сошлись в одной точке: и знакомство Романа с Полиной, и то, что компания нуждалась в постоянном сотруднике, и то, что мои работы пришлись директору по душе...

Во-вторых, меня определённо радовала атмосфера в коллективе. Здесь все работали в удовольствие. Даже в моменты аврала, когда приходилось задерживаться до поздней ночи, обстановка продолжала оставаться непринужденной, почти семейной. Здесь все любили свое дело и отдавались ему всей душой. Роман же, уж не знаю, плохо это или хорошо,

со всеми вёл себя, как друг, напрочь стирая между собой и своими сотрудниками всю субординацию. Тем не менее его уважали. И как начальника, и как человека. А работающие в издательстве девушки, хоть и распускали перед ним хвосты, но границ не переходили и про работу не забывали.

Безусловно, поначалу я испытывала определенные сложности. Безусловно, моя новая зарплата, была порядком меньше той, что я получала до этого. Но я была счастлива от того, что занимаюсь любимым делом и от того, что мои работы могут прикоснуться к чьей-то душе...

Да, рисование действительно наполняло мою жизнь радостью и смыслом.

Но порой на меня нападала хандра. В такие дни я чувствовала себя одинокой, никому не нужной... и неполноценной... В такие дни мне хотелось только одного – залезть под одеяло и свернуться там калачиком...

Именно на такой день выпал мой первый корпоратив на новой работе.

Отмечали двадцатилетие компании. Ресторан был шикарным, поздравительные речи лились рекой, впрочем, как и дорогое шампанское. Мои коллеги веселились от души, а я никак не могла заставить себя разделить их веселье.

Надо сказать, я ненавижу врать. И артистическими способностями тоже никогда не обладала. Но в той ситуации почему-то решила, что самый простой способ уйти без лишних

расспросов – разыграть небольшую сцену.

Я сделала вид, что у меня звонит телефон и, приложив его к уху, вышла в холл, надеясь, что там никого нет. И, совершенно неожиданно для себя, увидела стоящего там Романа...

– Я скоро приеду, не плачь, пожалуйста... – сказала я своему вымышленному собеседнику первое, что пришло на ум.

Роман смотрел на меня в упор.

– Потерпи чуть-чуть... Давай, вызываю такси... – я с облегчением закончила свой «диалог» и посмотрела на своего директора.

– У тебя всё хорошо? – спросил он.

– У меня да. Но вот у подруги разыгралась драма...

– У Полины?

– Нет, нет... Не у неё. У другой. Она застала мужа с любовницей, представляешь? Я должна ехать, не могу оставить её в таком состоянии... – врать было ужасно непривычно, но я заварила кашу, и должна была её расхлёбывать.

– Жуткая ситуация. А почему твоя подруга позвонила на мой мобильный, позволь узнать? – глаза Романа улыбались.

Я посмотрела на телефон у себя в руке. Он был в точности таким же, как и мой. Только на заставке рабочего стола был не осенний пейзаж, а фотография маленькой девочки – дочери Романа. И я вспомнила, как он, подходя к нашему столику, положил свой телефон рядом с моим... Меня прошиб холодный пот...

– Простите... – только и смогла вымолвить я и отдала телефон ему в руки.

Роман хотел мне сказать что-то ещё, но тут из зала ресторана вышел один из моих коллег.

– Роман Владимирович! Рита! Что же вы тут стоите? Сейчас наш бухгалтер, Альбина Эдуардовна, будет исполнять танец живота! Вы вообще знали, что она занимается восточными танцами? – спросил он не самым трезвым голосом, приобняв нас за плечи.

– Seriously? Ни за что не пропущу этого зрелища! А вот Рите не повезло – Рите нужно помочь подруге... – иронично ответил мой начальник.

– Да, мне нужно бежать... – окончательно сконфузившись, ответила я.

– Очень жаль, Рит... Но дружба – это, как говорится, святое! – коллега похлопал меня по плечу и неровной походкой направился в сторону туалета.

Я боялась посмотреть своему начальнику в глаза...

– Подожди здесь. – сказал Роман и ушёл в банкетный зал.

Вернулся он через несколько секунд, которые показались мне вечностью...

– Да вы прирождённая актриса, Маргарита Сергеевна! Как говорится, талантливый человек талантлив во всем! – Роман взял меня за руку и вложил в ладонь мой телефон.

Я молчала. Я просто не знала, что сказать.

– Да не смущайся ты так. – улыбнулся он. – Ты реши-

ла уйти от наскучивших тебе коллег, не привлекая к себе особого внимания. Я тебя понимаю в какой-то степени. Но, чёрт возьми, Рит, надо быть внимательней! Ладно, я никому не расскажу о нашем маленьком секрете. Но за тобой будет должок! – последнее слова Роман сказал с интонацией Чуда-Юда, высовывающего руку из колодца во всем известном детском фильме, и я невольно рассмеялась.

– И что от меня потребуется? – с облегчением спросила я.

– Этого я ещё не придумал. Как придумаю – дам тебе знать! Пока, Маргарита! – сказал мой начальник и ушёл смотреть восточные танцы нашего бухгалтера.

2

Меня разбудило солнце. В голове сразу всплыли события вчерашнего корпоратива. И надо же было попасть в такую глупую ситуацию... Конечно, мне повезло, и для коллег я осталась неразоблаченной. Но в глазах Романа теперь я выглядела полной дурой. Дурой и лгуньей. Ну неужели нельзя было сослаться на головную боль или найти другую, менее рискованную отговорку? Я злилась сама на себя. Но хандру, на удивление, как рукой сняло.

После завтрака я честно пыталась сосредоточиться на новой иллюстрации, но роящиеся в голове мысли так и не дали мне этого сделать.

Тут зазвонил телефон. Надпись, высветившаяся на экра-

не мобильного, несколько удивила меня – “Роман Издательство”.

– Алло... – ответила я.

– Доброе утро, Маргарита. Чем занимаешься?

– Доброе утро, Роман. Пытаюсь рисовать.

– Это очень похвально. Как подруга? – засмеялся он. –

Ладно, прости, не смог удержаться...

– У вас феноменальное чувство юмора... – я сделала вид, что обиделась. Хотя на самом деле, мне было радостно от того, что он шутит на эту тему, а не замалчивает её. Ведь любая неприятная ситуация, если над ней посмеяться, становится просто забавным случаем.

– Ладно тебе, не обижайся... Какие у тебя планы на сегодня?

– Да вроде бы никаких...

– Отлично. Я, кажется, придумал, каким образом ты можешь со мной расплатиться. Будь готова к 12. Я за тобой заеду.

– Хорошо. Я сама уже жду-не дождусь, когда сниму с себя тяжкий крест своего долга... – съехидничала я.

– У меня просьба: оденься, пожалуйста, во что-нибудь удобное.

– Вы что, хотите заставить меня бежать кросс?!

– Чуть позже ты всё узнаешь. Диктуй адрес.

– Хорошо. Записывайте.

– Роман, а Вы часом не маньяк-насильник? – сказала я, глядя как наша машина уезжает все дальше и дальше от города.

– Он самый. Вот, еду закапывать очередной труп. Дело хлопотное, сама понимаешь. И поэтому я решил делегировать его на тебя. Будет очень символично: так сказать, зароем твою тайну в могилу! – засмеялся мой шеф.

– Да вы сегодня в ударе, Роман Владимирович... – улыбнулась я.

– Действительно, у меня сегодня шикарное настроение с самого утра... – усмехнулся он. – И давай уже на “ты”. И на работе, и вне её. Твоё “Роман Владимирович” звучит, как издевательство...

– Хорошо, как скажешь. Так зачем нам в лес?

– Нужно сделать одно дело. Доброе дело. – его лицо стало серьёзным. – Но, если ты не захочешь, можешь мне не помогать. Просто побудь со мной для компании, этого будет достаточно.

– Говори уже, не томи...

– Когда я был ребёнком, в садах недалеко отсюда у моих бабушки и дедушки был небольшой дачный домик. Я часто бывал здесь, и, по большому счёту, именно с этим местом связаны мои самые яркие воспоминания моего раннего дет-

ства. Помню, как мы ходили с дедом за грибами, как давали им имена, помню, как я ждал привала, чтоб пообедать бабушкиными лепёшками... А ещё дед брал меня с собой на рыбалку. Мы уходили с вечера и ночевали в палатке. Перед сном пекарили картошку, болтали. Я чувствовал себя взрослым, важным и счастливым. Рыбалка с дедом – одно из лучших воспоминаний моей жизни. Я очень благодарен ему за это... – на его лице заиграла светлая грусть воспоминаний. – Потом дед умер, за ним умерла и бабушка. Дачу продали, повода посещать это место больше не было. Но тут, пару недель назад, что-то нахлынуло на меня, и я решил приехать к этой реке, к моему детству в гости, так сказать. А там... Слов нет, Рит... Ну, собственно, мы и приехали. Сейчас сама все увидишь.

Я вышла из машины и огляделась.

Небольшое тихое озеро. На высоком берегу расположился густой сосновый лес. Водная гладь отражала голубое небо и зеленые сосны. На отмели стояла чья-то старая заброшенная лодка. Не место, а картина маслом. Портило его одно – груды мусора, оставшиеся с чьих-то шашлыков и пикников...

– Вот такие дела, Рит...

– Да, грустно все это... Ты хочешь, чтобы мы здесь убрались?

– Да, мне важно, чтобы здесь все было, как раньше. Ты можешь мне помочь. Только, как я уже говорил, если сама этого хочешь...

– Давай уже тащи свои пакеты, перчатки, или что там у тебя есть? Только не говори мне, что ты не взял перчатки! – с улыбкой сказала я.

4

Через пару часов я уже сидела на раскладном стульчике, согревая руки кружкой с мятным чаем. Пакеты с мусором лежали в пикапе Романа, который, раздевшись до футболки, разжигал костёр рядом со мной. Я любовалась красотой природы вокруг нас, наслаждалась чистым, прозрачным, воздухом, последним сентябрьским солнышком и... присутствием этого мужчины. Мне было хорошо.

В этот день мы жарили на палочках хлеб, пекарили картошку, смеялись и разговаривали обо всем на свете. Я рассказывала о себе и с упоением слушала его. Я хотела знать о нем все. А он обо мне – я это чувствовала.

Он много говорил о дочери.

Девочку звали Соня. Он рассказывал, какая она смешная, какие забавные вещи порой слетают с её детских уст, и в его голосе чувствовалась любовь.

Он был откровенен со мной. А мне хотелось ответить ему взаимностью. И я рассказала ему всё. Всё, что произошло в моей жизни за последние месяцы, всё, что творилось в моей душе. Я впервые проговорила всё вслух. И, видимо, поэтому разрыдалась... Я плакала, как ребёнок, которому просто-на-

просто хотелось, чтоб его пожалели.

Роман обнял меня за плечи и сидел со мной так, пока я не выплакала всё до последней капли.

– Всё хорошо. Ты умница. – сказал он.

– Почему умница?

– Ну, у меня есть как минимум две причины так считать.

Во-первых, потому что начала менять свою жизнь.

– Меня, знаешь ли, особо не спрашивали...

– Я не об этом. Я про то, что ты почувствовала пустоту и решила всё изменить. Люди часто замечают, что их жизнь пуста, но продолжают бежать по ней, словно белки в колесе. Потому что им так привычно. А вот разбить своё колесо могут лишь единицы.

– Мне было не трудно разбить колесо. Трудно было в нём оставаться... А во-вторых?

– А во-вторых, ты нашла гармонию в себе. Не каждый способен её найти. И поэтому ты молодец.

Уже давно стемнело. Нужно было уезжать. Время утекало, как песок сквозь пальцы, а мне так хотелось, чтобы оно остановилось... Хотелось смотреть на его лицо, освещенное пламенем костра, на его сильные руки... Разговаривать, улыбаться друг другу глазами, жарить на палочках хлеб... Я была готова даже снова собирать пустые бутылки в мусорные пакеты. Да всё что угодно, лишь бы рядом с ним.

Глава 2

1

Влюблённость. Боже, как давно я не испытывала этого чувства... Очень давно. Точнее сказать со школы.

Тогда, при виде Миши у меня скручивало живот, холодели руки, и я становилась дура-дурой... Но при малейшем проявлении внимания с его стороны за моей спиной словно вырастали крылья...

Позднее, после его отъезда, мне больше не доводилось испытывать подобных чувств. С Андреем мне было хорошо, тепло, надёжно. Его внимание – красивого, умного, успешного, – жутко мне льстило. Потом появилась привязанность. Андрей стал мне близким, и я спокойно жила с ним, ничего не ища, и прожила бы ещё долгие годы, не случись того, что случилось... Я твердо была уверена в том, что ТА влюбленность – была лишь проявлением возраста, и просто не может повториться.

Но жизнь непредсказуема. И вот, как когда-то в школе, я влюбилась... Я была переполнена ощущениями, и даже до ужаса заезженная метафора про бабочек в животе превратилась из приторной в тонкую и правдивую.

Я честно пыталась сосредоточиться на новой иллюстра-

ции, но руки, словно принадлежа школьнице, а не взрослой женщине, старательно выводили на альбомном листе: «Ро-ма...»

Я рассмеялась над собой... Но мне не хотелось винить себя за наивность и легкомысленность, не хотелось запрещать себе мечтать. Мне хотелось наслаждаться этим прекрасным моментом, который был самым воплощением гармонии и счастья. Теперь я слишком хорошо знала, насколько он ценен. Я бросила карандаш, увалилась на кровать, обняла подушку и уставившись в потолок с блаженной улыбкой на лице предалась мечтам.

«Пилип-пилип», – вдруг запищал мой телефон, сигнализируя о том, что на Viber пришло новое сообщение.

Это был ОН...

Роман: *Доброе утро, Маргарита! Как спалось?*

О Боже... Да! Да! Да! Моё сознание ликовало.

Я: *Доброе утро! Спалось великолепно. Всю ночь снились пустые бутылки из-под алкоголя. К чему бы это? #*

Роман: *Хм... Кажется, я знаю ответ на этот вопрос... Ты уже завтракала?*

Конечно, я завтракала. На часах уже 9.30, а проснулась я в 7. Но внезапно нарисованная моим воображением картина – я и он, завернувшись в тёплые пледы, завтракаем на залитой солнцем террасе какого-нибудь кафе – была слишком заманчива...

Я: Нет, еще не успела... Валяюсь.#

Роман: Ну тогда может позавтракаем вместе? Я знаю одно место, там на завтрак подают шампанское... Получится сон в руку, так сказать... #

Я: Начать день с глотка игристого? Великолечно! Скажу тебе по секрету, я частенько это практикую. Ты разве не замечал, как горят мои глаза на работе по утрам? #...

Роман: ХА.ХА.ХА. Ну к твоему сведению, Людовик IV и его последователи частенько начинали день именно так...

Роман: И Пушкин приглашал своих друзей во французский ресторан «Талон» именно на завтрак с шампанским!

Роман: А Уинстон Черчилль К моменту его пробуждения – в 11 часов – дворецкий уже держал наготове его любимые 0,57...

Я: Ну-ну. Какие ещё аргументы найдутся у Google, чтоб оправдать твоё утреннее желание выпить? #

Роман: Это я ещё не успел написать про антиоксиданты и снижение артериального давления!

Роман: А вообще... Не хочешь – как хочешь!

Я: Ладно, ладно... Так и быть. В качестве исключения из правил составлю тебе компанию. А то пить с утра, да ещё одному, совсем уж как-то некрасиво... #

Роман: Спасибо тебе, Ритуль... Ты настоящий друг. Не дала скатиться по наклонной. #

Роман: А если без шуток, я искренне надеялся, что

тебе понравится моё предложение. Но если оно тебя смущает, мы можем позавтракать в другом месте. Пить совсем не обязательно.

Я: Всё, поздно. Моя душа уже растравлена. Я очень впечатлительная, ты не знал? #

Я: Идём туда, где завтракают с шампанским! И точка. Пиши адрес. #

2

Это был безумно счастливый день. И я помню его по часам. До сих пор.

Завтрак с шампанским медленно перерастал в обед с вином, а мы всё никак не могли наговориться. Я, словно свечка, таяла в его сумасшедшем обаянии. И при этом я чувствовала такую лёгкость, почти невесомость. Мне не нужно было притворяться кем-то, казаться лучше... Я была собой. Но чувствовала себя самой красивой, самой смешной, самой лучшей на свете... А в голове постоянным лейтмотивом билась простая мысль: «Боже, как мне хорошо, как я счастлива...»

После обеда мы гуляли по городу, фотографировались, катались на сегвеях. И смеялись, смеялись, смеялись, опьянённые алкоголем, солнечным светом и друг другом...

Потом было кино. Один из тех незамысловатых фильмов ужаса, козырем которых является не затейливый сюжет, а жуткая рожа, со страшным криком выскакивающая из ниот-

куда. Но какое значение мог иметь сюжет, если каждый раз, «пугаясь», я могла утыкаться носом ему в плечо?

Выйдя на улицу, мы наткнулись на плотную пелену дождя. Казалось, небо прорвало, и оно с облечением скинуло с себя тяжелейший груз. Капли бешено и радостно колотили о землю, и я почему-то подумала о том, что в точности такой же, маленький, но мощный ливень сейчас идёт в моей душе.

Люди столпились под козырьком у входа кинотеатра. Кто-то, ожидая, что дождь хоть немного стихнет, курил; кто-то, не желая тратить время, раскрывал зонт и отчаянно бросался в бешенный поток; кто-то звонил в такси...

– Ну что, по домам? Уже поздно, завтра на работу... – пытаюсь казаться непринуждённой, сказала я.

Конечно, мне не хотелось домой. Но я просто не могла допустить того, чтобы эти слова сказал он...

– Да, сейчас вызову такси. – казалось, Роман был слегка расстроен, но особо виду не показывал.

Радовало одно – в городе был коллапс, и такси просто физически не могло приехать быстро.

Мы стояли на ступеньках. Роман обнял меня сзади, положив подбородок мне на голову. Я с наслаждением закрыла глаза. Я чувствовала его запах, его тепло, слушала дождь, в который раз желая остановить эту планету...

К моменту приезда такси дождь не отступил, и крупные капли свирепо били по стеклам и крыше автомобиля. Таксист явно был не доволен и тихо ворчал, злясь на погоду. Я

же благодарила за неё Бога, и чувствовала себя невероятно уютно, сидя в сухой и тёплой машине под мощным холодным потоком воды.

Мы держались за руки. Я положила голову Роману на плечо, и он нежно погладил меня по волосам. А потом осторожно повернул моё лицо к себе и поцеловал.

Да, я до сих пор могу восстановить этот день по часам. Но та дорога почему-то всплывает в моём сознании как какой-то короткий, смазанный сон. Я не помню порядок действий и слов, помню лишь чувство – сильное, но очень приятное головокружение, затягивающее меня в воронку.

Когда мы подъехали к дому, дождя уже не было. Увидев свой подъезд, я словно проснулась.

– Приехали, – сказал таксист.

– Подождите, пожалуйста, я сейчас девушку провожу, и мы поедem дальше... – сказал Роман, и подал мне руку, помогая выйти из машины.

– Может быть поднимешься? – тихо сказала я, стоя у подъезда.

– Что? – удивлённо переспросил он, то ли правда не услышав моих слов, то ли просто от неожиданности.

– Может быть в гости зайдёшь, говорю... – ответила я и смущённо уткнулась ему в грудь. – Не хочу тебя отпускать...

– Знала бы ты, как я не хочу... отпускаться... – Роман очаровательно улыбнулся, поцеловал меня в лоб и пошёл расплатиться с таксистом.

Глава 2

1

Я правда всё понимаю. И тогда понимала тоже: влюблённость – это выброс окситоцина, спровоцированный иллюзией. И что скорее всего мой Рома – совсем не такой, каким я его себе придумала. И что рано или поздно должно что-то вылезти, ну не может всё быть ТАК хорошо! Но тем не менее, шло время (хотя нет, оно не шло, оно бежало, утекало как песок сквозь пальцы) – недели, месяцы, а расхождения между вымыслом и реальностью так и не произошло... Разве что в совершенных мелочах. И, вопреки всему скепсису этого мира, я чётко чувствовала, что нашла её – свою родную душу. И моя родная душу ни разу не позволила мне в этом усомниться.

Наши отношения развивались стремительно. Но почему-то у меня ни разу не возникло ощущения, что мы торопимся. Я абсолютно отчётливо осознавала, что не хочу терять ни дня на пустое кокетство и с головой погрузилась в этот сладкий омут.

Первые дни после нашего "завтрака с шампанским" мы продолжали работать вместе. Судя по всему, моё светящееся от счастья лицо было видно за километр, так как колле-

ги очень скоро начали задавать мне соответствующие вопросы. Да ещё и мой сумасшедший начальник, видимо, абсолютно не боясь за свою репутацию и мою работоспособность, вместо того, чтоб заниматься делом, написывал мне сообщения, от которых на моём лице появлялась глупая улыбка. Просто хорошим настроением мне было уже не оправдаться, и я призналась, что влюбилась. А на вопросы «Кто такой?», «Как зовут?», «Где познакомились?» загадочно отвечала: «Пока не скажу, боюсь сглазить...».

Работать толком не получалось. И взвесив все «за» и «против», я решила, что буду рисовать удалённо. Рома, хоть и не был в восторге, но с рациональностью данного решения поспорить не мог. И вскоре я без долгих колебаний покинула офис, сразу почувствовав, что начала дышать полной грудью.

А наши отношения продолжали набирать обороты. И не смотря на разные места дислокации, видеться мы продолжали почти каждый день.

Мы могли говорить часами. Мы обсуждали всё на свете, начиная с друг друга и заканчивая загадкой эмиграции леммингов и методами нейролингвистического программирования. Роман был умён, начитан, и мне казалось, что он разбирается во всем на свете. Он видел прекрасное в обыденном и учил этому меня.

Прекрасной была для него и я. Не видимость, не образ, созданный для других людей, а именно Я. Я нравилась ему

такой, какая я есть – со всеми плюсами и минусами. Мне не нужно было постоянно держать планку, соответствуя ему. Но как-то само собой получалось, что рядом с ним я становилась лучше – спокойнее, мудрее, красивее.

Нам нравилось вместе танцевать, и это были самые потрясающие танцы в моей жизни. Нравилось вместе петь свои любимые песни, которые оказались одними и теми же. А ещё мы много смеялись. Порой над полнейшими глупостями. И между нами образовывалось пространство, принадлежащее только нам двоим...

Глава 3

– Сонечка, иди ко мне... У нас к тебе предложение: поехали парк! Покатаемся на осьминожках, вату поедим... – сказал Рома вцепившейся в игрушечного тигрёнка дочери.

– Мы пойдём вдвоём? – спросила Соня, исподлобья глядя на отца.

– Мы можем пойти и вдвоём, но Рита очень хочет пойти с нами. Она тоже мечтает прокатиться, но одной ей страшно...

– Rrrrrrrrrr... – прорычала Соня от лица сидевшего на её руках тигрёнка. – Я не против. Но Шерхан не хочет с ней идти. Ничего не могу с ним поделать...

Я стояла в дверях и глотала ком в горле, совершенно теряясь перед этим ребёнком. С её отцом мы были вместе уже семь счастливейших месяцев, но на наше с Соней знакомство он решился лишь месяц назад.

Честно сказать, я была готова к нему и раньше. Причиной тому была и огромная любовь к человеку, находившему рядом, и мой нереализованный материнский инстинкт... Я с чистой душой мечтала о том, что мы полюбим друг друга и представляла нас одной семьёй. Но на деле все оказалось намного сложнее. Соня жутко ревновала, что, впрочем, было вполне объяснимо. И если поначалу я была полна энтузиазма и идей по налаживанию отношений, то после месяца безуспешных попыток начала постепенно никнуть...

А однажды Рома попросил меня забрать Соню из садика.

– Рит, выручай. Мне действительно больше некого попросить... Няня загремела в больницу с аппендицитом. Моя мама – за городом, она чисто физически не сможет приехать ко времени... Брат в командировке. А у меня через час встреча с оптовиками – перенести возможности нет, люди прилетели из другого города...

– Ром, я всё понимаю. Но если она со мной не пойдёт? К тому же, насколько мне известно, не может чужой человек вот так вот запросто прийти и забрать ребёнка из детского сада...

– Я предупрежу воспитателя и скину ей копию твоего паспорта. А Соня не так уж плохо к тебе и относится. Она просто вредничает. Поверь мне, если бы было иначе, я бы ни за что тебя не попросил...

– Да? Хотелось бы верить...

– Всё будет хорошо. Я даже думаю, что без меня она будет более дружелюбной... Не переживай. Если что звони – я буду на связи.

– А куда мне её везти? К себе?

– Да, езжайте к тебе. А я как освобожусь – сразу к вам примчусь.

– Хорошо... Я попробую... – сказала я и представила, как недовольно будет качать головой воспитательница детского сада, когда Соня наотрез откажется уходить со мной...

Но всё сложилось иначе.

Войдя в группу, я увидела рыдающую Соню, которая сквозь слезы что-то объясняла воспитателю. Рядом стояла ещё одна девочка и тоже плакала, но тише. Воспитательница стояла ко мне спиной, девочки тоже не замечали моего присутствия, и у меня было несколько секунд, чтобы понаблюдать за происходящим.

– Соня! Драться – нехорошо! А ну-ка извинись перед Златой!

– Но ведь она... – от плача Соне не хватало воздуха. – Она сказала, что я вру! А я не вру! Моя мама – космонавт! Она улетела на небо!

– Врешь! Ты врушка! И ещё дерёшься! Я все расскажу своей маме! И она заступится за меня! А за тебя никто не заступится! – провизжала вторая девочка.

Моё сердце сжалось от жалости... Я сделала шаг вперёд.

– Здравствуйте! Меня зовут Маргарита. Я за Соней. Что здесь происходит?

– Здравсьте, здрасьте... – сказала воспитательница, измерив меня оценивающим взглядом. – Да, Роман Владимирович меня предупредил. А происходит вот что: Соня ударила Злату. Потому что та ей не поверила, что её мама – космонавт...

– Злат, а почему ты не веришь Соне? Она не врет. Её мама действительно улетела в космос. – сказала я.

Девочки перестали хныкать, а воспитательница удивлён-

но подняла брови.

– Правда? – спросила Злата.

– Правда.

– А вы кто такая?

– А я – Сонина подружка. Меня зовут Рита.

– Взрослая подружка?

– Совершенно верно. Я нахожусь рядом с ней, пока её мама далеко. Я тоже очень люблю Сонечку, и всегда буду её защищать.

– Моя мама тоже всегда меня защищает... А ещё она лечит животных. А вы кем работаете?

– Я рисую картинки для детских книжек.

– Для детских книжек? А можно их посмотреть?

– Конечно можно. Эти книжки есть у меня дома. Я дам одну из них Соне, но сначала вам нужно помириться.

– Но она меня стукнула! – сказала Злата и снова нахмурила брови.

– Сонь, Злата тебе верит. Попроси, пожалуйста, у неё прощения. Ты же добрая девочка и не желаешь никому зла.

Честно говоря, я не была уверена в том, что мои слова на что-то повлияют и ждала обратной реакции. Но абсолютно неожиданно для меня Соня ко мне прислушалась.

– Извини меня... – тихо сказала она.

– И ты меня извини. Теперь я тебе верю. Раз твоя взрослая подружка тоже так говорит. Взрослые же не будут выдумывать...

– А куда мы сейчас? И почему меня забираешь ты? – спросила Соня, когда мы вышли за ворота детского сада.

– Дело в том, что твоя няня заболела... Мы сейчас поедem ко мне, а вечером папа тебя заберёт. Ты ведь не против?

– Не против... – спокойно ответила Соня. – А ты далеко живёшь?

"Слава Богу..." – пронеслось в моей голове, и я наконец-то выдохнула.

– Нет. Совсем рядом. Мы сможем дойти пешком...

Соня выглядела потерянной и грустной. Мне хотелось как-то подбодрить её, и я купила ей большой рожок мороженого.

– Дома покушаешь? Или, если хочешь, можем посидеть на лавочке или пойти на качели... Смотри, какое солнышко на улице. – как можно веселее сказала я.

– Давай посидим на лавочке.

Мы сели. Соня молча кушала, а я не прерывала её молчания, думая о своём. Я вспоминала свой апрель прошлого года. Вспоминала, как я также сидела около на лавке около дома, разбитая и мечтающая заполнить свою пустоту...

– Рит... – вдруг сказала Соня.

– Да, Сонь?

– Спасибо... За морожку...

– Не за что, кушай на здоровье...

– А ещё за то, что сказала им про маму... – и её подбоченочек немного задрожал, выдавая подступающие к глазам слёзки.

– Ну тише, тише, малыш... – я легонько погладила девочку по голове.

– Я знаю, что мама умерла. Но папа говорит, что она улетила на небо и смотрит оттуда на меня. Смотрит, и радуется, когда у меня получается красивый рисунок, когда я хорошо себя веду... И поэтому я придумала, что она – космонавт. А Злата рассказывала сегодня про свою маму – она у неё ветеринар. И мне захотелось... – по Сониным щёчкам потекли тоненькие струйки.

– Я понимаю, милая. А папа прав. Твоя мама действительно тебя видит...

– Я тоже думаю, что мой папа не будет врать. А ты не расскажешь ему о том, что я подралась?

– Конечно, нет.

– Это хорошо. Я не хочу, чтобы папа расстраивался. – Соня вытерла слёзки кулачками.

– Тогда решено: папе ни слова.

– Да, решено. – сказала Соня и наконец-то улыбнулась.

Придя домой, мы принялись разбирать мои старые детские книжки, попутно рассматривая их и читая. Соня задавала много вопросов, а также рассказывала мне что-то сама, забавно рассуждая. Рома был прав. В отсутствии отца она не

чувствовала ревности и, следовательно, я переставала быть её «врагом». Мне хотелось затронуть эту тему, сказать ей: "Ну что, Сонь, мы теперь друзья?". Но я боялась. Боялась разрушить хрупкое доверие, внезапно появившееся между нами.

Во время чтения Соня уснула – прямо на моих коленях, положив голову мне на грудь и обняв одной ручкой. Я долго не решалась перенести девочку в кровать – боялась потревожить её сон. А может быть просто в первый раз за тридцать лет поняла, какое это счастье держать на руках спящего ребёнка.

4

– Привет, Антош! – Рома поцеловал меня в губы, легонько приобняв за талию, погрузив в омут своего аромата смешанного с запахом улицы.

Я шутливо дала ему подзатыльник.

– Ещё раз назовёшь меня Антошкой – получишь лопатой! – наигранно обиделась я. – Я – не рыжая, я – медная. И, если ты конечно обратил внимания, не имею ни веснушек, ни конопушек!

– Ну и как тогда прикажешь тебя называть? Рыжая-бесстыжая? Ржавая? Или может Джигурда? Как тебе? – стараюсь не смеяться громко, Рома разделся, прошёл в гостиную и уселся на диван.

Я бросила в него подушку.

– Я смотрю, у кого-то хорошее настроение?

– Да! Я бы даже сказал – отличное! Встреча прошла более чем результативно – мы заключили договор.

– И всё благодаря комуууу...? – сказала я с шутливо-томным голосом и уютно устроилась на диване рядом с Ромой, закинув ноги ему колени, которые он тут же обнял.

– Конечно же тебе, моя рыжая Мерри Поппинс! Ну как вы тут? Соня спит?

– Да. Уснула в семь, и всё никак не проснётся... Может останетесь у меня? Я думаю, не стоит её будить.

– Да я с удовольствием... Тем более, что завтра выходной.

Проведём вместе целый день.

– Надеюсь, он пройдёт также гладко, как и сегодняшний вечер... Вроде бы Соня сменила гнев на милость. Хотелось бы, чтоб завтра, в твоём присутствии, ничего не изменилось... – сказала я и положила голову Роме на плечо.

– Всё будет хорошо. Всё уже хорошо. Все нереально хорошо. Ты вообще понимаешь, насколько я счастлив? – Рома нежно поцеловал меня в висок.

– Я понимаю. Я тоже очень счастлива с тобой...

– Наслаждайся, Ритуль... Ведь совсем скоро период твоего безоблачного счастья закончится...

– Ты о чём?

– Ну не может же наш конфетно-букетный период длиться вечно? Мне уже, честно говоря, хочется познакомить тебя с

истинным Ромой – пукающим и неряшливым. Именно таким я и буду, когда мы начнём жить в месте.

– Если это все скелеты, что есть в твоём шкафу – поверь, они меня не пугают.

– Может проверим?

– Да легко!

– То есть ты хоть завтра готова к нам переехать?!?!

– Я же сказала – легко...

– Чёрт... – Рома сделал испуганное лицо.

– Что «чёрт»?

– Вообще-то, я думала, ты откажешься...

– Вот гад! Ну что же ты за гад! Всё, ты меня разозлил! – я схватила подушку, прижала к его лицу и начала душить.

Глава 4

1

Когда мы сообщили Соне о том, что собираемся съехаться, она, на удивление, была не против. Мне даже показалось, что эта новость стала для неё радостной.

– А ты будешь каждый день читать мне книжки? – спросила она меня.

– Буду. Обещаю. Я сама с детства люблю это дело. И книг у меня целая коллекция. Я давно уже собираюсь их перечитать. Так что заберём всё с собой, и каждый вечер я буду читать тебе понемножку. Как Шахерезада царю Шахрияру.

– Кто это? – Сонин ротик умилительно приоткрылся.

– А об этом ты узнаешь из сегодняшней сказки... – я ласково потрепала Соню по макушке и продолжила собирать вещи.

Не могу сказать, что всё было идеально. Да и нужно ли оно?

Соня была очень импульсивной, ранимой и довольно избалованной. Роман понимал, что его дочь рано лишилась матери, и всячески старался это компенсировать: и вниманием, и развлечениями, и игрушками. Я же сразу заняла стороннюю позицию, подумав, что не имею права критиковать его

действия. Тем более, что сама до конца не могла ответить себе на вопрос: а так ли уж он и не прав?

Я решила стать Соне другом. Я никогда не пыталась воспитывать её, даже если она вела себя более чем ужасно, потому что понимала: с моей стороны это будет воспринято слишком болезненно. Но тем не менее, если Соня спрашивала моего мнения – я всегда его озвучивала, даже если считала, что она не права. Просто озвучивала – обычным тоном, без нравучений и упрёков. И Соня воспринимала его спокойно. Конечно, всякое бывало. Несколько раз, закатывая отцу скандал, Соня и в мой адрес кидала не самые приятные эпитеты...

– Вот и иди к своей вонючей Риточке! Ты похоже любишь её больше, чем меня! – выкрикнула она однажды в порыве злости и гордо ушла свою комнату, не забыв при этом громко хлопнуть дверью.

Я в это время находилась в другой комнате и заканчивала одну из иллюстраций. Спустя несколько минут, уже спокойная Соня, видимо, решив, что я ничего не слышала, как ни в чём не бывало подошла ко мне.

– Красиво получилось... – ласково сказала мне маленькая лисичка.

– Спасибо.

– Ты уже закончила?

– Да.

– Тогда... почитай мне, пожалуйста... – с улыбочкой по-

просила Соня и сунула мне в руку толстую книжку про «Незнайку».

– Нет, Сонь, прости. У меня другие планы.

– Какие? – девочка удивлённо подняла брови, явно не ожидая такого ответа.

– Хочу помыться... А то одна маленькая девочка почему-то считает меня вонючкой... – по-доброму, но слегка обиженно ответила я.

– Я... Я... – Соня не нашла, что ответить и снова убежала в свою комнату.

А через полчаса на своём письменном столе я нашла кусочек красной цветной бумаги с кривенькой, но очень трогательной надписью: «ПРАСТИ МИНР», что означало: Соня раскаивается.

2

В общем, не считая мелких инцидентов, между мной и Соней всё было мирно. Со временем мы попрощались с няней, и я сама стала забирать её из детского сада, что совсем меня не тяготило: со мной Соня не капризничала, кушала всё, что дают, и была довольно самостоятельной.

Мы многое делали вместе – убирались по дому, создавали в нём уют. Квартира была новой, Рома приобрёл её меньше года назад. Ремонт был качественным, мебель – добротной, а домработница регулярно поддерживала необходимую

чистоту. Но тем не менее, как мне казалось, в квартире не было души – деталей, создающих ощущение уюта: скатерти, диванных подушек, ковриков, картин... Соня с энтузиазмом поддерживала моё желание улучшить обстановку. А когда я предложила переделать балкон в уголок для чтения, её счастью не было предела. Вытащив весь хлам, мы поставили туда мягкую софу, постелили коврик и повесили гамак, в котором Соня в последующем частенько укладывалась спать.

Рома тоже радовался, как ребёнок: и нашей с Соней дружбе, и появившемуся в доме уюту. И радость эта была лучшей наградой за мои старания.

Однажды мне захотелось украсить интерьер Сониной комнаты фотографиями, напечатанными на холсте.

– Слушай. У тебя ведь должны быть красивые Сонины фото в хорошем качестве? Возможно, с праздников или фотосессий? – спросила я Рому.

– Ты имеешь ввиду те самые фотосессии, где люди сидят в непривычной одежде в чужих интерьерах и натягивают на себя эмоции, которых в данный момент не испытывают? – усмехнулся тот.

– Ну... совсем не обязательно... – растерялась я.

– У меня есть кое-что получше. – Рома взял ноутбук и плюхнулся на диван.

Я села рядом, положив подбородок ему на плечо.

– Когда-то фотография была моим увлечением. Я таскал свой любительский зеркальный «кэнон» всюду, пытаюсь ло-

вить интересные моменты. И даже, не взирая на периодически возникающее сопротивление, накопил приличное количество забавных компроматов на своих друзей.

– Ммм... Как интересно.

– Да, это была золотая коллекция. Я уже представлял, как буду вручать эти шедевры им на пятидесятилетия, но к моему великому сожалению и чьей-то радости, мой компьютер подхватил вирус и всё уничтожилось. Но зато привычка ловить моменты объективом камеры осталась со мной еще на какое-то время.

– Давай уже, не томи...

– Сейчас. – сказал Рома, открывая папку. – На, листай.

Фотографии действительно были завораживающими.

Пожилая пара, танцующая под аккордеон уличного музыканта. В его глазах – нежность, в её – радостное смущение.

Молодая женщина у дороги, обрызганная с ног до головы проезжающим мимо авто. На бежевом пальто – грязь, по безупречно покрашенному лицу стекают серые капли. Она – в недоумении и судя по всему через секунду будет очень зла.

"Синий берет", стоящий в фонтане в попытке поймать прыгающую к нему на руки подругу. Её юбка бесстыдно задрана, а волосы промокли, но очевидно, что героев снимка такие мелочи мало волнуют – им хорошо...

Среди Роминых работ присутствовали и пейзажи, и натюрморты, но больше всего внимания он уделял именно людям – живущим в своём застывшем мгновении.

Я рассматривала фотографии и погружалась в них, слыша звуки аккордеона, шум мотора, крик, смех, плеск воды...

Снимки из папки под названием «Соня» тоже были полны жизни: где-то она кормила вафлями козу; где-то шла по зимней тропе из бани, закутанная, как капуста; где-то сидела, нахмурившись, с воздушным шариком в руке...

Для её комнаты я выбрала яркий портрет, где она ещё совсем малышкой, вся перепачканная, уплетает мороженное, сидя на фиолетовом пледе.

Глава 5

Мы никогда не разговаривали с Ромой о его жене. Я знала лишь то, что она покончила жизнь самоубийством, утопившись в реке, когда Соне было два с половиной года. Я никогда не была любопытной, и сама особо о ней не расспрашивала, тем более, что эта тема была не из лёгких... Но тем не менее я не могла справиться с мучавшим меня вопросом: ПОЧЕМУ она это сделала? И в один из вечеров, дождавшись пока Соня уснёт, я собралась с духом и всё-таки задала его. Спустя несколько секунд молчания, которые показались мне вечностью, Рома наконец-то ответил:

– Я не знаю точно... В записке ничего об этом не было. Я могу лишь предполагать...

– Я почувствовала в его голосе еле уловимую дрожь...

– И... каковы твои предположения?

– Мне кажется, она сделала это по моей вине.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что я не любил её.

Снова повисла давящая тишина, и мне показалось, что я слышу стук собственного сердца... Я не нарушала молчания.

– Я понял это вскоре после свадьбы, но продолжал плыть по течению. Большую часть своего времени я проводил с друзьями, а Олина любовь стала меня тяготить... Конечно, она всё чувствовала...

– А почему вы не развелись?

– Сам не знаю. Я четыре года бежал от этой правды, боясь её ранить... А когда наконец-то решился, она сообщила мне о том, что беременна. И я остался...

– Но, конечно же, появление ребёнка ничего не изменило...

– В наших отношениях – нет. Во время Олиной беременности я старался уделять ей внимание. Но это было не то внимание, какое хотела бы женщина получать от своего мужа. Оно было скорее родственным, снисходительным и... вынужденным что ли... А когда родилась Соня, я полностью погрузился в роль отца.

Роман говорил медленно, словно подбирая слова. Я видела, насколько тяжело ему даётся этот разговор. Но в то же время мы оба понимали: он должен состояться.

– Оля тоже очень любила Соню. – продолжал Роман. – Поначалу я даже увидел какой-то новый блеск в её глазах. Но потом мне начало казаться, что она стала ревновать – то ли меня к дочери, то ли дочь ко мне. Но я в очередной раз пустил всё на самотёк...

– А что ты мог сделать?

– Я мог уйти. Дать ей возможность переболеть и начать новую жизнь. Но я не хотел оставлять дочь. Жить с ребёнком и видеться с ребёнком – это абсолютно разные вещи. В этом плане я поступил как эгоист.

– А если бы ты ушёл? Где гарантия того, что не случилось

бы того же самого?

– Конечно, гарантии не было. И это, в какой-то степени, служит мне утешением.

Роман говорил со мной, но смотрел невидящим взглядом, будто снова погружался в то время, о котором шла речь.

– Ты даже представить себе не можешь, сколько я копался в себе, чтобы найти лазейку... Чтобы наконец избавиться от этого гнетущего чувства вины...

– Тебе это удалось?

– Сейчас, спустя время, я вроде бы расставил всё по полочкам. И понял: в чём я реально виноват, так это в том, что оставил её в тот день одну. Я видел, что с ней что-то не так. Видел, что она еле сдерживает слёзы, словно прощается... Но я забрал Соню и уехал.

Я почувствовала, что Рому бьёт мелкая дрожь и аккуратно взяла его за руку.

– То, что я увидел на опознании, уже, наверное, никогда не исчезнет из моей памяти. Я понимал, что передо мной Оля, хотя в действительности от Оли там не осталось практически ничего... Река изуродовала её до неузнаваемости... А ведь она всегда боялась воды. И потому совсем не умела плавать. Если бы не записка, я никогда бы не поверил в то, что она способна пойти на такое... Хотя может быть это и есть объяснение – шансы на выживание были минимальными...

– А что было в записке? Там был хоть какой-то намёк на причину?

– Она попросила у нас прощения. У Сони за то, что оставила её так рано. У меня – за то, что держала. И пожелала нам счастья.

– Так может быть причина все-таки не в тебе? Она не была больна?

– Точно сказать не могу. Судмедэксперт установил, что причиной смерти было так называемое «мокрое» утопление – в лёгких была вода. Следов борьбы не было, присутствовала предсмертная записка. В целом всё было ясно, да и я на тот момент был слишком шокирован и растерян, чтобы нормально мыслить. И лишь спустя некоторое время мне пришло в голову, что возможно была какая-то болезнь, и вскрытие могло это показать... Но было уже поздно – Оля была в земле...

– Ром... Мне жаль, что тебе и твоей семье пришлось всё это пережить... Правда...

Рома молча кивнул.

– После Олиного ухода я закрылся дома, пил каждый день и всё время думал о том, что она пережила, умирая... В попытке понять это, я набирал ванну, выдыхал из лёгких весь воздух, погружался под воду и лежал там до тех пор, пока панический ужас не выталкивал меня обратно... Но эти глупые и опасные опыты только ухудшали положение. Жалость и невообразимое чувство вины буквально съедали меня... Хотя сейчас я понимаю, что должен был всё это прочувствовать именно в той мере. Иначе произошедшее бы меня не

отпустило...

– А где была Соня?

– Соня была у родителей. Её не было на похоронах. Как я уже говорил, Олю было не узнать, и я решил, что не к чему ребёнку это видеть. В её памяти мама должна остаться красивой, светлой, нежной... И, самое главное, живой. Интересно, что когда родители попытались сообщить Соне о том, что её мамы больше нет, она спокойно ответила: "Да, я знаю. Мама вон там.", и показала пальчиком на небо...

– Оля могла предупредить её?

– Могла. Это единственное объяснение...

Роман встал, открыл окошко и несколько секунд стоял, вдыхая влажный ночной воздух. Потом закрыл окно и сел за стол напротив меня.

– В какой-то момент я понял: Соне нужен спокойный, сильный и, желательно, счастливый отец, а не параноик с вечным чувством вины. Пытаясь выйти из этого состояния, я стал задавать себе вопросы о том, чтобы я изменил, была б у меня возможность повернуть время вспять.

– Какие вопросы?

– *Ушёл бы я раньше – до Олиной беременности?* Нет. Возможно, это положительным образом повлияло бы на наши с Олей жизни... Но тогда не было б и Сони... А значит об я жалеть не могу. *Сделал бы я Олю счастливее, живя с ней?* Вряд ли. Я всегда относился к ней с уважением, благодарностью и теплом, но большего у меня просто не было. *Ушёл*

бы я после рождения Сони? Не знаю. Я безумно люблю дочь. И очень дорожу возможностью смотреть, как она засыпает и просыпается... Но в то же время чётко понимаю: так жить, как жили мы – нельзя. Хотя, ты правильно заметила: гарантий, что всё сложилось бы иначе нет. Поэтому не знаю. Единственное, что бы изменил, не сомневаясь ни мгновения, – это свой отъезд в тот день. Я чувствовал, что с ней что-то не так. Я должен был остаться с ней и поговорить. И возможно тогда она была бы жива...

– Ты правда считаешь, что мог предотвратить случившееся?

– Вполне возможно. Я мужчина. И чувствую себя во ответе за всё, что мною сделано и НЕ сделано. Да, я виноват. Но я научился жить с этой мыслью. Я признаю её, но она уже меня не гложет. Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что это бессмысленно. Кому станет легче от моего самобичевания? Оле – вряд ли. Она хотела, чтоб я был счастлив. Мне? Нет. Я получил свой урок. И понял, что хочу жить дальше. Хочу радоваться, а не страдать. Хочу любить, а не терзаться. Но для этого мне необходимо было простить себя. И я себя простил.

Глава 6

1

– Блин! Как ты это делаешь, как?! – фальшиво возмутилась я, по-детски сдвинув брови. – Я же была чемпионом по «Дураку» в своём дворе! Почему тебе так везёт?!

– То есть ты на полном серьёзе думаешь, что мне везёт? – сказал Рома, по-доброму усмехнувшись, и по бокам его глаз появилась небольшая россыпь мимических морщинок.

Я невольно залюбовалась – его морщинками, его манере поднимать брови, его мужественному голому торсу (у Ромы была забавная привычка щеголять по дому без футболки), и по моему телу прошла приятная дрожь.

– Конечно везет! Вообще-то, это игра на везение, это же тебе не «Покер» и не «Преферанс», в конце концов...

– Вообще-то, надо просто запоминать карты. И те, которые выбывают, и те, которые забирает соперник, если не отбивается. Не пробовала? Чемпионка двора... – Роман снова засмеялся и взлохматил мне волосы на макушке.

– Ах ты, гад! – воскликнула я и ущипнула его за сосок. – Давай раздавай. Сейчас я тебя накажу!

– Давай уж тогда на желание...

– Загадывай!

– А ты отчаянная девчонка... Таааак... Что бы тебе задать...? – Рома хитро прищурился, помешивая карты. – Придумал!

– Мочи. – со всей серьезностью сказала я, скрестив руки на груди.

– Ты, кажется, планировала на завтра генеральную уборку?

– Планировала. И...?

– Ты будешь убираться в одних трусах. Это моё желание.

– А как же Соня?

– По Соне бабушка соскучилась. Я отвезу её с утра.

– Хорошо, без проблем. – я посмотрела на Рому с вызовом.

– Молодец, Антошка. Уважаю. Теперь твоё желание.

– Если я выиграю, ты женишься на мне. В шортах. В этих. – я указала пальцем на его ярко-синие шорты с Чипом и Дейлом и почувствовала, что мои щеки горят. Что я несу?

После нескольких секунд молчания Рома наконец-то сказал.

– Без проблем.

Его голос прозвучал довольно уверенно, но всё же я смогла уловить с нём лёгкую нотку растерянности.

– Это шутка, расслабься... – я нервно усмехнулась и легонько хлопнула Рому по плечу.

– Что, не хочешь выходить замуж за придурка в шортах с мультяшками? – Рома посмотрел на меня в упор.

– Почему, хочу... – тихо сказала я.

– Значит, играем.

Карт я не запоминала. Ни тех, что выбывали, ни тех, что Рома забирал себе. Цифры и масти плыли у меня перед глазами.

Но тем не менее я выиграла.

2

Мы сидели около озера, умиротворенно наблюдая, как красные лучи закатного солнца разливаются по водной глади.

– Сонь... Подожди, пожалуйста, мы с Ритой хотим кое-что тебе сказать. – ласково позвал Рома дочь.

– Подожди. Я еще Снежку не накормила. – сказала Соня, деловито размешивая мокрый песок в пластиковой миске. – На, Снежаночка... Кушай... Чтоб быть сильной и здоровой... Вкусно?

Соня еще несколько раз ткнула ложкой с песком в рот своей кукле и подошла к нам.

– Что, пап? – спросила Соня, вытирая ручонки о шорты.

– У нас для тебя есть новость.

– Какая?

– Мы с Ритой хотим пожениться.

Я с напряжением ждала Сониной реакции, но её лицо осталось невозмутимым.

– И Рита станет моей мамой? – непринужденно спросила она.

Вопрос был неожиданным.

– А ты бы хотела этого, Сонь? – стараясь не выдать своё волнение, спросила я.

– Ну если ты будешь женой моего папы, значит я стану твоей дочкой. Разве нет? – Соня уставилась на нас своими большущими голубыми глазами.

– Да, все верно... – еле дыша сказала я.

– Ну тогда я пойду? – как ни в чем не бывало спросила Соня. – Мне еще какао Снежанне варить. Любит она какао у меня.

3

Мы поженились в середине августа. Поставили подписи, обменялись кольцами и пошли гулять по городу, попивая шампанское и целуясь, когда вздумается.

Оба решили, что не хотим ни гостей, ни ресторанов, ни дорогих машин, ни измученных голубей и прочих атрибутов. И дело было не в модном протесте, и ни в том, что свадьбы у нас уже были... Просто мне почему-то совсем не хотелось кричать о своём счастье. Хотелось скрыть его ото всех и насладиться им безраздельно, как ребенок наслаждается конфетой, спрятавшись с головой под одеяло. Как оказалось, мой будущий муж испытывал те же чувства. И осознавать это бы-

ло волшебюно.

На мне было летящее белое платье со стрекозами. На нем – белая футболка и, как полагалось, шорты с "Чипом и Дейлом". Мы были красивые и счастливые. Мы не смотрели вперед, не смотрели в одном направлении – мы смотрели лишь друг на друга, тонули друг в друге, и я абсолютно чётко понимала, что нет на свете чище и нежнее торжества, чем наше.

4

– Доброе утро, любимая жена... – услышала я сквозь сон. Почувствовав прикосновение колючей щетины к своей шее и легкий укус в ухо, я сладко поёжилась и окончательно проснулась.

– Доброе утро... – ответила я и повернулась лицом к своему новоиспеченному мужу.

Рома потянулся, чтоб поцеловать меня в губы, но я мягко его отстранила:

– У меня вообще-то зубы не чищены...

– Для меня это слабый аргумент...

– И всё же я почищу их, с вашего позволения... – я поцеловала Рому куда-то в область ключицы и попыталась выбраться, но сильная рука мне не позволила.

– Нет, Ритуль... Не уходи...

– Я вернусь через минуту...

– Ты такая тёпленькая, сонная, родная... И вообще, если

ты настаиваешь, мы можем обойтись без поцелуев. По крайней мере в губы... – сказал Рома и медленно провёл рукой по моей спине от шеи до поясницы, оставляя за собой россыпь суетливых мурашек.

Тут зазвонил телефон, и я, воспользовавшись ситуацией, упорхнула в ванную. А вернувшись, заметила, что от романтического настроения моего мужа не осталось и следа.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Да нет, все нормально...

– Слушай, я же вижу, что ты чем-то озадачен. Это из-за звонка?

– Ничего от тебя не скроешь, моя рыжая мисс Марпл... – Рома пытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой.

– Да что случилось, чёрт возьми?! Ты меня пугаешь! Кто тебе звонил?

– Помнишь журналистку, которая приходила к нам брать интервью к двадцатилетию издательства?

– Виктория? Помню... Звонила она?

– Да.

– Зачем?

– Да в двух словах и не расскажешь. У этого звонка достаточно долгая предыстория...

– Мне торопиться некуда... – сказала я и села рядом.

Рома вздохнул.

– Рит, я расскажу. Но предупреждаю сразу: возможно, что-то из услышанного будет тебе неприятно...

– Ну что ж. Я готова.

– У нас с Викторией была связь. Я бы не назвал это отношениями в классическом понимании... Мы встречались с ней периодически. Но вскоре я прекратил эти встречи.

– Вот как? И почему?

– Сейчас расскажу. Мы познакомились в мотеле, в день, когда я узнал, что Оля беременна... – начал Рома. – Да, звучит гадко, но это факт. Можешь меня осуждать – твоё право.

– Да я и не собираюсь. Я не была на твоём месте...

– В общем, я излил ей душу, и мы переспали. Она ясно дала понять, что ни на что не претендует, что мы просто хорошо проведём время – не более. Я был потерян, нетрезв, а она – красива и убедительна... И всё случилось...

– А где-то месяца через два она появилась в издательстве в качестве журналистки – пришла взять у меня интервью. Я, конечно, был ошарашен, увидев её... Но она даже виду не подала, что мы знакомы, и только, прощаясь, подмигнула. А через неделю позвонила и предложила встретиться...

– Ты, соответственно, согласился.

– Представь себе, не согласился.

– И когда же началась ваша связь?

– Уже после смерти Оли... Где-то через несколько месяцев после её смерти...

– Она позвонила сама?

– Нет. Мы встретились случайно, в баре. Я был один. Она – с подругами. Увидела, подошла. И после недолгих преди-

словий затащила меня в туалет... Ну и... сама понимаешь...

– Понимаю. Прямо так и затащила? По полу волокла? – саркастично спросила я.

– Рит, не язви. Я хотел сказать, что инициатива исходила от неё. Ну а я не отказал. Мне хотелось снять стресс. Забыться, отвлечься...

– И вы начали встречаться?

– Поначалу Вика вела себя независимо, даже слишком, никогда не оставалась до утра – уезжала ночью на такси, не попрощавшись. Так продолжалось около полугода.

– Но как-то раз она приехала ко мне пьяная в хлам и устроила цирк. Сбивчиво говорила что-то про каких-то кошек и собак... Ползала на корточках, лаяла... Говорила: "Ром, возьми щеночка... Он будет приносить тебе тапочки". Истерически смеялась, потом плакала... Песни пела...

– Какие песни?

– Ну знаешь, может... из мультфильма... "Собака несчастная очень опасна, ведь ей не везёт-от в этой жизни ужасно..." – сказал Роман нараспев.

Я не удержалась и хмыкнула.

– Мне тогда было не до смеха...

– Да я понимаю... А ты что?

– А что я? Девочка была пьяна и уязвима... Уложил её спать. Утром она извинилась и уехала. А я понял, что её чувства намного сильнее, чем она хочет показать. И поэтому нужно заканчивать...

– А почему ты не захотел... "взять щеночка"? – снова не удержалась от сарказма я.

– Потому что ничего к ней не чувствовал. Красивая, неглупая... Но... Я даже не знаю, как выразиться, чтоб ты меня поняла... Она какая-то ненастоящая. И где-то глубоко внутри очень несчастная. Представь себе, я ни разу не видел, как она смеётся. Не обольстительно, не кокетливо, а по-настоящему, по-детски...

– Что было дальше?

– После «собачьего» монолога мы не общались около месяца. Я уже выдохнул, подумал, всё, слилась... Но она позвонила. Предложила увидеться как ни в чём не бывало. На встречу я согласился, но лишь для того, чтобы окончательно с ней порвать. Приехал ресторан и как можно мягче объяснил ей, что встреч "без обязательств" больше не будет.

– Поначалу она отреагировала спокойно. Сказала, что ей жаль, но, если я так хочу – она не станет меня уговаривать. Предложила еще немного посидеть, поболтать. Я чувствовал перед ней некоторую вину и согласился... Где-то час мы вели пустые разговоры, и за этот час она успела хорошенько накидаться. А потом попросила проводить её. Мы шли вдоль набережной, и вдруг в какой-то момент она перелезла через перила и начала кричать, что если я не пообещаю её не бросать – она прыгнет...

– Примитивнейшая манипуляция... И не самая гуманная, особенно по отношению к тебе... Она знала о том, как умер-

ла Оля?

– Знала, но не от меня... Об этом писали в СМИ. В любом случае, этот поступок не назовёшь осознанным. Скорее он был импульсивным. Вике, судя по всему, вообще нельзя пить... Она превращается в другого человека... А может быть наоборот – это её истинное лицо. Я так и не понял.

– И как ты вышел из той ситуации?

– Я разозлился. Сказал ей: если хочешь прыгать – прыгай, это будет твой выбор. Я за тебя ответственности не несу.

– Она прыгнула?

– Нет. Она начала плакать. А потом просила отвезти её домой... Утром она мне позвонила – снова с извинениями. Пообещала, что подобного больше не повториться.

– Она сдержала своё обещание?

– После инцидента на мосту мы виделись всего лишь один раз – уже при тебе, в издательстве. Тогда всё прошло спокойно.

– А сейчас то что ей нужно?

– А сейчас она, судя по всему, снова не в себе... Непонятно откуда узнала, что я женился...

– Поздравляла? – усмехнулась я.

– Ну в общем-то да...

– А почему тогда ты так взволнован?

– Потому что не верю ни одному её слову.

Часть 5. Наркотик

Глава 1

Из дневника Вики

20 февраля

Как же мне хочется дать слабинку и проявить свои чувства... И каждый раз, при встрече, бросаться к нему на шею, радостно виляя хвостом... Но мой разум должен быть сильнее. Я должна держаться. Я должна его сломать. Я должна сделать так, чтобы он просил меня остаться... Чтоб заболел мной. Так как же, как я им. И только тогда, когда я пойму, что он мой, я разрешу себе немного слабости. Но лишь немного... Иначе я его потеряю...

А потерять его я не могу, ведь жизнь до встречи с ним была чёрно-белой, словно детская раскраска. Да и какая жизнь? Всего лишь жалкое существование, ничтожной целью которого было бестолковое самолюбование и жажда роскоши.

Так продолжалось до тех пор, пока не появился он – так неожиданно и в то же время долгожданно... Словно пер-

вый глоток свежего морозного воздуха, сделанного пленником после долгого заточения в душной камере. Пленнику и в тюрьме было неплохо. И сухо, и тепло, и кормили, и поили... Но жизни не было. И вдохнув этот воздух он понял, что назад дороги нет. Он замерзнет в снегу, окоченеет и отдаст себя на растерзание волкам, но обратно не вернется. Никогда.

Нет, я совершенно точно не хочу назад. Он мой воздух. Он мой свет. И я его не отдам.

3 марта

Дура!!! Дура!!!! Какая же я дура... Взяла и всё испортила. Напилась, приехала к нему, несла ахинею... Да еще эту глупую песню начала петь. Как же стыдно... Ну почему нельзя повернуть время на 12 часов назад и просто поехать домой!

Как на компьютере – взять и отменить своё действие.

Что он обо мне теперь думает??? Захочет ли видеть меня снова?

Какая же я слабая... Ничего не могу довести до конца. Нужно было продолжать гнуть свою линию, продолжать разыгрывать перед ним кошку... И тогда, возможно, что-то бы и получилось. А я... взяла и вывалила ему все свои самые страшные секреты, да еще в таком неприглядном виде. Ладно. Пусть это будет мне уроком. Надеюсь, еще не всё потеряно...

15 мая

Я чувствую, как по моему телу распространяется яд. Это он – мой наркотик... Раньше всё было проще. Примешь его – хорошо. Не примешь – ломает. Теперь же я чувствую боль всегда. И когда его нет, и когда он рядом. С той лишь разницей, что с ним я хотя бы дышу... И хотя его равнодушный взгляд разъедает мне сердце похлепце кислоты, все же чувствовать боль и дышать – легче, чем корчиться в судорогах за неимением возможности вдохнуть. Но парадокс заключается в том, что я ни о чём не жалею. Я счастлива, что встретила его... До сих пор счастлива.

20 июня

Как же я ненавижу сумерки... В это время моя тоска особенно сильна. В это время мне хочется лезть на стену... Сигареты уже не спасают. Ничего не спасает. Шансов нет. Он ясно дал понять, что ничего не хочет... И теперь мне нужно учиться жить без него. Без воздуха, без смысла, без жизни... Как это сделать? Как?

14 сентября

У него появилась женщина. Я узнала её – эту рыжую иллюстраторишу... Конечно, она сразу положила на него глаз... И, видимо, оказалась намного умнее меня. Она знает, как нужно себя вести. И не устраивает ему пьяных исте-

рик.

Они стояли на крыльце этого грёбаного кинотеатра, и он обнимал её сзади. Обнимал, вдыхая запах её волос... Так делают, только если влюблены...

Да, он влюблён. Это видно и по его взгляду. На меня он никогда так не смотрел...

Как же больно это осознавать... Представлять, как он её целует, как ждёт встречи...

Я окончательно проиграла. Теперь я абсолютно точно это осознаю.

17 августа

Пошёл почти год. Глупый, бесполезный год, проведённый в тщетных попытках его забыть.

Но как забыть, если он – лучшее, что со мной случилось?

И поэтому новость о том, что они поженились, всё-таки стала для меня ударом...

С одной стороны, это плохая новость. Но есть и другая сторона.

Времени прошло довольно много, и я очень сильно сомневаюсь, что их влюблённость ещё жива... Скорее всего иллюстраторша уже расслабилась и думает, что её мужчина никуда от неё не денется. И очень зря... Потому что вероятнее всего, она уже успела ему наскучить... А это значит, что у меня появился шанс. И на этот раз я всё сделаю правильно.

Глава 2

1

Рома завязал кроссовки, вытащил из-под куртки капюшон толстовки и посмотрел на свою жену.

На Рите были хлопковые шорты и мятая ото сна футболка на одно плечо.

Рита стояла босиком на холодной плитке. Её медные волосы были слегка взлохмачены, а лисьи глаза счастливо блестя. Такой она нравилась ему больше всего – естественной, домашней и немного неопрятной...

– Ты похожа на Лисичку. Рыжая и ходишь тихо...

– Вот так и называй меня. Лисичка – это лучше, чем Антон... – усмехнулась Рита.

– Договорились. А теперь, Лисичка, мне пора идти... – нехотя сказал Рома.

– Пока... – Рита встала на носочки, положила прохладные ладони на его колючие щёки и поцеловала его.

Поцелуй длился всего несколько секунд, но был настолько нежным и горячим, что рабочий настрой Ромы испарился в мгновение ока.

– Лисичка не хочет тебя отпускать... Лисичка хочет забрать тебя и увезти обратно – на Лисий остров... – делан-

но-капризно прошептала Рита.

– Подожди немного. Сейчас я приведу в порядок все дела, и мы снова вырвемся куда-нибудь. Уже втроём.

– Было б неплохо... – вздохнула Рита. – Ты допоздна сегодня?

– Не знаю, если получится, постараюсь прийти пораньше... У тебя какие планы?

– Буду рисовать. Работы накопилось немерено, Роман Владимирович... Да и сама я уже соскучилась по запаху краски...

– До вечера, Ритуль. Я тебя люблю...

2

Когда Рома вышел из подъезда, ему позвонили. Имя звонящего вызвало чувство досады.

Брать трубку не хотелось, но не брать – также было не лучшим решением.

– Здравствуй, Вика. – спокойно ответил он.

– А что как официально? Вроде бы не чужие люди... – сладко промурлыкал голос в трубке.

– Ты по какому вопросу?

– А, я кажется поняла... Ты же у нас теперь женатый мужчина. Непрístupная крепость.

– Вик, я б с удовольствием с тобой поболтал, но мне некогда. У тебя есть какой-то конкретный вопрос ко мне?

– Вопросы нет. Есть предложение... – Вика продолжала говорить приторным тоном, что вызвало в Роме лёгкую волну раздражения.

– Я внимательно тебя слушаю.

– Я хочу увидеться.

– Зачем?

– Я соскучилась. Я хочу обнять тебя...

– Вик, это ни к чему. В этом нет смысла. Не трать своё время на звонки мне.

– Одна встреча. Всего одна встреча. Я прошу...

– За-чем?

– Я хочу поговорить.

– Вик, ты придумываешь на ходу... Еще минуту назад ты хотела просто меня обнять.

– Ром. Я умоляю тебя... Дай мне полчаса своего времени. И я оставлю тебя в покое.

– Ладно... У меня будут свободный час в районе обеда. Я позвоню тебе.

– Спасибо. Спасибо тебе. До встречи.

Глава 3

1

Вика пулей вылетела из кровати.

Четыре часа. До встречи с ним всего четыре часа.

Жизнь снова дала ей шанс, и на этот раз она его не упустит...

Вика знала, что выглядит не лучшим образом – затяжная депрессия никого еще не украсила... Она забросила спорт, перестала следить за питанием, запустила кожу... Её ногти были сгрызаными, брови заросшими, да и не только брови...

После истории с толстяком Вика осознала, что вебсам-карьера ей отвратительна.

Журналистика также перестала её интересовать, впрочем, как и всё остальное.

Чтобы поддерживать существование, она устроилась работать в печатный ларёк в трех минутах ходьбы от дома. А кого интересует как выглядит продавщица газет?

Ладно, ничего. Сейчас она сделает себе более или менее приличный маникюр, удалит всю лишнюю растительность и полежит в ванне с одной из тех дорогущих масок для лица, что остались еще с прошлой жизни.

Как же давно она не делала себе масок... Уму непостижи-

мо.

После ванной Вика приступила к подбору одежды. В последнее время она довольствовалась спортивными штанами, толстовками и свитшотами. А ведь содержимое её шкафа было более чем роскошным – ещё совсем недавно Вика имела деньги, внимательно относилась к трендам и со вкусом пополняла свой гардероб. Вике было из чего выбрать. Но, к сожалению, лишние пять килограммов значительно усложняли эту задачу.

– Да чтоб тебя... – раздражённо ругнулась Вика, осознав, что прочно застряла в кожанной юбке-карандаше цвета молока.

После нескольких попыток юбка наконец-то начала поддаваться. Но тут послышался треск рвущихся ниток...

Вика с остервенением стащила с себя некогда любимую шмотку и зашвырнула её в дальний угол спальни, словно та была главной виновницей всех её бед.

Так. Не паниковать. У неё есть и более универсальные вещи... Например, мятное платье в стиле беби-долл будет свободно и в талии, и в бёдрах.

Однако и здесь Вику постигло разочарование – вместо ожидаемой воздушно-игривой малышки на неё из зеркала смотрела самая настоящая "баба на чайник".

И надо же было так себя испортить...

И только спустя час Вика осталась довольна собой: дорожный комбинезон из тёмно-синего шёлка стройнил и удач-

но открывал зону декольте.

Сделав макияж, укладку и надев туфли на высоком каблуке, Вика наконец-то почувствовала себя привлекательной.

Ещё чуть-чуть, и она увидит его... Вдохнёт свой первый за этот несчастный год глоток свежего воздуха.

Только бы он не отказал ей... Только бы не отказал...

2

Вика пришла в ресторан чуть раньше и выбрала уютный столик у окна, в самом конце зала.

– Добрый день! – услужливо склонился над ней официант в белоснежной рубашке.

– Добрый... – машинально ответила Вика.

– Вы на бизнес-ланч или подать основное меню?

– Будьте добры, двойной эспрессо...

– Не желаете ли десерт?

– Нет, спасибо.

– Не хочу быть навязчивым, но наш шеф-повар – просто бог. Вы много потеряете, если не отведаете его фирменный десерт «Анна Павлова». Он непостижимо вкусный, но в то же время лёгкий и, поверьте, совсем не отразится на вашей шикарной фигуре...

– Мне нужен двойной эспрессо. Спасибо. – резко ответила Вика, и официант, молча кивнув, удалился прочь.

Несмотря на то, что в этот день у неё во рту не побывало

и маковой росинки, есть Вика не могла – слишком нервничала. Ох, как кстати пришлась бы сейчас рюмочка текилы... Но нет. Рома и так думает, что она алкоголичка. Больше никакого алкоголя при нём.

Открылись двери, и Вика увидела его.

Боже, какой он красивый... Как всегда, в спортивном. Этому мужчине не нужны никакие рубашки. Он хорош во всём... А особенно, – без всего...

– Привет, Виктория. Чудно выглядишь. – сказал Рома, усевшись напротив.

– Привет, Ром. И ты, как всегда, неотразим... – ответила Вика, изо всех сил пытаясь казаться непринуждённой.

Подошёл официант, и Рома, в свойственной только ему манере нахмурил брови и уткнулся в меню.

Как же она соскучилась...

– Я буду салат с говяжьей печенью... Сырный суп... Ризотто... И клюквенный морс. Спасибо. – тепло улыбнувшись официанту, сказал Роман.

Кивнув, официант удалился.

– А ты что заказала?

– Только кофе. Я не голодна.

– Ну... Дело твоё.

Возникла неловкая пауза.

– Я очень рада тебя видеть... – наконец-то выдавила и себя Вика, чувствуя, как её сердце пульсирует где-то в районе шеи.

– Я тоже. – ответил Рома, снисходительно улыбнувшись.

Снисходительность. Она ведь хуже ненависти, даже хуже равнодушия.

Вика подумала о том, что Оля, должно быть, часто видела в глазах своего мужа эту самую снисходительность.

– Как семейная жизнь? – спросила она.

– Если это чисто дружеский вопрос – с удовольствием расскажу... Если же вопрос со «звёздочкой» – Вик, прости... Даже отвечать не буду.

– Это чисто дружеский вопрос.

– Тогда отвечу. Я счастлив. Очень.

Ответ кольнул Вику иголкой. Но она не собиралась сдаваться.

– Я рада за тебя. И чисто по-дружески готова сделать тебя ещё счастливей... – полушёпотом сказала Вика, и, сбросив под столом туфли, провела ногой по ноге Романа.

– Вик, угомонись. – ответил тот, аккуратно отодвинув её ногу. – Это пошло. И бессмысленно.

– Совсем-совсем? – не сдавалась та и, положив локти на стол, слегка наклонилась, обнажив грудь.

– Ваш салат с говяжьей печенью. – оповестил официант, поставив блюдо на стол, за что был мысленно проклят Викой.

– Спасибо. – ответил Рома. – Да, Вик. Совсем-совсем.

– То есть ты счастлив каждый день спать с одной и той же женщиной? – сама того не планируя, усмехнулась Вика. –

Я же знаю вас, мужчин... Вы на это не способны... Вам же всегда мало...

– Да, мне мало. Я боюсь, мне жизни не хватит, чтоб надыхаться своей женой. И изменять я не собираюсь. Не потому что я такой принципиальный. А потому что просто не хочу. И точка.

Но Вика словно не слышала.

– Я понимаю. Это всё потому, что я вела себя, как дура... Да? Я всё исправлю. Я не такая. Я давно не делала глупостей...

– Вика, да делай ты глупости на здоровье, если ты того хочешь! И хватит уже заботиться о том, как ты выглядишь в глазах других. Всем плевать! Пойми же ты наконец...

Вика вжалась в спинку стула.

– Поверь, я ни в коем случае не хочу тебя обидеть. Я просто хочу донести до тебя простую мысль: тебя либо любят, либо нет. Всё просто. Если нет, хоть наизнанку вывернись – не полюбят. А если да – тут ситуацию сложно испортить... Вот я люблю свою жену. И, даже если она напьётся, описается и уснёт в своей луже – на моих чувствах это не отразится. Я возьму её на руки, вымою, положу в кровать и буду обнимать эту зассыху всю ночь. Потому что люблю.

– Как это мило... – сквозь зубы процедила Вика.

– И, если всё же тебя мучит факт своего несовершенства в моих глазах, знай: я разорвал нашу связь не из-за твоих концертов.

– А почему?

– Просто я понял, что ты влюбилась. А ответить взаимностью не мог. Ты меня не оттолкнула. Ты меня изначально не привлекла настолько, чтоб я захотел быть вместе по-настоящему. Поэтому расслабься. Просто расслабься и живи... Живи СВОЕЙ жизнью.

Часть 6. Лисий остров

Глава 1

Лисий остров – маленький северный рай, затерявшийся в одной из бухт Финского залива... Он – моё особенное воспоминание. Сладкое и болезненное одновременно. Поэтому я и запрятала его в самый потаённый уголок души – крохотную деревянную шкатулку со сложным замком.

Это место было выбрано не случайно – после свадьбы нам с мужем хотелось на время убежать от социума, и он предложил мне скрыться именно там. Когда-то давно они с братом прожили на острове целый месяц, рыбача, и напрочь влюбились в его тихую, чистую красоту.

Мы уехали туда на пять дней, сняв деревянный домик с большой, кирпичной печкой. Несмотря на то, что на дворе стоял август, на острове было хоть и солнечно, но довольно прохладно. Печь приходилось топить каждый вечер, что собственно только добавляло нашему времяпровождению уюта и романтики.

Каждый день с самого утра Рома уходил ловить рыбу. Позднее, ближе часам к 10, досмотрев свои последние утренние сны, к нему шла я, неся с собой ароматное ежевичное вино и домашние пирожки, заботливо приготовленные хозяй-

кой нашего дома. Я шла по длинному деревянному понтону, а яркое солнце нещадно светило мне в глаза. Я знала, что еще несколько секунд, и я обниму сидящего впереди мужчину за спину, вдохну его запах... И ожидание это было ничуть не менее сладким, чем сам момент.

В один из таких дней мы лежали на понтоне и смотрели в чистое, почти безоблачное небо. Моя голова беспечно покоилась на плече мужа.

– Завтра домой... – тихо сказала я.

– Да, Рит... Время летит чертовски быстро... – ответил Роман и поцеловал меня в макушку.

– Чертовски... Но самое интересное, что здесь я его почти не чувствую. Оно словно застыло. Есть только ты, я, холодное море и этот безумный сосновый запах...

– А как же ягодное вино? Оно раскрыло тебя с совершенно неожиданной стороны... – усмехнулся Роман и легонько провёл пальцем по моей шее.

– Волшебное вино...

– А мои потрясающе вкусные окуни на углях?

– Волшебные окуни. Как же мне здесь хорошо... Ну почему всё хорошее непременно должно заканчиваться?

– Не надо жалеть. У нас впереди ещё много счастливых дней.

– Я знаю. Но у меня есть одна дурацкая привычка... И я совершенно не знаю, как от неё избавиться...

– Что за привычка?

– Когда мне хорошо, как сейчас, здесь, с тобой, у меня возникает навязчивая мысль, что я должна буду за это заплатить... И вслед за счастьем непременно придет беда... Я знаю, что это глупости, но ничего не могу с собой поделать... – я повернулась на бок и уткнулась лицом в мужа, словно пытаюсь найти в нём защиту от своего безосновательного страха.

– Рит. Никто не знает, что ждёт его впереди. Не думай об этом. Просто живи.

– Я живу. И наслаждаюсь. И в то же время очень боюсь потерять тебя...

– Хочешь честно? Я тоже боюсь. Но головой понимаю страшную истину: всё, что у нас есть, всё, что мы любим, чем гордимся и дорожим – семью, друзей, работу – мы можем потерять в один день. Жутко осознавать, но это так. И придётся жить дальше, несмотря на всю боль...

– Я в курсе, Ром... Теряла...

– Я знаю, что теряла. А потом собралась по частям и стала счастливой.

– Я стала счастливой с тобой...

– Нет. Ты была счастливой, когда рисовала, помнишь?

– Но не так, как здесь, с тобой...

– Поверь мне, даже здесь и сейчас – твоё счастье в тебе самой. Оно в твоей голове, в твоём сердце. И стоит только приложить усилия – ты везде найдёшь свой Лисий остров. Ведь именно ТЫ ощущаешь этот сосновый запах, и именно

Ты любишь меня. Твоя любовь – в тебе. Ты её создала. Даже если ты потеряешь всё. У тебя. Есть. Ты. Помнишь, ты рассказывала мне о той гармонии, которую ты ощущаешь во время рисования?

– Помню... Ты считаешь, что счастье – в гармонии с собой?

– Конечно. Кто-то, будучи сытым, здоровым, окруженным родными людьми и живя под мирным небом считает себя несчастным по тем или иным причинам, а кто-то и в войну урвёт кусок своего рая. В любом случае, счастье – это ощущение, идущее изнутри. И если в твоём сердце царит гармония, то ты найдёшь счастье и в мелком, и в большом – и в бокале ежевичного вина и в великой любви.

– Я понимаю, о чём ты. Правда понимаю. Но сейчас я совершенно не хочу думать о том, как буду становиться счастливой без тебя...

– А тебе и не нужно об этом думать. Ты просто знай.

– Так, хватит... Мне становится грустно... Всё это звучит, как прощальная речь. А в мои планы – прожить с тобой всю жизнь!

– Наши планы совпадают, Маргарита. Я также хочу прожить с тобой всю жизнь. А к старости – уехать на Кубу, где мы каждый вечер будем пить ром, сидя в креслах-качалках на террасе своего дома...

– Дома будет у моря, я надеюсь? – шутливо-капризным тоном спросила я.

– Ну разумеется... Так что даже не думай – я не собираюсь тебя бросать. Ведь кто-то должен будет рисовать моё испещренное морщинами лицо, пока я буду курить сигару и любоваться заходящим солнцем? – усмехнулся Роман, и по моей душе мягким бальзамом разлилось спокойствие.

Часть 7. Шкатулки памяти

Глава 1

1

Знаешь, я бы хотела, чтоб мы друг другу надоели. Чтоб пресытившись, перестали сходить друг по другу с ума и начали бы воспринимать нашу семью как должное. Чтоб нас погубил быт, и тебя бы стали жутко раздражать мои волосы в ванной, а меня – твоя привычка есть в кровати...

Думаю, я даже была бы не прочь, если в какой-то момент ты пошёл на измену, о которой я бы обязательно потом узнала. Я бы не ушла от тебя, но в душе долго мучилась, и прошло бы не мало времени, прежде чем я смогла бы тебя простить.

И представь себе, было бы далеко не так страшно, если бы ты вдруг понял, что непременно хочешь сына, которого я никогда не смогу тебе дать... И ушёл бы от меня...

Это всё было бы сущим раем по сравнению с той болью, которую приносит осознание того, что тебя нет. Нигде.

Первое время после того, как мне сообщают о твоей смерти, похоже на ад.

Самое жестокое – первое утро. Оно настолько невыносимое, что мне кажется, я его не переживу. Мысль о том, что тебя нет давит бетонной плитой. А у меня просто нет сил её принять... Видимо поэтому моё сознание выбирает другой путь: мне нужно действовать. А дел действительно много: твои родители убиты горем, оно словно парализует их, и организация твоих похорон полностью ложится на меня. Я звоню, договариваюсь, выбираю... И суечусь, суечусь, суечусь...

На мене ложится и Соня. К сожалению, мы не можем убедить её от жестокой правды. Но поверь мне, любимый, я стараюсь, как могу. Я почти всегда рядом в эти страшные дни, утешаю, поддерживаю, объясняю, рассказываю... Мне кажется, что я спасаю её, хотя по правде говоря, это она спасает меня, не давая провалиться в пучину страшного осознания.

После того, как Соня засыпает, я начинаю убираться. Я мою, чищу, скоблю, глажу – до тех пор, пока сон не валит меня с ног.

Этот первые дни – странные, туманные, тягучие. Я часто вижу себя со стороны – трусливо убегающей от огромного

снежного кома своей боли.

Но вскоре я устаю. Да и бежать уже бессмысленно – ком почти настигает меня. И когда твоя мама просит привезти ей Соню на пару недель – я тут же соглашаюсь и покорно сливаюсь с этим комом в одно целое.

3

Я сижу в углу комнаты, поджав под себя ноги, и тихонько покачиваюсь. Меня сжирает боль. Я чувствую её почти физически как огромный раскалённый кол, проткнувший меня насквозь и не дающий дышать. Кажется, ещё чуть-чуть, и я сойду с ума.

Моё решение – в корне неверное, но на тот момент желание хоть как-то облегчить свое состояние – сильнее. Я натягиваю джинсы со свитером и как есть, неумытая и непричёсанная иду в ближайший магазин – купить алкоголь. Не вино, не шампанское – мне нужна водка. Горькая и обжигающая.

Я выпиваю почти полбутылки, но долгожданного облегчения не получаю. Хотя один плюс всё-таки есть: я впервые со дня твоей смерти нахожу в себе силы посмотреть наши фото...

Я не просыпаюсь, нет. Меня словно выбрасывает из сна. Мне страшно. Я сажусь в кровати. Меня трясёт. Хочется срочно куда-то бежать, сделать хоть что-то, чтобы избавиться от этого страха, но я абсолютно не знаю что... И рука уже привычным движением тянется к бутылке с пивом, стоящей на прикроватный тумбочке рядом со своими опустевшими близнецами.

Так начинается пятый день моего адского запоя. Теперь я хорошо понимаю, что алкоголь не спасает – он усугубляет. Он затуманивает разум, однако боль остается. А когда наступает похмелье, к боли присоединяются панический страх и тревожность, которые может унять лишь новая доза. И если ты её принимаешь – всё. Круг замыкается. Я знаю, что ты понимаешь меня. Ты и сам прошёл через эти круги. С той лишь разницей, что ты не любил Олю как женщину. А я люблю тебя больше жизни, в которой теперь не вижу просвета... Лишь темнота и звенящая пустота.

Я делаю несколько больших глотков, встаю с кровати и в первый раз за эти пять дней подхожу к зеркалу. Зрелище не из приятных. Безобразно опухшее лицо, волосы, сбившиеся в колтун, глаза, похожие на узкие красные щёлочки... Я думаю о том, что мне срочно нужен душ. Хотя зачем? Без тебя всё бессмысленно, даже такая, казалось бы, незамысловатая

вещь, как моя личная гигиена...

Тут звонят дверь. Кто бы там ни был – видеть его мне не хочется, и я решаю не открывать. Да и выгляжу я довольно отталкивающе. Однако в дверь продолжают звонить всё настойчивей. Вдруг меня колет мысль: Соня. Мало ли, что случилось? Может она заболела или еще что... Мой телефон валяется разряженным уже несколько дней, и я действительно не знаю, как у девочки дела...

– Кто там? – спрашиваю я через дверь, и собственный голос кажется мне чужим – низким и хриплым.

– Рит, это я. Открой, пожалуйста...

Это Полина. Как ни странно, её мне видеть тоже не хочется, но притворяться, что меня нет дома – поздно, и я открываю.

– Привет. – говорит Поля и молча сняла верхнюю одежду.

– Привет... – отвечаю я, равнодушно наблюдая за её действиями.

– Я не буду спрашивать, как ты. Я знаю ответ.

Я молча киваю.

– Твой телефон не отвечал. Я волновалась...

– Зря. Я не способна на самоубийство. Я слишком труслива.

– Сходи сполоснись, я приберусь. – по-хозяйски говорит Поля, и я послушно плетусь в ванную.

После горячего душа бешенно стучит сердце. Но голова становится яснее.

Пока я моюсь, Поля успевает разгрести мои завалы, выставив несколько пакетов со звенящими бутылками в прихожую, вымыть бокалы и заварить чай.

– Ты ела что-нибудь?

– Да. Чипсы.

– Круто. Хочешь блинчиков?

Я отрицательно качаю головой.

– Тогда я себе напеку, если ты не против, а там может и тебе...

– Против!!!!!!!!!! – сама того не ожидая, кричу я. – Поля, уйди, пожалуйста!!!! Я не хочу ничего, понимаешь?! Мне наплевать, как я выгляжу, как от меня пахнет и что находится в моем желудке! Мне всё без-раз-лично! И твоя забота мне не нужна! Уходи!

– Я могу о тебе не заботиться. Можно я просто побуду рядом?

– Я пью. Пятый день. Тебя это не смущает? – с вызовом говорю я и откупориваю очередную бутылку пива.

– Наливай. – Поля поднесла пустую чайную кружку к моей бутылке.

Я наливаю ей пива и поворачиваюсь к окну. На улице красиво. Осенняя листва торжественно блестит в солнечном свете, переливаясь золотым и красным.

Небо – синее и безоблачное. Дети, сбросив рюкзаки в одну кучу отчаянно катаются на качелях, бегают, кричат, смеются... Бабушки, сидя на лавочке, делятся насущным. Жизнь

идёт своим чередом. Без тебя. И мне это кажется мне жутко несправедливым.

– У вас была красивая история... – после недолгого молчания говорит Поля.

– Была, Поль. Была – это ключевое слово.

– Да, была. А значит уже ничего не заставит её исчезнуть.

– Ты в своём уме? Его больше нет. ОН исчез. А вместе с ним оборвалась и история. Всё. Ничего больше нет.

– Ваша история будет жить в твоей памяти. Есть вещи, которые не забываются, сколько бы воды не утекло.

– А ты хоть понимаешь, насколько это бывает больно – вспоминать?! – мой голос дрожит.

– К счастью, нет, Рит. Я не переживала такой потери. Но её пережила моя бабушка.

– Когда умер дед? – уже спокойнее спрашиваю я.

– Да. Но тот момент ему было 25 лет. Он работал на оборонном заводе. Кто-то нарушил технику безопасности. Начался пожар, который в дальнейшем спровоцировал взрыв. Дед оказался в эпицентре. Тело разнесло на фрагменты. Судя по всему, его смерть была мгновенной...

– Меня заверили, что Рома тоже умер за секунды. Это единственное, что меня успокаивает...

– Это важно, Рит. Невыносимо думать о том, что твои близкие испытывали долгую и мучительную боль. Бабушка тоже утешалась этим. В конце концов, еще неизвестно, какая участь уготовлена нам.

– Действительно... – тихо говорю я, вспоминая о том, как ты топил себя в ванной, пытаясь почувствовать то же, что и Оля.

– В общем бабушка осталась одна с двумя малолетними детьми – моими мамой и дядей. Позднее, намного позднее, лет через двадцать, она снова вышла замуж за того человека, который в итоге стал мне дедом. Но несколько раз, по большому секрету, бабушка говорила мне о том, что до сих пор любит своего первого мужа. Мне нравились эти разговоры. Это называлось у нас "открыть шкатулку памяти".

– Оригинально...

– Когда дед погиб, бабушка чувствовала все то же, что и ты. Ей также было больно и пусто, но раскисать было нельзя – ради дочерей. Шло время, а бабушка все продолжала жить воспоминаниями о любимом, храня его вещи и не снимая фотографий со стен. Все вокруг говорили: забудь и живи дальше, а вещи раздай нуждающимся. Но бабушка не хотела забывать. Она положила вещи и фотографии в сундук, а воспоминания расфасовала по вымышленным шкатулкам. И открывала их тогда, когда чувствовала в этом необходимость. Сначала часто и с болью. Со временем – реже и со светлой грустью. Таким образом ей не пришлось вырывать его из сердца совсем. Дед был рядом тогда, когда бабушка в этом нуждалась, не лишая её реальной жизни и не заставляя страдать...

– То есть предлагаешь мне убрать свои воспоминания в

"шкатулку памяти"? – усмехаюсь я.

– Именно. Не сейчас, со временем. Когда будешь готова...

– Может быть, со временем...

– Слушай, я тут подумала о том, что ты никогда не рассказывала о том, как Рома сделал тебе предложение?

– А он его и не делал... Он проиграл мне в карты.

Внезапно мы рассмеялись. На душе стало чуточку легче, и я стала делиться с Полей теми воспоминаниями, что рано или поздно положу в свою шкатулку...

5

Следующим утром я звоню твоей маме – узнать, как дела у Сони. Соня грустная.

– Рит, а ты скоро меня заберёшь? После выходных?

– Да, Сонь. А почему ты спрашиваешь? Хочешь домой?

– Ага... Хочу к тебе.

Я чувствую, как моё сердце дрогнуло.

– Хочешь, заберу тебя сегодня?

– Хочу! Хочу! – голос девочки заметно веселеет.

– Ну тогда собирай свой рюкзачок, я скоро буду.

– Во сколько ты будешь? Скажи мне по стрелочкам. Я буду глядеть на бабушкины часы на стене.

Я смотрю на время.

– Маленькая стрелочка будет на двенадцати, а большая – шести. Примерно так. Постараюсь не опоздать. Жди меня!

– Я жду. А мы заедем покушать в лесное кафе? Как с папой, помнишь? Где лось и медведь? – спрашивает Соня, и её слова болью отзываются в моей груди.

– Конечно, малыш. Я выезжаю! Скоро увидимся.

Глава 2

1

– Привет, Рит. Как ты? – звучит в телефонной трубке голос Полиного мужа. Денис работает хирургом и знаю, зачем он звонит.

– Привет. Да ничего... – на автомате отвечаю я, чувствуя бешенное сердцебиение.

– В общем, наша пациентка сегодня едет домой. Ты ведь понимаешь, что я не имею права предоставлять тебе подобную информацию? Надеюсь, ты меня не сдашь...

– Конечно нет. Мог бы и не говорить... Спасибо тебе.

– Хорошо.

– И не заявляйся к ней сразу. Дай немного прийти в себя.

– Как скажешь...

– Записывай адрес.

2

Я поднимаюсь по ступенькам серого панельного дома на пятый этаж. Так. Квартира 49.

Вот она.

Чёрная железная дверь ярко выделяется на фоне остальных – менее добротных и богатых. Я собираюсь с духом и звоню.

Дверь открывает низенькая полноватая женщина в хлопковом цветастом халате. На вид ей не больше пятидесяти пяти.

– Здравствуйте. Я к Вике.

– Добрый день! – мягко отвечает женщина и слабо улыбается. – Вы должно быть Яна?

– Нет. Я Рита.

– А я Тамара Михайловна. Проходите. Вике не повредит общение с друзьями.

– Хорошо, спасибо. – ответила я и стала разуваться.

– Викуш, к тебе пришли. – докладывает мама.

– Кто? – сонно спрашивает женский голос.

– Рита. Это твоя подружка?

– Кто?! – голос окончательно просыпается.

– Рита. Ты знаешь её?

Вика молчит.

– Дочь, что с тобой? Кто она? Попросить её уйти? – беспокоится мать.

– Всё нормально. Пусть заходит.

Викина спальня – женственной и с претензией на роскошь: большая кровать в стиле «барокко», шёлковое постельное белье, тяжёлая люстра, туалетный столик из искусственного мрамора, заставленный баночками и флаконами.

Однако вся эта шикарная обстановка жутко не вяжется со стоящим в комнате запахом медикаментов.

Вика сидит на кровати, прислонившись к спинке, закутав ноги в одеяло. Рядом ноутбук и поднос с допитым чаем и кучкой конфетных фантиков. Грязноватые волосы собраны в небрежный пучок. Лицо выглядит серым и болезненным. Я с трудом узнаю в этой постаревшей и осунувшейся женщине ухоженную и сексуальную Викторию.

– Я знала, что ты придешь... – говорит она.

– Зачем ты убила моего мужа? – без лишних предисловий спрашиваю я, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Я его не убивала...

– Нет. Его убила именно ты. Ты бросилась под его мотоцикл. И он, спасая тебя, налетел на бордюр, перевернулся и сломал себе шею. Он умер твоей вине. Исключительно. По твоей. Вине. Ты убийца. Ты это осознаёшь?

– Я не хотела этого! – вскрикивает Вика.

Дверь комнаты открывается, и в щели показалась голова Тамары Михайловны.

– Викуш, у тебя всё хорошо?

– Всё отлично, мам. Оставь нас, пожалуйста. – отвечает Вика, и мамина голова послушно исчезает.

– Я просто не могла отпустить его вот так вот... Он бы больше не дал мне возможности... – Вика нервно трёт своё лицо руками.

– Какой возможности?

– Увидеться.

– Расскажи последовательно. С самого начала.

– Может присядешь? – Вика указывает на кресло возле туалетного столика.

Я сажусь.

– Я всегда была несчастной. Сначала – слишком ранимой и неуверенной в себе, потом – равнодушной и фальшивой. Мне всегда было неуютно с самой собой. А с ним мне было хорошо. С ним я чувствовала, что живу, понимаешь? – тихо говорит Вика.

– Меня не интересуют твои переживания. Расскажи мне про тот день.

– Выслушай меня... Пожалуйста!

Я молчу, а Вика продолжает.

– Он никогда не был моим. А я подседа на него, как на наркоту... И когда между нами всё кончилось, я узнала, что такое ломка.

– Давай подинамичней.

– Хорошо, хорошо... Весь тот год, что вы были вместе, я честно пыталась его забыть. Но так и не смогла... И когда вы поженились, я почему-то подумала... – тут Вика запинается.

– Говори.

– Подумала, что мы бы могли встречаться на стороне... И попросила его о встрече, чтобы предложить.

– Предложила?

– Да. Мы встретились в кафе за бизнес-ланчем. Я стара-

лась быть привлекательной, манящей... Никто бы не устоял. А он... он меня просто разбил... Сказал, что шанцев нет и быть не может...

– Что было дальше?

– Мы пообедали и спустились на парковку. Он попрощался и сел на мотоцикл, а я пошла по направлению к своей машине. Мои мысли путались. Сзади послышался шум мотора: это был он. Я поняла, что не могу допустить, чтоб он уехал. Я должна была сказать что-то еще, попробовать еще раз... Я не хотела бросаться под колёса – я всего лишь хотела его остановить. Но подошла слишком близко... Что было дальше, я не помню.

Меня трясёт.

– Ты идиотка. Идиотка и психопатка!

– Да, ты права... Права. Я идиотка. И наказана за свою глупость. Я живьём горю в аду! И вот это, – Вика одёрнула одеяло, прикрывающее ноги, – это суший пустяк по сравнению тем, что творится у меня в душе!!!

Я гляжу на две короткие культы – на то, что осталось от Викиных ног, и чувствую тошноту. Как в тумане влетаю из комнаты, быстро обуваюсь, и, перескакивая через ступеньки, выбегаю на улицу.

Глава 3

Я сижу на лавке городского парка и наблюдаю за Соней, кропотливо отбирающей осенние листья и жёлуди для поделки в садик. На нас с ней – одинаковые шарфы, собственно-ручно связанные мной. Да, представь себе, я научилась вязать. Не сомневаюсь, что тебя этот факт непременно бы развеселил. Но дело далеко не в том, что мне пошёл четвёртый десяток, просто Соне очень хотелось, чтобы у нас были одинаковые предметы одежды – да не простые, а украшенные героями мультсериала «Клуб Винкс» (Соне нравится представлять будто она – блондинка Стелла, а я – рыжеволосая Блум). Перелопатив весь интернет и не найдя ничего приличного, я решила, что самое простое – это связать нам шарфы и приклеить на них аппликации. Потратив кучу нервов и поняв, что эти шарфы – первые и последние в моей жизни, я всё-таки довела дело до конца, получив в награду счастливую улыбку, сладкие детские объятия и новый шарф с феей.

Сейчас Сонино настроение довольно переменчиво. Она может играть и смеяться, а через минуту заплакать без видимой причины... Может без умолку болтать, описывая подробности очередной садиковской перипетии, и замолчать на самом интересном месте, видимо, вспомнив о тебе. Психолог сказал, что в сложившейся ситуации, это совершенно нормально. Я стараюсь ему доверять.

Чаще всего Соня грустит по вечерам. Я много говорю с ней о тебе и стараюсь не забывать ваших традиций – перед сном читаю ей "Большую детскую энциклопедию о динозаврах" и пеку оладьи по субботам. После твоей смерти Соня практически сразу стала называть меня «мамой». А буквально на днях я стала её матерью и юридически.

На следующей недели будет ровно год как тебя нет. Страшный и короткий год. Раньше я думала, что время скоротечно, лишь когда ты счастлив. Я ошибалась: когда ты полумёртв и жизнь превращается в однообразную вереницу дней, только и остаётся удивляться тому, как быстро меняется природа за окном.

Если я скажу, что часто вспоминаю о тебе – я совру. Я не могу о тебе вспоминать, просто потому что ни на минуту о тебе не забываю. Твой голос ругает меня, когда я одеваюсь не по погоде, смеется надо мной, когда путаю лево и право, комментирует, когда готовлю... Во время диалогов с другими людьми, за чтением книги, в процессе выбора продуктов в магазине – я всё равно думаю о тебе. Порой это даже не мысли – просто ощущение твоего образа. С ним я дышу, хожу, ем, пью, засыпаю и просыпаюсь...

Поначалу мне было очень больно. Но со временем боль стала менее острой и более управляемой. Сейчас она уже не может застать меня врасплох – я приручила её и выпускаю на волю лишь тогда, когда пожелаю.

Но боль – это лишь полбеды. Намного сложнее дела об-

стоят с тоской. Она заполнила моё сердце до краёв, окрасив мир в глухие, серые тона.

Это лето тоже было серым. Серые поездки, серые встречи с друзьями, серые занятия зумбой, куда Поля неумолимо таскает меня каждый четверг, стараясь отвлечь... Кажется, даже мой смех стал серым и каким-то ненастоящим... Ничто не трогает моей души, ничто не способно заинтересовать меня настолько, чтоб вытащить из этого куматоza...

Единственной настоящей радостью и облегчением для меня теперь является сон, которым я, представь себе, научилась управлять...

Всё получилось случайно.

Ты снился мне довольно часто, но почему-то всё время ускользал. Уходил, уезжал, иногда просто исчезал непонятно куда. Я пыталась дозвониться до тебя, но тщетно – то было занято, то сбивалась сеть, то пропадал телефон...

А однажды мне приснилось будто мы лежим на кровати и смотрим фильм. Понятия не имею какой. Помню только ощущение – тепла, спокойствия и безграничного счастья. И вдруг ко мне приходит осознание: я сплю, это сон. Мой сон. А это значит – всё будет так, как я хочу. И никак иначе.

Тогда ты в первый раз остался со мной. Мы разговаривали, обнимались и занимались любовью. Когда зазвонил будильник, я сбросила его и, дав себе ещё пару минут, абсолютно осознанно вернулась обратно – поцеловать тебя и попрощаться. Не навсегда – до следующей ночи.

Глава 4

1

– Ты планируешь делать выставку здесь? – выражая сомнение всем своим видом спрашивает Артём.

– Именно. – отвечаю я. – Вот скажи мне, как ты справишься с детским издательством, если в тебе творчества не больше, чем в мешке с картошкой?

– Для творчества есть другие люди. А я это творчество стараюсь монетизировать. Очень стараюсь, между прочим. И вроде как, у меня неплохо получается.

– С этим не поспоришь. Здесь ты красавчик.

– Вооооот... В таком ключе мне нравится общаться гораздо больше. – Артём улыбается, как Чеширский кот.

– Да будет тебе известно, это захламлённое помещение с обшарпанными кирпичными стенами, бетонным полом, трехметровым потолком и высоченными окнами – чистойшей воды индустриальный лофт. Самый brutальный из всех, что я видела.

– Такой же brutальный, как и я? – паясничает Артём.

– Почти.

– Это правильный ответ. – и я снова вижу Чеширского кота. – То есть ты планируешь оставить всё как есть?

– В целом – да. Окна – в полном порядке. Стены и пол – в отделке, как ты понимаешь, не нуждаются. Нужно будет вывезти мусор и сделать подсветку картин... Всё.

– А трубы?

– Что трубы? Трубы – это лучшее украшение любого лофта. Тем более брутального. Тебе ли не знать...

– Ха-ха. А ты умеешь убеждать.

– Я тебе больше скажу. Роме всегда нравилось это помещение.

Пуговичный завод тридцатый годов, как-никак... Он говорил, что в отличии от первого этажа, где находится издательство и все переделано под чистую, второй этаж еще пахнет историей. Я думаю, он обязательно нашёл бы ему применение, если бы... успел.

Какое-то время мы стоим молча.

Я пялюсь на наш подоконник и вижу закат, хотя на часах всего десять утра. Вижу тебя в его красном свете. И в душу снова лезет грусть...

– Хорошо. – после недолгого молчания говорит Артём. – Я договорюсь о вывозе мусора, приглашу гостей, разошлю пресс-релизы... Остальное – твоя работа, детка. Да, макет афиши – тоже с тебя.

– Не вопрос, господин директор. – салютую я. – Спасибо тебе...

– Ты с ума сошла? За что? Это наше общее дело.

– За то, что поддержал меня. У нас всё получится.

Мой взгляд придирчиво скользит по новоиспеченному выставочному залу в поисках погрешностей.

Все поверхности идеально чистые. Фотографии оформлены в чёрное-белые паспарту и развешаны по тематикам. Освещение – на высоте. Бокалы с вином и закусками аккуратными рядами расставлены по фуршетным столам.

Еще несколько минут – и начнут подходить гости...

– Не переживай. Всё идеально. – участливо сжимает мою руку Полина.

– Я не закончу переживать, пока не скажу приветственную речь...

– Текст помнишь? Или будешь читать по бумажке?

– Поль. Какие бумажки? Этот текст высечен на моём сердце. Я буду читать по нему...

– Прости... Ты справишься. Выпьешь вина?

– Да, можно.

Я принимаю бокал из Полиных рук и делаю глоток. По телу разливается живительное тепло.

– То, что нужно...

– Да, с вином ты угадала. Конечно, ежевичное вино – немного странный выбор для такого мероприятия. Но оно реально вкусное.

– Очень вкусное.

– Всем добрый вечер! Меня зовут Маргарита и я искренне рада видеть вас на открытии фотовыставки, посвящённой памяти моего мужа, трагически погибшего два года назад. – начала я не своим от волнения голосом. – Кому-то из вас он был другом, кому-то – коллегой, кому-то – партнёром. Кто-то был знаком с ним лично, кто-то заочно, кто-то – не знаком вообще. Я не хочу утомлять вас долгими речами. Скажу лишь о главном. Рома был самым мужественным, самым добрым и самым глубоким человеком из всех, что я знала. – я почувствовала, как к глазам подступили непрошеные слезы, но вместе с ними пришло и расслабление, и я продолжила уже намного увереннее. – Он был трогательно-нежным отцом для своей дочери, заботливым сыном своим родителям и любящим мужем для меня... Он тонко чувствовал красоту этого мира, людей и их эмоции, что видно по его фотографиям. Он много помогал – значительная часть его дохода регулярно уходила на помощь нуждающимся. Сегодня день его рождения. Сегодня ему могло бы исполниться тридцать пять лет. И в это день я хочу, чтобы мой муж помог ещё раз. – я сделала глоток воды и продолжила. – Перехожу к сути. Организовывая эту выставку, я преследовала три цели. Первая – почтить память. Вторая – открыть Ромины работы людям, позволить им увидеть мир его глазами. И третья

цель – помочь ребёнку... Два месяца назад наша дочь Со-
ня пошла в первый класс. А недавно у её одноклассницы,
маленькой семилетней девочки – нашли онкологию. И, как
вы уже успели догадаться, все деньги с продаж фотографий
уйдут на её лечение. Конечно же, только в том случае, если
вы действительно захотите что-то купить. Если какая-либо
из работ действительно затронет ваше сердце, и вы захотите
поселить её в своём доме как напоминание о том, что вы со-
вершили доброе дело. Пожалуй, это всё.

Звучат аплодисменты.

Я благодарю гостей за внимание и подхожу к фуршетно-
му столу. Взяв бокал вина, хочу направиться в сторону По-
ли и Дениса, но вдруг вижу низенькую полноватую женщи-
ну, с интересом рассматривающую фотографии. Её профиль
кажется мне смутно знакомым. Женщина, судя по всему, за-
метив мой взгляд, поворачивается в мою сторону, и я узнаю
её. Это мама Виктории. Мы встречаемся глазами, она робко
улыбается и подходит ко мне.

– Здравствуйте, Маргарита... Я прошу прощения. Мне не
стоило сюда приходить... Но Вика очень просила меня ку-
пить для неё картину. А я... сами понимаете... не могу упу-
стить возможности её порадовать. – заискивающим голосом
говорит женщина, нервно теребя свою сумочку. Мне стано-
вится её жалко.

– Вы не должны извиняться. Татьяна Михайловна, если
не ошибаюсь?

– Тамара. Тамара Михайловна...

– Точно. Вход на выставку свободный. И я ничего не имею против вашего присутствия.

– Это большое облегчение для меня... Надо признаться, я волновалась.

– Как дела у Вики?

– Вы знаете, Рит, я боюсь сглазить, но – тьфу, тьфу, тьфу – всё хорошо. – щебечет Тамара Михайловна, не забыв суеверно постучать по подоконнику. – Последний год Вика стала посещать центр психологической поддержки инвалидов. Там они занимаются, общаются, делятся насущными проблемами... Но самое главное, что Вика встретила там мужчину – также с ампутированными ногами, бывшего военного. Очень приличный мужчина. Они встречаются днём и ночи напролёт говорят по телефону... Я же до сих пор живу у Вики и всё слышу. Мне, знаете, так радостно от этого. И спокойно... Ой... Простите меня... Простите, Рит... Что я несу?

– Ничего. Я рада, что у вашей дочери всё хорошо. – как можно более спокойно ответила я.

– Она очень раскаивается, очень себя корит. Чувствует вину перед Романом, вами, перед вашей девочкой... Не знаю, могу ли я о таком просить... Но если б вы её простили...

– Я её простила.

– Вы серьёзно?! Спасибо вам, Рита. Спасибо большое...

– Я прошу прощения, мне нужно идти.

– Да, да... Простите меня ещё раз.

– Всего хорошего. – прощаюсь я.

– Рита, подождите... Можно я куплю эту работу? В ней столько радости... – сказала Тамара Михайловна и указала на фотографию маленькой чёрной таксы, беспечно ловящей языком первые снежинки.

4

Я сижу на подоконнике с бокалом в руке. Туфли брошены на пол. Столы убраны, фото раскуплены, все необходимые слова – сказаны. Мне нравится смотреть на этот опустевший, тёмный зал. В нём также пусто, как и в моей душе. И эта пустота мне тоже нравится. Ощущать её гораздо легче, чем боль или тоску... Я поднимаю бокал. С днём рождения тебя, мой родной... Я совершенно не знаю, где ты, но мне хочется верить в то, что ты меня видишь и в то, что когда-нибудь мы снова встретимся...

В коридоре слышатся шаги. Это Артём.

– Ты ещё здесь? – спрашивает он. – я забыл зарядник. У тебя всё хорошо?

– Всё в норме... – отвечаю я, практически не соврав.

– Ты за рулём?

– Как видишь, нет... – стучу пальцем по бокалу.

– Подвезти тебя?

- Не надо, я хочу прогуляться пешком.
- Я бы не советовал, на улице дождь...
- Я хочу прогуляться под дождём.
- Ну, у вас, у творческих, – свои причуды. Нам, простым смертным, не понять...
- Да, даже не пытайся... – усмехаюсь я.
- Почти все фотографии раскуплены. Разлетелись, как горячие пирожки...
- Это Ромина заслуга. У него был талант.
- Ты тоже молодец. Без тебя бы точно ничего не вышло...
- Завтра повезу деньги родителям девочки. У них впереди – тяжёлая борьба... Я очень надеюсь, что они победят...
- Я тоже. Держи меня в курсе.
- Конечно...
- Ладно, раз ты со мной не едешь, тогда пока.
- Пока, Тём...

5

Я напяливаю дождевик и выхожу из издательства. Дождь сильный, но несмотря на конец октября – довольно тёплый. То, что нужно. Капли приятной музыкой стучат по капюшону. По асфальту бешеными ручьями несутся потоки воды. Город блестит и переливается. Город смывает с себя всю грязь прожитого дня. Я тоже хочу умыться – смыть с души остатки боли и тоски. И, кажется, у меня получается...

Дождь расходится. Накрывает меня тяжёлой бетонной плитой. Сначала чувствую себя маленькой и незначительной по сравнению с ним. А потом мы сливаемся. И я перестаю чувствовать что-либо вообще...

Я понимаю, что замерзла, только войдя в квартиру. Гармония с природой – это восхитительно, но все же как прекрасно жить в цивилизации... Я наполняю ванну и с великим блаженством залезаю в горячую воду. Мурашки бегут от кончиков пяток до самой макушки. Как же хорошо... Я погружаюсь в воду с головой и улыбаюсь сама себе.

Ты был прав. Мы сами генерируем своё счастье – нужно только прислушаться к своему внутреннему голосу...

И сейчас я счастлива находиться в этой тёплой ванне.

Я счастлива, когда пью какао. Когда дышу свежим воздухом. Когда читаю интересную книгу. Когда рисую. Когда тискаю котёнка. Когда провожу вечер с Полей за бутылкой красного вина и душевными разговорами. Когда мягкие и тёплые Сонины ладошки обнимают меня во сне...

Мучительная тоска по тебе долгое время не давала мне почувствовать это простое, незамысловатое счастье.

И вот наконец я чувствую, что она отпускает меня, уступая место светлой грусти...

Нет, я ни в коем случае не разлюбила тебя. Я люблю тебя всей душой и буду любить всегда. Воспоминания о тебе ярки и живы, но они больше не мучают меня. Они стали ценным сокровищем, мирно покоящимся в шкатулках моей памяти.

Я буду открывать их тогда, когда почувствую в этом необходимость. Сначала часто. Со временем – реже. Так мне не придётся вырывать тебя из сердца насовсем.

А сейчас я хочу жить – не выживать, а именно жить. Дышать полной грудью, мечтать, творить и любить. И, если там, на небесах, действительно что-то есть – мы обязательно встретимся, любимый. Но позже. Я надеюсь, что намного позже.

Я выхожу из ванной, ложусь в чистую мягкую постель и под ритмичный стук дождя плавно проваливаюсь в сон.